

Ричард Найт
Томас Райт

Сексуальная СИМВОЛИКА

Легенды и тайны

Richard Knight
and Thomas Wright

Sexual SYMBOLISM

A History of Phallic Worship

Ричард Найт
Томас Райт

Сексуальная СИМВОЛИКА

Легенды и тайны

Москва
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЦЕНТРОЛИГРАФ

УДК 392.6
ББК 63.5
Н20

Охраняется законодательством РФ
о защите интеллектуальных прав.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Оформление художника
И.А. Озерова

Найт Р., Райт Т.
Н20 Сексуальная символика. Легенды и тайны / Пер.
с англ. Т.Е. Любовской. — М.: ЗАО Издательство
Центрполиграф, 2010. — 253 с.

ISBN 978-5-227-02144-1

Исследование авторов этой книги посвящается древнейшему культу
обожевления гениталий. Сексуальный символизм был настолько тесно
связан со всеми сферами человеческой деятельности, что проникал в
религию, политику, быт и искусство, сопровождая человека от рождения
до самой смерти. На основе трансформаций, которым подвергался культ
Приапа, исследователи показывают, как менялось отношение к плотской
любви.

УДК 392.6
ББК 63.5

ISBN 978-5-227-02144-1

© Перевод, ЗАО «Издательство
Центрполиграф», 2010
© Художественное оформление,
ЗАО «Издательство
Центрполиграф», 2010
© ЗАО «Издательство
Центрполиграф», 2010

Ричард Найт

Рассуждения
о культе Приапа

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ричард Пейн Найт, бывший в свое время одним из наиболее известных покровителей искусств и наук в Англии, блестяще образованный ученый, выдающийся коллекционер, член радикальной парламентской партии, даровитый писатель, родился в 1750 году в Уормсли-Грейндж, графство Херефордшир. С ранних лет он посвятил себя изучению античной литературы, памятников древности и мифологии. Большую часть унаследованного им состояния он истратил на собрание древностей, особенно на античные монеты, медали и изделия из бронзы. Коллекция, которую он продолжал собирать до самой своей смерти в 1820 году, была завещана Британскому музею и принята этим учреждением согласно особому постановлению парламента. Ее стоимость была оценена в 50 тысяч фунтов.

К числу его трудов принадлежат: «Исследование законов вкуса»; «Аналитический очерк греческого алфавита»; «Символический язык античного искусства»; а также три поэтических произведения: «Пейзаж», «Прогресс гражданского общества» и «Роман об Альфреде».

«Культе Приапа» был впервые опубликован в 1786 году. Смелость, с которой Найт решил изъясниться на тему, которая до той поры была полностью табуирована, шокировала чувства представителей высших классов английского общества, а также священнослужителей и представителей различных религиозных конфессий. По-

сле того как на издание обрушилась буря критики, автор принялся изымать все отпечатанные экземпляры книги, вследствие чего она стала большой редкостью.

Многочисленные иллюстрации срисованы с античных монет, медалей, каменных плит и прочих древностей, хранящихся в собрании Пейна Найта в Британском музее. Подобные образцы разбросаны по музеям и частным коллекциям всей Европы, что делает их практически недоступными для изучения; здесь же они подробно представлены в рисунках и детально описаны.

Настоящее издание осуществляется в интересах науки и образования. В наше время, когда столь интенсивно исследуются истоки религиозных верований и обычаев, становится очевидным, что эту сторону данной темы не должно игнорировать. А успехи религиоведения XIX и XX веков делают эту книгу во много раз интереснее.

Краткое сообщение об остатках культа Приапа в Неаполитанском королевстве взято из письма сэра Вильяма Гамильтона, посланника его величества при дворе Неаполя, к сэру Джозефу Бэнксу, впоследствии президенту Королевского общества.

О КУЛЬТЕ ПРИАПА В КОРОЛЕВСТВЕ НЕАПОЛИТАНСКОМ

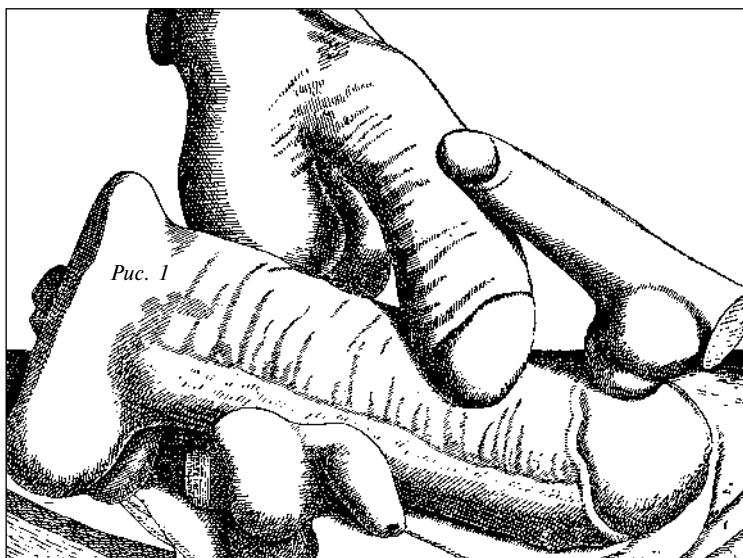
Неаполь, 30 декабря 1781 года

Сэр!

В прошлом году мне случилось сделать любопытное открытие: оказывается, в провинции этого королевства, и не более чем в восьмидесяти километрах от его столицы, еще существует нечто вроде поклонения Приапу, непристойному божеству древних (хотя и под другим наименованием), и я подумал, что этот случай стоит того, чтобы составить о нем отчет; в частности, потому, что он являет собой натуральное свидетельство подобия папистской и языческой религий, столь хорошо подмеченного доктором Мидлетоном в его знаменитом «Письме из Рима»: а потому я намереваюсь передать подлинные доказательства¹ этого утверждения в Британский музей, когда представится должная возможность. Тем временем я посылаю Вам следующий рассказ, который, льщу себя надеждой, в настоящий момент доставит вам развлечение, а в будущем может послужить иллюстрацией этих доказательств.

Я давно заметил, что женщины и дети низших классов в Неаполе и его окрестностях часто носят в качестве украшения на платье нечто вроде амулетов (которые,

¹ Образцы всех вотивных предметов из воска, приложенные к исходному письму из Изернии. См. илл. I.

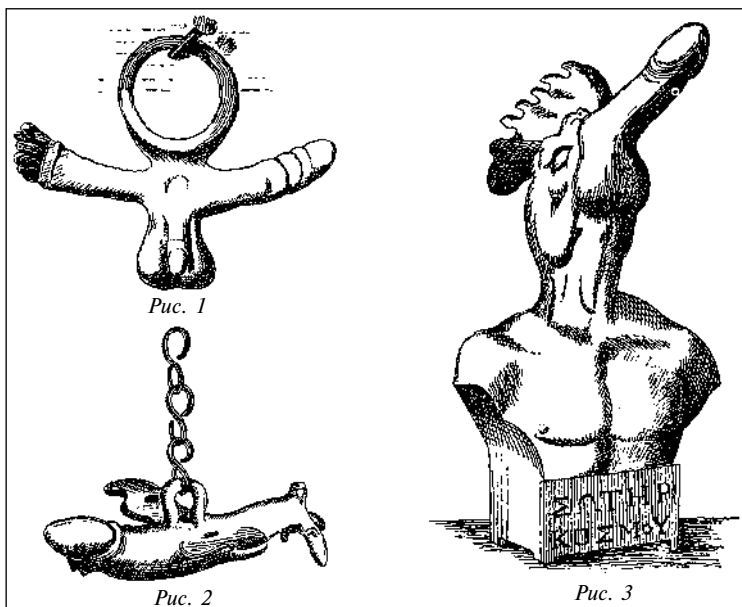
Илл. I. Восковые вотивные предметы из Изернии

по их представлениям, должны предохранять их от дурного глаза или колдовства), в точности подобных тем, которые носились древними обитателями этой страны с той же самой целью, поскольку они, как предполагается, обладают способностью придавать силы, и все они имеют очевидную связь с культом Приапа. Пораженный этим согласием между древним и современным суеверием, я собрал коллекцию как древних, так и современных амулетов этого рода и поместил их все в Британский музей, где они и находятся. Наиболее распространенный из современных амулетов представляет собой сжатую в кулак руку с концом большого пальца, торчащим между указательным и средним пальцами; далее следует раковина; затем полумесяц. Эти амулеты (за исключением раковины, которую обычно носили натуральной) чаще всего изготавливались из серебра, иногда же из слоновой кости, коралла, янтаря, хрусталя, различных редких самоцветов или простых камней. У нас имеется доказательство того, что вышеописанная

рука связана с изображением Приапа, в виде чрезвычайно изящного маленького бронзового идола, найденным в развалинах Геркуланума и ныне хранящимся в Королевском музее Портичи: он имеет гигантских размеров фаллос, лукавое выражение лица и протягивает вперед правую руку; по-видимому, он символизировал кульминационный момент вступления в супружество, очередным подтверждением чего служит тип амулета, чаще всего встречающийся среди амулетов древних (почти столь же часто, как простое изображение Приапа) — в виде уже описанной соединенной с фаллосом руки; что можно видеть в моей коллекции, находящейся в Британском музее. В частности, один из них, насколько я помню, представляет собой полумесяц, соединенный с рукой и фаллосом; при этом данный полумесяц, как предполагается, указывает на женский детородный орган. Раковина, или *concha veneris*, очевидно, служит символом женской производительной части. Естественно было бы предположить, что амулеты, откровенно изображающие фаллос, столь явно непристойные, могли давно выйти из употребления в этой культурной столице; однако меня уверили, что лишь совсем недавно священники положили конец ношению подобных амулетов в Калабрии, а также в других отдаленных провинциях этого королевства.

В прошлом году прокладывалась новая дорога, соединившая эту столицу с провинцией Абруццо, проходящая через город Изерния (в древности принадлежавший самнитам и весьма густонаселенный).

Один весьма широко образованный господин, занимавшийся этой работой, случайно оказался в Изернии как раз во время празднества в честь современного Приапа — святого Косьмы; будучи поражен своеобразием церемонии, так напоминавшей ту, что сопровождала древнему культу бога садов, и зная мое пристрастие к Античности, рассказал мне о ней. Из сообщения этого джентльмена, а также из того, что я выяснил на месте от самого губернатора Изернии, нарочно прибывшего

Илл. II. Древние и современные амулеты

в этот город в феврале прошлого года, я составил следующее заключение, которое имею причины считать безусловно истинным. Я намеревался присутствовать на празднике святого Косьмы в этом году; однако неприличие этой церемонии, вероятно, обнаружилось, поскольку благодаря новой дороге эта местность стала более посещаемой, и были отданы распоряжения, дабы *Большой палец*¹ святого более не выставлялся на всеобщее обозрение. Далее следует отчет о праздновании Дня святого Косьмы и Дамиана, в том виде, как он в действительности отмечался в Изернии, на границе Абруццо, в королевстве Неаполитанском, не позднее 1780 года от Рождества Христова.

В день 27 сентября в Изернии, одном из самых древних городов Неаполитанского королевства, располо-

¹ Так назывались в Изернии современные приапы.

женном в провинции, именуемой Контадо-ди-Молис и граничащей с Абруццо, открывается ежегодная ярмарка, продолжающаяся три дня. Ярмарка эта устраивается на возвышенном участке земли между двумя реками, около километра от города Изернии, на высшей точке которого находится древняя церковь с папертью. Архитектура ее выдает постройку недавнего времени; и говорят, что здесь были церковь и монастырь, принадлежащие монахам-бенедиктинцам во времена их бедности. Эта церковь посвящена святым Косме и Дамиану. В один из дней ярмарки выставляются реликвии святых, после чего в сопровождении огромных толп народа их несут из городского кафедрального собора к этой церкви. И в городе, и на ярмарке открыто предлагаются на продажу *ex-voti* из воска, изображающие мужские половые органы разнообразных размеров, некоторые даже в длину ладони. Такие же восковые фигурки, являющие собой приношения по обету, имеются там и в виде других частей тела; но их немного в сравнении с числом приапов. Благочестивые разносчики этих приношений носят их в корзине, держа в другой руке блюдо для получения денег, и громко кричат: «Святые Козимо и Дамиано!» Если вы спросите, какова их цена, ответ будет «*Più ci metti, più meriti*» («Чем больше дадите, тем больше заслуга»). В преддверии церкви стоят два стола, за каждым из которых восседает один из каноников этой церкви; один выкрикивает «*Qui si ricevono le Misse, e Litanie*» («Здесь принимают мессы и литании»); а другой «*Qui si ricevono li Voti*» («Здесь принимают обеты»). Цена мессы — пятнадцать неаполитанских гран, литании — пять гран. На каждом столе большой поднос для приема разнообразных пожертвований. Жертвы по обету обычно приносят женщины, и это редко бывают фигурки, изображающие ноги, руки и т. д., но более всего мужские производительные органы. Господин, который побывал на этом празднестве в 1780 году, который снабдил

меня этими сведениями (достоверность коих была затем полностью подтверждена мне губернатором Изернии), сообщил мне также, что слышал, как женщина, поднося приношение, подобное тому, что представлено на илл. I, рис. 1, говорила в этот момент: «*Santo Cosimo benedetto, così lo voglio*» («Святой Козимо, благословенный, я так этого хочу»); а другая — «*St. Cosimo, a te mi raccomendo*» («Святой Козимо, я вверяюсь твоей защите»); и третья — «*St. Cosimo, ti ringrazio*» («Святой Козимо, я благодарю тебя»). Приношение по обету никогда не подносится, не будучи дополнено некоторым количеством денег, и набожный жертвователь всегда целует его в момент подношения.

К главному алтарю в церкви приставлен еще один из ее каноников, в обязанности которого входит священное помазание маслом святого Косьмы¹; оно готовится по тому же рецепту, что и в римском ритуале, с добавлением только молитвы к святым мученикам Косьме и Дамиану. Те, кто чувствует болезненность какого-либо из своих членов, предстают перед главным алтарем и обнажают пораженные болезнью члены (не исключая даже те, что наиболее часто представлены в виде votivных предметов); и почтенный каноник помазывает его, произнося молитву.

По завершении церемонии каноники церкви разделяют прибыль, как деньги, так и воск, который должен собираться там в весьма значительном количестве, поскольку стечение народа на этот праздник, как говорят, поразительно велико.

Масло святого Косьмы пользуется доброй славой за его свойства, придающие силы, если помазать им

¹ Исцеление болезней при помощи масла точно так же имеет древнее происхождение; ибо Тертуллиан утверждает, что христианин по имени Прокулус излечил императора Северуса от некоего душевного расстройства с помощью масла; за эту услугу император оставил Прокулуса в своем дворце до конца его жизни.

чресла и части с ними смежные. Не менее 1400 бутылей этого масла были либо истрачены на алтаре при помазываниях, либо розданы в милостыню во время праздника в 1780 году; а поскольку каждый, кто либо пользовался этим маслом на месте, либо уносил с собой, по обыкновению оставлял подаяние для святого Косьмы, церемония с маслом является весьма прибыльной для каноников этой церкви.

О КУЛЬТЕ ПРИАПА

Люди, если рассматривать их вообще, во все времена подобны животным, используют те же органы и наделены теми же свойствами: их страсти, предубеждения и представления взращиваются, без сомнения, на одних и тех же внутренних началах, хотя и направленных в разные стороны и видоизмененных различными способами под действием разнообразных внешних обстоятельств, влияющих на них. Образование и наука могут исправлять, обуздывать и развивать; однако они не способны ни уничтожить, ни создать; они могут изменять направление и приукрашивать берега рек; но не могут ни остановить, ни усилить потоки, которые, продолжая течь с непрестанной и равной силой, возвращаются в свои древние русла, когда причины, отклонявшие их, перестают действовать.

Первейшие законы человеческого разума тем с большей полнотой вступают в силу, чем серьезнее и глубже чувство, с которым он рассматривает свой объект; страсть и предубеждение тем скорее возобладают над ним, чем полнее вступят в силу его первейшие законы. В любой повседневной области это господство страсти и предубеждения с очевидностью обуздывается здравым смыслом и чувственным восприятием; но когда разум устремляется к рассмотрению того, что находится вне постигнутых им пределов, все подобные ограничения исчезают: тогда рассудок ничего не

способен противопоставить фантомам воображения, обуянного ужасом перед неведомым, кои, будучи непонятны, завладевают им бесконтрольно. Так обстоит дело со всеми религиозными предметами, которые, будучи за пределами досягаемости чувства или рассудка, всегда вбираемы или отвергаемы с неистовством и жаром. Люди думают, что они знают, поскольку уверены, что чувствуют; и твердо убеждены, потому что чрезвычайно взволнованы. Отсюда поспешность и неистовая страсть, с которой приверженцы всех религий осуждают обряды и доктрины иных вероучений, а также яростное рвение и слепой фанатизм, с которыми они поддерживают собственные; тогда как, быть может, поняв друг друга в равной мере, и те и другие обнаружили бы, что все их религии имеют один и тот же смысл и различаются единственно лишь способом выражения.

Изо всех языческих обрядов, свойственных древнему политеизму, ничто не претерпело более яростных поношений от ревностных пропагандистов христианской веры, чем непристойные церемонии, совершавшиеся при поклонении Приапу; эти церемонии, по их мнению, не только вступали в противоречие с торжественностью и святостью религии, но и подрывали самые основы общественной благопристойности и добропорядочности. Даже сам образ, в котором представлялось это божество, казалось, превращал в пошлость всякое благочестие и набожность и более подходил для того, чтобы поместить его в притон разврата, нежели во храм. Между тем формы и церемониалы религии не всегда должны пониматься в их прямом и очевидном для глаз смысле; но призваны рассматриваться как символические представления некоего скрытого смысла, который может оказаться чрезвычайно мудрым и праведным, хотя сами символы для тех, кому неведомо их истинное значение, могут показаться в высшей степени нелепыми и сумасбродными. Нередко алчность и суеверие поддерживают эти

символические репрезентации, хотя их изначальный смысл был утрачен и забыт столетия тому назад; тогда они должны, разумеется, казаться бессмысленными и смехотворными, если не нечестивыми и постыдными.

Так обстоит дело с тем ритуалом, о котором здесь пойдет речь, ничего не может быть чудовищнее и непристойнее, если рассматривать его в прямом и очевидном смысле или же так, как если бы он был частью христианского вероисповедания; но следует признать его самым естественным символом самой естественной и мудрой религиозной системы, если рассмотреть его согласно с первоначальной целью и замыслом.

Суть его я попытаюсь объяснить так кратко и ясно, как только это возможно. Тем, кто пожелает узнать более об этом символе и о религии, которую он представлял и которая некогда была господствующей, необходимо обратиться к великолепному, досконально продуманному труду господина д'Анкарвилля, чье усердие и безграничные познания позволили ему проследить распространение этого культа по всему миру. Я стремлюсь просто показать, какие первичные законы человеческого разума изначально лежали в его основе и как он был связан с античной теологией: это потребует весьма тщательного расследования, которое, возможно, послужит наилучшей иллюстрацией той истины, которая должна бы присутствовать в сознании каждого человека, когда он берется судить поступки других: *в нравственности, как и в физике, не бывает действия без соответствующей причины*. Если при этом я нередко нахожу необходимым оспаривать мнение вышеупомянутого ученого, я каждый раз делаю это с предельным почтением и уважением; ведь именно ему мы обязаны единственным рациональным методом объяснения символического творчества древних художников.

Что бы ни подразумевали греки и египтяне под этим символом, здесь безусловно не было ничего нелепого

или безнравственного; в качестве доказательства достаточно вспомнить, что его несли в торжественной процессии на празднованиях тех мистерий, в которых первооснова их религии, познание Бога Природы, Изначального Высшего Разума, сохранялась свободной от вульгарных предрассудков и сообщалась, под строжайшими клятвами, лишь прошедшим обряд посвящения; а те, прежде чем причаститься тайн, были обязаны очистить себя через воздержание от любострастия и всякой нечистой пищи. Мы, следовательно, можем быть уверены, что этот символ не мог нести никакого нечистого смысла, но представлял некий фундаментальный принцип их веры. Что конкретно он представлял, выяснить трудно по причине отсутствия какой-либо непосредственной информации, поскольку эта область религии была скрыта под покровом тайны. Плутарх говорит, что египтяне изображали Осириса с восставшим производительным органом, чтобы показать его порождающую и плодоносную силу: от него мы также узнаем, что Осирис являлся тем же божеством, что и Бахус греческой мифологии; то есть тем же, что и первородная Любовь Орфея и Гесиода. Это божество прославлялось древними поэтами как творец всех вещей, отец богов и людей; итак, из всего вышесказанного следует, что производительный орган служил символом его великого характеристического атрибута.

Это совершенно согласуется с повсеместным обычаем греческих художников, которые (как это будет с очевидностью показано в дальнейшем) всегда изображали атрибуты божества через соответствующие свойства предметов, наблюдаемых зримо. Они таким образом персонифицировали эпитеты и титулы, которыми величали его в гимнах и литаниях, а также передавали свои представления о нем в формах, понятных лишь посвященным, заменяющих слова, понятные всем. Производительный орган представлял порождающий или творящий атрибут.

Это истолкование, возможно, удивит тех, кто не привык отделять свое мышление от предрассудков образования и моды; но я не сомневаюсь, что его посчитают простым и разумным те, кто рассматривает нравы и обычаи скорее в связи с породившими их естественными причинами, нежели с искусственно образованными мнениями и предубеждениями какого бы то ни было конкретного века или страны. Безусловно, никакой нечистоты или распутства нет в умеренном и регулярном удовлетворении любой природной потребности; порочность состоит исключительно в неумеренности или извращенности. Также и органы, предназначенные для одного рода наслаждения, естественно, не могут рассматриваться как предметы стыдные и скрываться более, чем органы других родов; всякая утонченность современных манер проистекает от благоприобретенной привычки, но не от природы; привычки, несомненно, давно укоренившейся, ибо она, как известно, так же была распространена во дни Гомера, как и в наши дни; однако ее определенно не существовало в те времена, когда были впервые выбраны мистические символы древнего культа. Поскольку эти символы предназначались для выражения умозрительных идей через зримые объекты, их изобретатели естественно выбирали те объекты, чьи характерные свойства, по их мнению, в величайшей степени являли собой аналогию Божественным атрибутам, которые они хотели представить. А потому в те времена, когда не существовало никаких искусственных предрассудков благопристойности, что могли они найти более простого и естественного для выражения идеи благотворной силы великого Творца, чем тот орган, который наделял их властью произвести на свет потомство и делал их сопричастными не только благословенному дару Божьему, но его великому отличительному атрибуту, благодаря которому он множил свой образ, одарял благословениями и простирал свою благую силу на потомство, еще не рожденное?

В древнегреческой теологии, сохранившейся в орфических фрагментах, это божество — Эрос Протогон, или первородная Любовь, порождено было Временем, или Вечностью, и Необходимостью, воздействовавшими на косную материю. Он изображался как вечно порождающий; Отец Ночи, которого в более поздние времена именovali сияющим или великолепным, поскольку он впервые появился в блеске; кроме того, его наделяли двойной природой, поскольку он обладал всеобщей силой творения и порождения, как активной, так и пассивной, как мужской, так и женской. Эта поэма о путешествии аргонавтов не принадлежит авторству древнего Орфея; она написана неким поэтом, жившим позднее Гомера; что явствует из упоминания о нисхождении Орфея в ад, легенда возникает в послегомеровские времена. Древность поэмы доказывается как слогом, так и манерой написания; на мой взгляд, она не могла быть создана позднее эпохи Писистрата, к которой ее традиционно относят. Упомянутый здесь пассаж относят к другой поэме, которая ко времени написания первой уже слыла за подлинное произведение фракийского барда; впрочем, так это или нет, особого значения не имеет; поскольку сам строй мысли поэмы доказывает ее глубокую древность. Другие орфические поэмы, цитируемые в этой работе, являются гимнами или литаниями, которые писатели раннего христианства и позднего платонизма приписывают поэту Ономакриту, современнику Писистрата, но которые, вероятно, принадлежат перу различных авторов. Они, однако, не содержат в себе ничего такого, что дало бы основания отнести их ко временам более поздним, чем времена Трои; и если Ономакрит или какой-либо другой более поздний автор имел к ним какое-то отношение, то оно, похоже, состояло лишь в новом их стихотворном переложении и изменении диалекта. Подделай он их, ему, без сомнения, пришлось бы наполнить их вышедшими из употребления словами и устаревшей фразеологией, чего никак не наблюдается, ибо язык их чист и достоин эпохи

Писистрата. Эти поэмы, по сути, не являются гимнами, поскольку греческие гимны рассказывали о происхождении и деяниях богов, как гимны Гомера и Каллимаха; это сочинения иного рода, являющиеся по существу заклинаниями или молитвами, использовавшимися в орфических мистериях, и принадлежащие к той же категории, что и псалмы евреев. Причина, по которой они столь редко упоминаются их ранними писателями, но беспрестанно поздними, заключается в их принадлежности к мистическому культу, все содержание которого хранилось под строжайшим покровом тайны. Однако после того, как распространилось христианство, священная тайна была нарушена греческими неопитами, которые раскрывали все, что, по их мнению, снижало значимость старой религии или говорило в пользу новой; в то же время языческие жрецы открывали все, что считали полезным для противоположных целей; и, предавая огласке истинный мистический «символ веры» своей религии, стремились показать, что основы ее не столь абсурдны, как может показаться поверхностному взгляду; но что под внешним слоем поэтических аллегорий и простонародных небылиц их теология чиста, разумна и возвышенна. Поскольку собрание этих поэм, дошедших до наших дней, было, вероятно, составлено и переложено стихами разными авторами, причем одни поэмы являлись подделками, а другие были видоизменены и переработаны, их непременно следует читать с большим вниманием; в особенности те фрагменты, что были сохранены Отцами Церкви и платониками школы Аммония; поскольку эти писатели, не страдая от угрызений совести, могли подделать любой памятник античной эпохи ради собственных целей; в первую очередь это касается первых, которые, помимо своего естественного усердия, имевшего целью укрепить объединенную Церковь, полагали каждое средство, благодаря которому они могут принести пользу Церкви, распространяя свет откровения и приобщая прозелитов к истинной вере, не только дозволенным, но заслужи-

вающим всяческого одобрения. (Иоанн Златоуст, в частности, не только оправдывает, но горячо одобряет любое мошенничество, в котором можно преуспеть для вящей выгоды Церкви Христовой.) Павсаний утверждает, что гимнов Орфею немного и они невелики по размерам; однако по своим поэтическим достоинствам приближались к Гомеровым, а в священности превосходили их. Несомненно то, что они являются частью дошедшего до нас собрания, однако выделить их из массы подлинных проблематично. Возможно, самый надежный критерий оценки — в сопоставлении присутствующих в них эпитетов и аллегорий с символами и монограммами на греческих медалях, появление этих медалей являлось результатом государственных постановлений, а их изготовление находилось в ведении чиновников, которые, как правило, были посвящены в мистерии. Мы можем, следовательно, быть уверены, что любые теологические и мифологические аллюзии, связанные с ними, были частью древней религии Греции. Именно из этого факта следует, что многие орфические гимны и фрагменты исполнены чистой теологии или мистической веры древних, которых Павсаний называет орфиками, и эта вера настолько отличается от простонародной религии или поэтической мифологии, что на первый взгляд с трудом можно представить, что они являются результатом религиозного творчества одного и того же народа; тем не менее при тщательном исследовании обнаруживается общий источник обоих направлений.

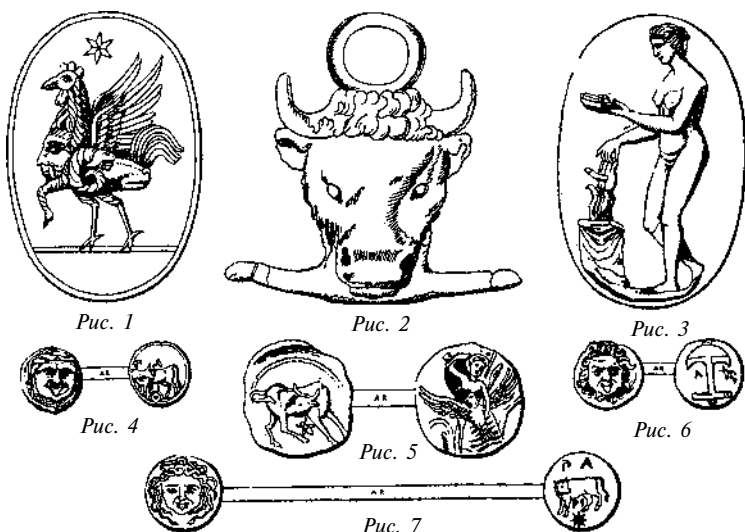
История жизни самого Орфея так затемнена и запутана легендами, что нет возможности узнать о нем ничего определенного. Согласно распространенной традиции считается, что он был фракийцем и принес в Грецию мистерии, в которых учили более строгой системе религиозных воззрений. Он также, как утверждают, путешествовал в Египет; но, поскольку египтяне доказывали, что все иноземцы получили свои знания от них, и в то же время все иноземцы, попадавшие в эту

страну, предавались смерти или обращались в рабство, это утверждение может быть оспорено, как и многие другие того же рода. Египтяне, разумеется, не могли преподать Орфею знания о множественности миров и об истинном облике Солнечной системы, которые, по-видимому, были фундаментальными принципами его философии и религии. Не мог он и получить эти знания от какого-либо народа, о котором сохранились хоть какие-то сведения; поскольку мы не знаем ни одного народа, чьи знания продвинулись бы так далеко, чтобы принять истину, столь далекую от непосредственной очевидности, что была отвергнута всеми школами греческой философии, за исключением пифагорейцев, которые скорее почитали ее как догмат веры, нежели понимали как открытие в науке. Фракия, безусловно, в некую отдаленную эпоху была населена цивилизованным народом; поскольку, когда Филипп Македонский открыл в этой стране золотые прииски, он обнаружил, что некогда их разработку уже вели, тратя на это немало труда и изобретательности, люди, весьма сведущие в механике, о которых до наших дней не дошло никаких воспоминаний. Именно из их среды, возможно, происходил Орфей, так же как и Фамира. Произведения обоих, по словам Платона, можно было прочесть в его время.

Свет — его необходимый и первичный атрибут, равно вечный с ним и вместе с ним порожденный из косной материи необходимостью. Поэтому греки всегда наделяли свет чистотой и святостью. Он зовется Отцом Ночи, поскольку, притягивая свет к себе и становясь источником, который распространяет его по миру, порождает ночь, называемую вечнорожденной, потому что существует вечно, хотя и смешана до неотличимости с общей массой материи. Он, как говорят, пронизывает мир взмахами своих крыльев, неся чистый свет; и потому именуется блистающим, царственным Приа-

пом, а также самосветящимся. Обращает на себя внимание, что слово *Πριητος*, впоследствии ставшее именем второстепенного божества, здесь используется как титул, связанный с одним из его атрибутов; причины этого я попытаюсь впоследствии объяснить. Ему метафорически присвоены крылья, как символы стремительности и инкубации, то есть высиживания; с помощью первого свойства он пронзает материю, а с помощью второго оплодотворяет яйцо Хаоса. Яйцо это несли в процессии при праздновании мистерий, поскольку, как утверждает Плутарх, оно являлось сырьем для порождения, содержащим семена и зародыши жизни и движения, не обладая в действительности ни тем ни другим. По этой причине оно было подходящим символом Хаоса, содержащего семена и строительный материал всех вещей, которые, однако, были бесплодны и бесполезны, пока Творец не оплодотворил их через инкубацию Своего жизненного духа и не освободил их от пут косной материи усилием Своей Божественной мощи. Именно инкубация жизненного духа изображена на колониальных медалях Тира с изображением змеи, обвившейся вокруг яйца (см. илл. XXI, рис. 1); поскольку змея, обладая властью сбрасывать кожу и очевидным образом возрождаться, стала символом энергии и жизненной силы и, как таковая, всегда служит спутником мифологических божеств, которые ведают здоровьем. Также отмечается, что животные змеинового рода более живучи, чем любые другие, за исключением полипа, который иногда изображается на греческих медалях, возможно, как их замена. Я своими глазами видел, как сердце гадюки продолжало биться много минут после того, как было извлечено из тела, и даже возобновило пульсации после того, как, остыв, было увлажнено теплой водой и к нему прикоснулись стимулом.

Творец, Своей Божественной силой высвобождающий оплодотворенное семя вещей из пут косной материи, представлен на бесчисленных греческих медалях в виде тура, или дикого быка, бодающего Яйцо

Илл. III. Античные геммы и греческие медали

Хаоса и протыкающего его своими рогами (см. илл. IV, рис. 1). По правде говоря, ни на одной из тех медалей, которые мне довелось видеть, вместе с быком не было изображено само яйцо; но мистер д'Анкарвилль привез образцы из других стран, где господствовала та же система верований, и они, как и общее сходство с греческой теологией, подтверждают, что яйцо на изображениях должно подразумеваться и что поза быка не может иметь иного смысла.

Я буду также иметь возможность впоследствии на примере других образцов показать, что обычай, согласно которому на этих мистических памятниках древности часть должна представлять собой целое, не является чем-то исключительным. Именно благодаря этому увенчанному рогами символу власти божества подобные рога изображались на портретах царей, дабы показать, что их власть происходит свыше и никакая земная власть с ней не сравнится. Люди Нового времени, однако, изменили значение этого символа и придали ему смысл, который вряд ли поможет отыскать ис-

тинное его происхождение, — хотя я часто подозреваю, что проницательность тех ученых джентльменов, которые сделали британские древности предметом своих трудолюбивых изысканий, никогда не обращалась в эту сторону. В настоящее время он, безусловно, никоим образом не является признаком ни достоинства, ни власти; даже предположить невозможно, что те, кому этот символ приписывается, особенно выделялись своей порождающей или творящей силой. Однако это тема чересчур важна для того, чтобы обсуждать ее в отступлении; а потому я оставляю ее тем ученым собирателям древностей, которые столь себя прославили, и людям, заслужившим уважение благодаря успешным исследованиям обычаев того же рода. Их неутомимому прилежанию и совершенному мастерству я искренне ее вверяю; замечу только, что столь современное восприятие этого символа восходит к далекой древности, поскольку упоминается как общеизвестное в «Онейрокритике» Артемидора; и что оно не ограничено ныне одной Британией, но распространено на большей части христианского мира, так же как древнее восприятие его некогда господствовало на большей части всего мира, даже среди народов, от религии которых произошло само христианство; ибо оборот речи «рога такого-то возвысятся» естественно звучит в Ветхом Завете, означая, что некто обретет власть или превосходство; и когда Моисей спустился с Горы Синайской, осененный духом Господним, его голова увенчалась рогами¹.

К голове быка иногда присовокуплялся орган размножения, который представлял не только силу Создателя, но особую направленность ее к наиболее благой цели — воспроизведению живых существ. К числу подобных изделий принадлежит маленькая бронзовая

¹ Исх., 34: 35, Вульгата. Другие переводчики понимали это выражение метафорически и предполагали, что оно должно означать лучи или сияние.

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

Рис. 4

Рис. 5

Илл. IV. Медали из собрания Пейна Найта

фигурка из коллекции мистера Таунли, представленная на илл. III, рис. 2.

Иногда этот производительный атрибут символически представляется в виде козла, который считается самым похотливым из животных, и вследствие этого с ним связаны те же основные идеи, что выражаются образами быка и змеи.

Посвященные породителю Вакху исполняемые хором гимны поэтому назывались τραῦδία, или песнями козла; именем, ныне обозначающим драматические диалоги, в древности вставлявшиеся в эти оды,

чтобы нарушить их монотонность. На медали, отчеканенной в честь Августа, задняя часть козла переходит в рыбий хвост, дабы показать производительную силу, нераздельно соединенную с водой. Под его ногами — земной шар, как бы оплодотворенный этим союзом; а за спиной над ним — рог изобилия, представляющий результат этого оплодотворения (см. илл. X, рис. 3).

Мистер д'Анкарвилль объясняет происхождение всех этих символов двусмысленностью слов: одно и то же имя используется в первобытном языке для обозначения Бога и Быка, Космоса и Козла, Жизни и Змеи. Но слова являются лишь знаками и символами идей и, таким образом, должны быть вторичны по отношению к ним, точно так же, как идеи по отношению к своим объектам. Слова первобытного языка, подражая идеям, от которых произошли, и объектам, которые они должны были выражать, насколько это могло позволить несовершенство органов речи, с необходимостью должны были сохранять между собой такого же рода аналогию, каковая существовала между идеями и самими объектами. Невозможно, следовательно, чтобы в таком языке могло возникнуть какое бы то ни было случайное подобие, имеющее место во вторичных языках; слова которых, будучи собраны из различных источников и смешаны вместе, не имея никакой естественной связи, становятся произвольными знаками условностей, вместо того чтобы подражательно представлять идеи. В этом случае часто бывает, что слова, подобные по форме, но различные по значению, перенимаются из разных источников и в дальнейшем, будучи смешаны вместе, теряют свою мизерную разницу в форме, но сохраняют полное различие смысла. Отсюда возникают двусмысленности, подобные вышеупомянутым, которые не могли существовать в исходном языке.

Греческие поэты и художники часто подменяют персонификацией отдельного атрибута божество как таковое; поэтому его именуют Тавропос и т. д., поэтому и инициалы и монограммы орфических эпитетов, отно-

сящихся к Творцу, находятся в соседстве с быком и другими символами на греческих медалях. Не следует делать вывод, что древние предполагали существование Бога в облике быка, козла или змеи: напротив, в орфической теологии он всегда описывается как всепроникающий Дух, не имеющий ни формы, ни определенного места пребывания, что бы под этим ни понималось; и, согласно одному любопытному фрагменту, сохраненному Проклом, он является не чем иным, как персонифицированным *влечением*. В представлении древних самосотворенный разум Вечного Отца простирает крепкие узы любви через все существующее, дабы оно могло длиться нескончаемо. Этот Вечный Отец есть олицетворенное время или вечность; и его принимают за неведомую Сущность, которая наполняет вечность и бесконечность. Древние теологи знали, что мы не можем сформировать позитивной идеи бесконечности, равно как и силы, пространства или времени; это нечто мимолетное и эфемерное, ускользающее от понимания, в своем непрерывном и безграничном движении. Мы можем получить представление о бесконечности единственным образом: из нашей способности бесконечно делить или складывать конечные вещи. Схоласты в этом отношении были храбрее, и кратко изложенное рассуждение на эту тему — а рассуждать на подобные темы они были большие мастера — демонстрирует, что представление о бесконечности было у них не менее определено, нежели представление о любой конечной субстанции. Бесконечность, говорили они, — это то, что не имеет пределов. Это отрицание, будучи позитивным утверждением, должно опираться на позитивную идею. Таким образом, мы получаем позитивную идею бесконечности.

Иудейские эклектики, а также их последователи, аммониевы и христианские платоники, стремившиеся согласовать свою философию и религию с древней теологией, утверждали, что пространственная бесконечность является единственно безмерностью в Божественном

присутствии. Ὁ Θεός ἑαυτὸ τόπος ἐστὶ было их догмой, которая ныне внесена в исповедание греческой церкви.

Эта бесконечность была отличена ими от пространства как такового так же, как время от вечности. Как вечность, так и бесконечность, говорили они, должны быть абсолютно неделимы; поскольку деление само по себе несовместимо с бесконечной непрерывностью и длительностью; отсюда следует, что пространство и время отчетливо разнятся с бесконечностью и вечностью, кои лишены каких бы то ни было частей и градаций. Время измеряется годами, днями, часами и т. д. и подразделяется на прошлое, настоящее и будущее; но, будучи делимым, оно не допускается в вечность, как месторасположение не допускается в бесконечность, в то время как и то и другое не принадлежит Сущности, тому самому Духу, который наполняет и то и другое и который может, следовательно, не ощущать последовательности событий, не знать никакой шкалы расстояний; но должен охватывать бесконечную длительность, как если бы это был единый миг, и бесконечную протяженность, как если бы это была единственная точка.

Поэтому аммониевы платоники говорят о Нем как о сосредоточенном в собственном единстве и распространенном на все существующее, но не имеющем общей части ни с чем. Будучи по природе более совершенным и возвышенным, чем сам разум, Он не может быть познан чувством, ощущением или рассудком; и, будучи причиной всего, Он должен предшествовать всему, даже самой вечности, если называть этим словом бесконечность времени, и неединственность разума, каковым является само Божество, благодаря эманациям Которого существуют все вещи, в то время как близость или отдаленность к Нему является критерием превосходства или низости вещей. Само *Сущее*, в непосредственно умозрительном смысле, произошло от Него; ибо то, что есть причина и начало всего *Сущего*, не мо-

жет быть частью того *Всего*, что возникло из самого себя: следовательно, Оно не является *Сущим*, и *Сущее* не является Его *Атрибутом*; ибо то, что обладает атрибутом, не может обладать абстрактной простотой чистого единства. Все *Сущее* по своей природе конечно; ибо, если бы было иначе, оно бы во всех смыслах не имело бы пределов; и, следовательно, не могло бы иметь градаций близости к первопричине и степеней превосходства одной части над другой: как все временные деления исключены из бесконечной длительности и все пространственные разграничения — из бесконечного пространства, так и все степени очередности исключены из бесконечного движения. Сознание *существует* и *действует* само в себе; но абстрактное единство первопричины не существует ни в себе, ни в ином — не существует в себе, поскольку это подразумевало бы трансформацию, из которой с необходимостью исключена абстрактная простота; не существует в ином, поскольку в этом случае должен присутствовать гипостатический дуализм вместо абсолютного единства. В обоих случаях здесь существовала бы локальность гипостазиса, несовместимая с умозрительной бесконечностью. Поскольку все физические атрибуты исключены из этой метафизической абстракции, которую называют их первопричиной, она должна быть, безусловно, лишена и всех моральных атрибутов, которые есть лишь обобщенные способы действия первых. Даже в простой абстрактной истине отказано этой идее; ведь истина, как утверждает Прокл, существует единственно соотносительно с ложью; и никакое соотношение не может существовать без позитивного или дополняющего элемента. Бог, следовательно, Который не обладает ложью, не может обладать и истиной, в нашем смысле слова.

Поскольку метафизическая теология — наука, в наши дни весьма основательно (и весьма заслуженно) забытая, я считаю, что этот небольшой ее образчик может быть интересен для большинства читателей благодаря своей новизне, особенно поскольку он тес-

но связан с древней системой, попытку рассмотреть которую я здесь предпринимаю. Те, кто хочет узнать об этом больше, могут справиться у Прокла в сочинении о теологии Платона, где они найдут самое утонченное хитроумие, растрачиваемое самым безрассудным образом. Ни один ученый никогда не выказывал большую остроту или силу рассуждения, чем платоники и схоласты; но, избавляясь от пут здравого смысла и пытаясь воспарить в мир чистого разума, они тратят все это в бесплодных усилиях, которые могут развлечь воображение, но не способны удовлетворить понимание.

Древние теологи оказались более благоразумны, ибо, обнаружив, что не могут представить идею бесконечности, удовлетворились обожествлением Бесконечной Сущности в самом главном и действенном приложении его мощи — влечении, сила которого ощутима во всей материи и к которому, вероятно, в основе своей восходят все процессы движения. Эта мощь, будучи персонафицированной, стала вспомогательным божеством, к которому обратилось все поклонение и почитание и которое по этой причине часто рассматривается как единственная и величайшая причина всех вещей. Его сила, возможно, пронизывает весь материальный мир, и, чтобы произвести все его разнообразие, а кроме того, поддерживать мироустройство, Оно должно было обладать чрезвычайно многочисленными и разнообразными атрибутами. В мистических гимнах и литаниях они представлялись в виде различных именовании и эпитетов, которые художники старались представить посредством различных образов и черт, как людей, так и животных. Великий отличительный атрибут был представлен производительным органом в напряженном и твердом состоянии, необходимым, дабы должным образом исполнять его функции. Среди руин Геркуланума и Помпеи найдено множество небольших изображений этого рода, прикрепленных к украшениям, которые целомудренные и благочестивые матроны древности

носили на шее и запястьях. На них производительный орган был представлен сам по себе или в сочетании с крыльями инкубации, дабы показать, что праведная носительница посвятила себя целиком и исключительно производству потомства, великой цели, которая ей уготована. Этот выразительный символ, будучи постоянно у нее на глазах, должен был направлять ее внимание строго на его природный прообраз и постоянно напоминать ей о благодарности, которую она обязана питать к Творцу за то, что Он предназначил ее для этого служения, сделал ее соучастницей самых драгоценных Своих благодеяний и использовал ее как послушный инструмент в проявлении Своей самой благотворной власти.

Женские производительные органы почитались как символы производительных сил природы или материи, тогда как мужские — производительных сил Бога. Они обычно представлялись эмблематически, раковиной, которую по этой причине носили в древности посвященные, как это и в наши дни в обыкновении у паломников и женщин из простонародья в Италии. Соединение обоих органов выражалось в виде руки, упомянутой в письме сэра Вильяма Гамильтона; которая, будучи менее откровенным символом, избежала внимания реформаторов и все еще носится, так же как и раковина, итальянскими женщинами, хотя они уже не понимают ее смысла. Она представляет акт совокупления, который рассматривается как священное таинство во славу Создателя, как будет более полно показано впоследствии.

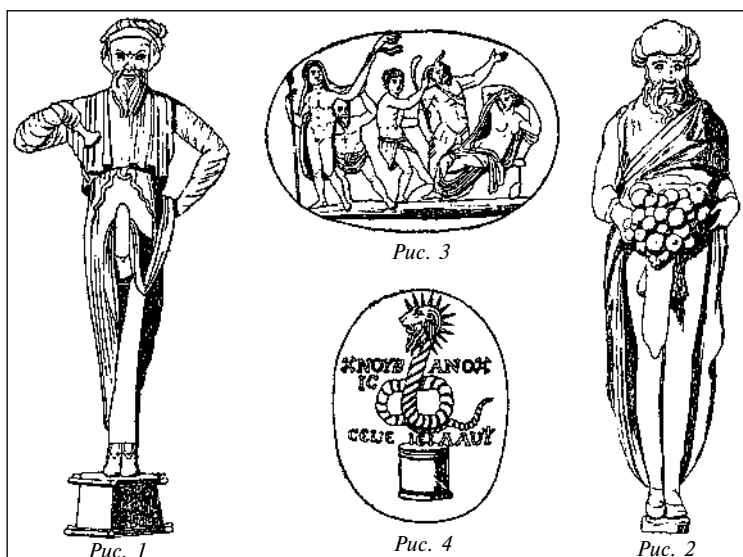
Мужские производительные органы иногда представлены знаками того же рода, которые, по сути, следовало бы называть символами символов. Одним из наиболее замечательных таких символов является крест в форме буквы Т, который, прежде чем церковь приняла его в качестве символа спасения, служил эмблемой творения и порождения; счастливое согласие идей, которое, без сомнения, способствовало восприятию его

верующими. К изображению мужских органов иногда добавлялась человеческая голова, которая делала их с точностью похожими на распятие, как это имеет место на медали из Кизика, рисунок с которой опубликовал М. Пеллерин (см. илл. XI, рис. 1). На древней медали, найденной на Кипре, которая, судя по манере изготовления, явно предшествовала Македонскому завоеванию, это изображение было снабжено бусами или четками, наподобие тех, которые ныне используют в папистских церквях¹; такие бусины использовались в древности для отсчета времени. Их расположение по кругу обозначало непрерывную последовательную смену; а то, что они были отделены друг от друга, обозначало градации, через которые они должны были повторяться, и так представлять годы, месяцы и дни. Символ творческой силы помещался над ними, потому что эти градации в особенности находились под его влиянием и покровительством; солнце является его видимым образом и средоточием его могущества, из которого его эманации простираются сквозь всю Вселенную. Поэтому египтяне в своих священных гимнах зывали к Осирису, как к тому, кто пребывает сокрыто в объятиях солнца; и поэтому в орфических гимнах великое светило само именуется Правитель Мира.

Эту тотальную эманацию всепроницающего Божественного Духа, которой все сущее порождается и благодаря которой сохраняется, прекрасно описал Вергилий.

Он говорит о бесплотном Духе, пронизывающем Вселенную и дающем жизнь и движение обитателям земли, воды и воздуха, причащая их своей сущности, каждая частица которой при распадении тела, которое она оживляла, возвращается к своему природному источнику. Поэтому не только люди, но все животные и даже растения, как предполагалось, были оплодотворены некими частицами Божественной Природы,

¹ См. илл. IX, рис. 2, согласно Пеллерину.

Илл. V. Изображения Пана и геммы

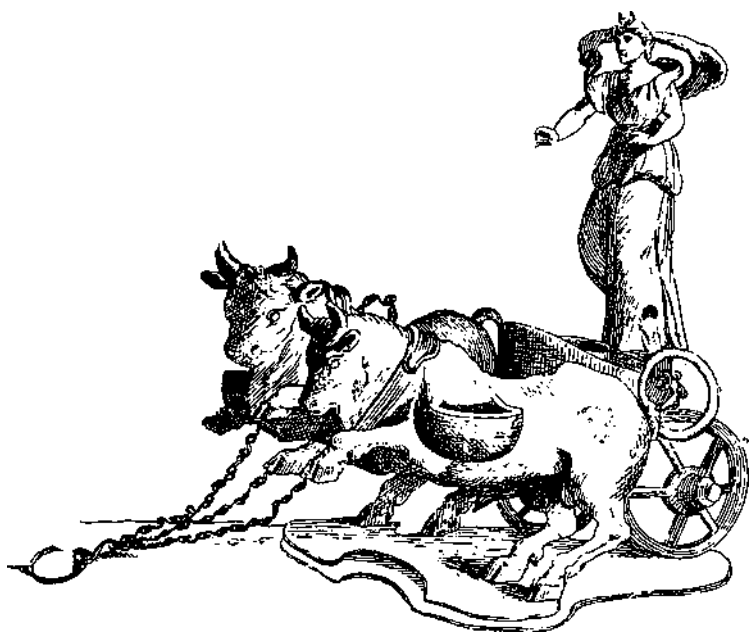
из коих и истекают различные свойства и предрасположенности, а также возможность воспроизведения себе подобных. Эманации Божественных атрибутов распространяются во множестве и действуют различным образом и в различной мере, согласно природе существ, которым они принадлежат. Поэтому отличительные особенности животных и растений рассматривались не только как образы, но как реальные эманации Божественной Мощи, сопродные его сущности. По этой причине к данным символам относились с большим уважением и почтением, нежели если бы они были простыми знаками и условными чертами. Плутарх говорит, что большинство египетских жрецов содержали настоящего быка Аписа, которому поклонялись со всяческими церемониями с той целью, чтобы он представлял собой дух Озириса. Именно это я считаю истинным смыслом всех египетских культов поклонения животным, которые столь подробно описаны и так мало раскрыты. Те животные или растения,

в которых какой-либо отдельный атрибут божества представлялся господствующим, становились символами этого атрибута, и соответственно им поклонялись как изображениям Божественного Провидения, действующего именно в этой области. Подобно множеству других традиций как в древних, так и в современных культах, практика обрядов, возможно, продолжалась еще долгое время после того, как причины, по которым она возникла, либо были полностью забыты, либо только частично сохранились в неясных преданиях. Так было в Египте; ведь, несмотря на то что многие жрецы знали или догадывались о происхождении культа быка, они не могли дать разумного объяснения того, почему крокодил, ихневмон (мангуста) и ибис почитались сходным образом. Символические рисунки, именуемые иероглифами, по-прежнему вызывали у них, как освещенные древностью, гораздо больший пиетет, чем обыденное фонетическое письмо, несмотря на то что последнее с очевидностью превосходило их в удобстве; однако ни из каких сохранившихся до наших дней свидетельств не явствует, что они были способны объяснить это свое предпочтение какой-либо причиной. Напротив, Страбон утверждает, что современные ему египтяне совершенно не были знакомы с собственными древними учениями и религией, хотя по-прежнему плутовски притязали на их истолкование. Их неосведомленность в этих вопросах не должна удивлять, принимая во внимание, что самые древние египтяне, о которых мы имеем хоть сколько-нибудь достоверные сведения, жили после ниспровержения их монархии и разрушения их храмов, учиненного персами, которые при любом случае всячески стремились истребить их религию; сперва в правление Камбиза, потом Оха. О том, что они собой представляли ранее этой катастрофы, у нас нет непосредственных свидетельств, поскольку Геродот был самым первым путешественником, а он нашел эту страну уже в руинах.

Во всех современных религиях наблюдается закономерность, согласно которой люди тем более суеверны, чем более они невежественны, и те, кто знает менее всего о первоосновах религии, являются наиболее ревностными и требовательными приверженцами практики ее внешних обрядов и церемоний. По аналогии мы можем предположить, что с египтянами именно так и произошло. Знающие и разумные просто уважали и почитали священных животных, тогда как простонародье поклонялось и обожествляло их. Прежняя жизнь, как естественно предположить, была разрушена гонениями персов в главной своей основе; а культ и поклонение простонародья распространились повсеместно; различные селения превращали разных животных в своих божков-покровителей, точно так же, как сегодня католики вверяют себя покровительству разных святых и мучеников. И так же, как сегодня, в своей набожной преданности мнимому посреднику они забыли источник собственной веры.

Обычай держать священных животных в качестве образа божественных атрибутов, по-видимому, когда-то господствовал в Греции, как и в Египте; так, бог здоровья был представлен в Эпидавре живой змеей, и это продолжалось до конца существования их религии.

Однако вообще они предпочитали художественно исполненные изображения, не оттого, что достигли вершин в искусстве, которым еще не владели в послегомеровские времена, когда их теология была уже совершенно искажена, но потому, что таким образом они получали возможность выразить свои идеи более полно, сочетая вместе различные формы и показывая не только атрибут божества, но способ и цель его действия. К примеру: знаменитая бронзовая статуэтка, хранящаяся в Ватикане, имеет мужские половые органы, помещенные на голове петуха, символа солнца, опирающейся на шею и плечи мужчины. В этом сочетании они представляют порождающую мощь Эроса, Осириса, Митры или Бахуса, чьим средоточием является

Илл. VI. Диана Таврическая

солнце, воплощенное в человеческом обличье. Судя по надписи на пьедестале, атрибут, персонифицированный таким образом, именуется Спасителем Мира ($\Sigma\omega\tau\eta\zeta$ κοορψ); титул, неизменно вызывающий почтение, в каком бы обличье он ни был представлен (см. илл. II, рис. 3).

Египтяне демонстрировали эту инкарнацию Божества с помощью менее долговечного, хотя и равно выразительного символа. В Мендесе в качестве изображения производительной мощи содержали живого козла, к которому женщины приходили обнаженными и считали честью быть принародно им удовлетворенными. Геродот видел этот акт, открыто исполненный и назвал его чудовищным. Но египтяне не испытывали перед этим такого ужаса; ведь здесь перед ними представало олицетворение божества, непосредственно осуществлялась и связь его творческого духа с человеком. Этот акт

являлся одним из таинств древней церкви и, без сомнения, приковывал взоры верующих, всегда с благоговейным трепетом и почтением созерцающих мистерии своей веры, что бы они собой ни представляли; поскольку, как говорит просвещеннейший ортодокс епископ Варбертон, чей авторитет для меня неоспорим, нравственность не проистекает *из природы любого действия, из его следствий также*; а потому, насколько мы можем судить, эта церемония, какой бы отвратительной она ни показалась с точки зрения современной нравственности и взглядов, в те далекие времена была достойна одобрения, когда ее проводили, и служила поучительным зрелищем для праведников Древнего Египта.

На самом деле греки, по-видимому, не чувствовали особого ужаса или отвращения перед имитацией этой сцены, что бы ни посчитал должным сказать историк при виде действительно исполненного торжественного акта. Несколько образчиков их скульптуры такого рода избежали ярости реформаторов и остались для наставления потомкам. Одна из них, найденная среди руин Геркуланума и хранящаяся вдали от глаз публики в Королевском музее Портичи, хорошо известна. Другая находится в коллекции мистера Таунли и, по моему убеждению, заслуживает, чтобы с нее сделали гравюру для пользы науки (см. илл. VII). Можно заметить, что в этих памятниках животное исполняет *пассивную*, а не *активную* роль и что *образ человека* представлен воплощенным в *Божественном*, вместо того чтобы *божеству* быть воплощенным в *человеческом облике*: но здесь на самом деле нет разницы; ведь Творец, обладая обоими полами, представляется равно в любом. В другом случае, когда символом является бык, пол точно так же варьируется; на греческих медалях изображен иногда бык, а иногда корова¹, которая, по утверждению Стра-

¹ См. илл. IV, рис. 1, 2, 3, а также илл. III, рис. 4, гравюры с медалей, принадлежащих мне.

бона, в египетском Мемфисе использовалась в качестве символа Венеры, пассивного порождающего начала. Как быку, так и корове до настоящего времени также поклонялись индусы, как символам мужского и женского, то есть порождающей и питающей мощи божества. Корова присутствует почти во всех их пагодах; но быка почитают с большими торжественностью и благоговением. В Танжере существует памятник, воздвигнутый в его честь, который даже непреклонное упорство и вошедшее в привычку усердие туземцев этой страны вряд ли помогли бы создать без более высоких, чем у них, познаний в практической механике. Это статуя лежащего быка, с великой точностью высеченная из цельной глыбы твердого гранита, которая была переправлена по суше на расстояние в сотню миль, хотя ее вес, в его теперешнем уменьшенном виде, должен составлять по крайней мере сотню тонн¹. Греки иногда изображали своего Тавробахуса, или быка с человеческим лицом, чтобы воплотить в нем оба пола, что обозначалось инициалом эпитета Λίφνης, помещенным в основании изображения².

Над ним часто помещали многолучевую звездочку-астериск, представляющую солнце, что знаменовало божество, атрибут которого он собой выражал³. Это может объяснить нам то, почему германцев, по словам Цезаря, поклонявшихся солнцу, вторгшихся в места расположения римских доминионов под предводительством Мария, сопровождала медная статуя быка — идола божества; и даже избранный народ, делая для себя нечестивое изображение Бога, который должен был провести их через пустыню, придал ему облик молодого быка, или тельца.

¹ См. илл. XXII, где приведены измерения, снятые капитаном Паттерсоном на месте.

² См. илл. IV, рис. 2, с медали из Неаполя, имеющейся в коллекции Хантера.

³ См. илл. IV, рис. 2, а также илл. XIX, рис. 4, с медали из Кале, принадлежащей мне.

Греки, по мере совершенствования своего изобразительного искусства, постепенно перешли от животных форм к человеческим, сохраняя при этом некоторые первоначальные черты. Сначала на теле быка появилась человеческая голова¹; но впоследствии вся фигура становилась человеческой, при этом в ней присутствовали некоторые особенности и общий характерный вид животного. Очень часто, однако, эти «комбинированные» фигуры имели некий особый смысл, как это можно видеть на примере бронзовой статуэтки из Ватикана; и задумывалось это отнюдь не в качестве простой игры воображения. Таковыми были фавны и сатиры, которые представляли собой эманации Творца, воплощенные в человеческом облике, действуя как Его посланники и слуги, помогающие Ему в деле всемирного плодотворения. Сокупляясь с козами, они символизируют взаимовоплощение человека и божества в смешении с универсальной материей: поскольку божество, обладая в равной степени мужскими и женскими качествами, являлось как активным, так и пассивным элементом в процессе порождения; вначале вселяя жизнь в человека, вдохнув в него эманацию собственной сущности, а затем используя эту эманацию для порождения, в соединении с всеобщими производительными силами природы, которые есть не что иное, как его собственный плодоносный дух, коим проникнута материя.

Эти существа двойственной природы ведут свое происхождение от Пана, первоосновы мирового порядка, и наследуют его персонифицированный облик. К Пану обращаются в орфических литаниях как к первородной любви, или творцу, соединившемуся с универсальной материей и тем самым образующему мир. Небо, земля, вода и огонь считаются частями его; и о нем говорят как о начале и источнике всех вещей, как об олицетворенной материи, оживленной Божественным Духом.

¹ См. медали из Неаполя, Гелы и т. д. На илл. IV, рис. 2 и илл. IX, рис. 11 — образцы; но такие монеты есть во всех коллекциях.

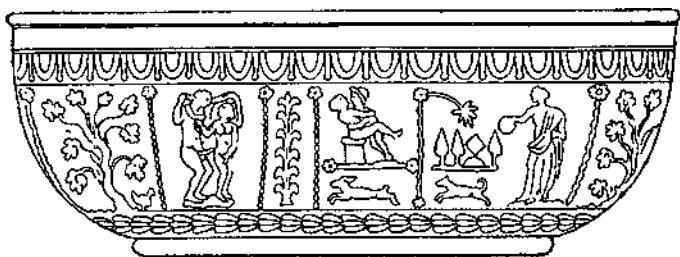

Рис. 1

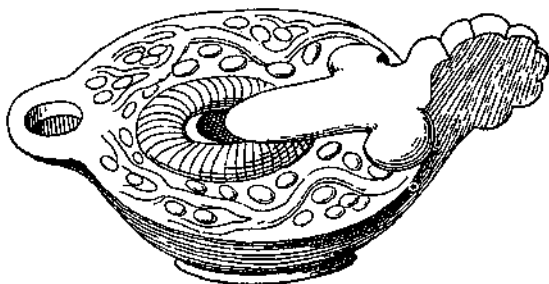

Рис. 2

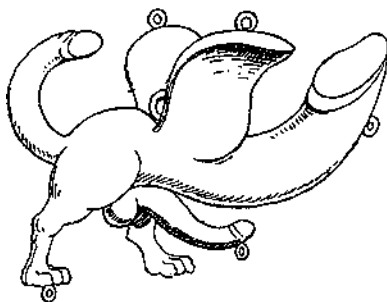

Рис. 3

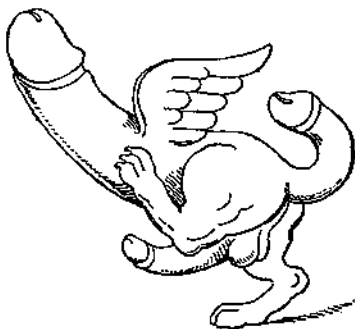

Рис. 4

Илл. VII. Фаллические фигурки, найденные в Англии

Пан Ликейский был самым древним и почитаемым Богом аркадийцев, самого древнего народа Греции. Эпитет Ликиец (Λυκαῖος) обычно возводят к λυκος — волк; хотя невозможно найти ничего, что бы могло связывать эту этимологию с божествами, к которым она применяется, поскольку эпитет Λυκαῖος, или Λυκεῖος (отли-

Илл. VIII. Бронзовая статуя Цереры

чающийся лишь произношением, свойственным родным диалектам), время от времени относили почти ко всем богам. По этой причине я не сомневаюсь, что его должно возводить к древнему слову *λυκος*, или *λυκη* — свет; именно от него произошло латинское слово *lux*.

В таком смысле это очень подходящий эпитет для Божественной Природы, чьей сущностью, как предполагается, является свет. Меня утвердило в этой гипотезе одно выражение в «Электре» Софокла, которое, кажется, до сей поры неверно понималось. В самом начале пьесы старый наставник Ореста, входя в Аргос вместе со своим юным учеником, указывает ему на самые знаменитые общественные здания, и среди них Ликейский форум, τῷ λυκοκτοῦ Θεῷ — схолиаст и переводчики истолковали это как посвященный Богу-волкоубийце, хотя здесь не указана никакая причина, почему этот эпитет должен прилагаться к Аполлону. Но если мы выведем это словообразование из *λυκος* — свет и *εκτείνειν* — распространяться, вместо *κτείνειν* — убивать, значение будет совершенно простое и естественное; поскольку *распространяющий свет* — безусловно наиболее подходящий из эпитетов солнца. Софокл, так же как и Вергилий, известен как большой любитель древних оборотов речи; подражавший Гомеру более, нежели любой другой поэт Аттики; следовательно, нечего удивляться тому, что он использовал слово, вышедшее из употребления. Если принять эту этимологию за истинную, окажется, что Пан Ликейский в Аркадии — это Пан *светоносный*; то есть Божественная сущность света, разлитого в мировой материи. Жители Аркадии именовали его, как верно трактует это Макробий τὸν τῆς ὑλῆς Κυρίον — властелин материи. Отсюда его имя Сильванус у латинян; *Sylvus* у древних пеласгов и эолийцев, к языку которых восходит латынь, то же самое, что *ἰλη*; поскольку всем, кто внимательно сопоставлял эти два языка, хорошо известно, что *сигма* и *вау* — буквы, одна из которых частично, а другая полностью утрачена греками в процессе совершенствования произношения и орфогра-

фии, происходившего после переселения колоний латинян и этрусков. Хор в «Аяксе» Софокла обращается к Пану, величая его Ἀλιπλάγκος, вероятно, потому, что ему поклонялись на берегах моря; вода считалась лучшим и самым плодоносным из низших элементов, воздействуя на который Дух Святой, согласно Моисею, или Творческая Природа, согласно платоникам, производит жизнь и движение на земле. Отсюда следует, что океан, по словам Гомера, есть источник всего сущего; почему при крещении и используют воду, которая должна возродить и в некотором смысле заново сотворить крещеного; поскольку душа, которую многие из первых христиан полагали от природы смертной, после этого, как считалось, становилась бессмертной (см. илл. V, рис. 4). По тому же принципу Пана изображают поливающим водой породительный орган; то есть он укрепляет активную творящую силу плодоносным элементом, на который она воздействует; поскольку вода рассматривалась как сущность пассивного начала, тогда как огонь — активного; один элемент имеет земное происхождение, второй же — небесное. Поэтому святой Иоанн Креститель, который, должно быть, получил некоторые знания о древней теологии через ее возродителей, иудейских эклектиков, говорит: *«Я крещу вас в воде в покаяние, но Идущий за мною сильнее меня... Он будет крестить вас Духом Святым и огнем»*¹: то есть я только очищаю и освежаю душу через причащение земному началу жизни; но тот, кто грядет после меня, возродит и преобразует ее через причащение небесному началу. К Пану же обращаются в Хоре Саламина в той же трагедии Софокла, называя его создателем и распорядителем танца богов, так как он является творцом и распорядителем вселенских процессов, символами коих являются эти божественные танцы, о которых в том же эпизоде говорят, что он сам себе их преподал. Сюда входят и кносские, и нисские танцы; первые по-

¹ Мф., 3.

священы Юпитеру, а вторые Вакху, поскольку Пан, будучи началом вселенского порядка, участвует в природе всех богов. Они были персонификациями отдельных действий великого управляющего всем принципа; а он — персонификацией его всеобщего закона и установленной гармонии, с помощью которой управляет Вселенной. Поэтому его часто изображают играющим на флейте, так как музыка является естественным символом этой физической гармонии. Согласно Плутарху, Юпитер Аммон африканцев был тем же самым, что и Пан греков. Это объясняет, почему македонские цари заявляли права на рога этого бога; ведь Александр объявил себя его сыном, и, хотя его наследники никогда не претендовали на подобную честь, они все же использовали эти символы, как видно по медалям с изображением последних (см. илл. IV, рис. 4).

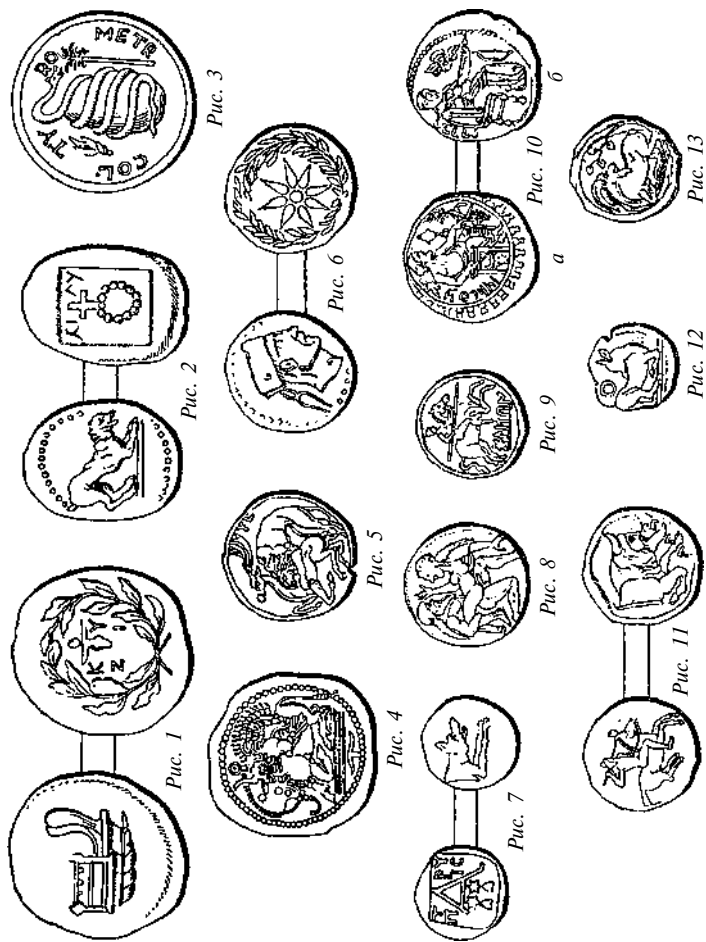
Дело в том, что Пан, или Аммон, являет собой Вселенную, а Юпитер — титул Высшего Божества (как будет показано впоследствии), и рога, эмблема его власти, казались самым подходящим символом этого высшего и универсального владычества, которого они все, подобно Александру, честолюбиво домогались. Фигуре Аммона придавался облик овна, как Пану — козла; причину этого трудно установить, если мы не предположим, что козы не были известны в той стране, где возник его культ, и что овен символизировал тот же самый атрибут¹. На гемме из коллекции Чарльза Таунли голова греческого Пана присоединена к голове барана, образуя тело петуха, над головой которого астериск солнца, а под ним — голова водяной птицы, представленная к все тому же телу (см. илл. III, рис. 1). Петух является символом солнца, возможно, в силу того, что возглашает его появление по утрам; а водяная птица — эмблема воды; так что эта композиция,

¹ Павсаний утверждает, что ему известно значение этого символа, но он не решится открыть его, ибо оно является частью мистического культа.

при всей своей явной причудливости, представляет Вселенную, лежащую между двумя великими плодородными элементами, один из которых является активной, а другой — пассивной причиной всех вещей.

Творец обладает как мужскими, так и женскими качествами; эманации его творящего духа, воздействуя на мировую материю, произвели низших служителей обоих полов и наделили фавнов и сатиров спутницами — нимфами вод, гор и лесов, знаменуя ими пассивные производительные силы, разделенные и распространенные по миру. К тому же роду относятся грации, упоминаемые Павсанием как спутницы Венеры, которая, так же как Церера, Юнона, Диана, Изида и т. д., была всего лишь персонификацией природы, или пассивного производительного начала, действующего различным образом. Апулей заклинал Изиду именами Элевсинской Цереры, Небесной Венеры и Прозерпины; и когда богиня ответила ему, она описала себя следующим образом. «Я, — сказала она, — природа, прародительница всего сущего, повелительница стихий, изначальное порождение времени, самая возвышенная из божеств, первая среди небесных Богов и Богинь, царица теней, неизменная нравом; чьему мановению подвластны сияющие высоты небес, целительные ветра морей и скорбное молчание умерших; единственная Богиня, перед которой весь мир благоговее, почитая во множестве образов, разными обрядами и под различными именами. Египтяне, искусные в древней учености, поклоняются мне с должными церемониями и называют меня моим истинным именем — Царица Изида».

Согласно верованиям египтян, Изида совокупилась со своим братом Озирисом в чреве их матери; от этого родился Аруэрис, или Орус, Аполлон у греков. Эта аллегория не означает ничего более, как активную и пассивную силы творения, соединившиеся в чреве ночи, куда их поместил неведомый отец, Кронос, или время; и от их союза произошло разделение или освобождение

Илл. IX. Монеты и медали

элементов друг от друга; поскольку имя Аполлона — только титул, восходящий к ἀπολνω — *освободить*. Одевание Изиды изображалось разноцветным и уложенным в замысловатые складки, поскольку пассивная, или материальная, сила является в различных формах и различными способами, приспособляясь к активной; но одежда Озириса была проста и одного сияющего цвета, что указывало на единство его сущности и универсальность его силы; равной для всего сущего. Сияющий, или пламенный, цвет представлял солнце, которое, пользуясь языком теологов, было субстанцией его священной власти и видимым образом его умопостижимого бытия. В орфических литаниях его называли цепью, что связывает все сущее воедино, поскольку он являлся первопричиной влечения, или притяжения; и освободителем (λυσιος)¹, поскольку высвобождает внутренние силы природы и тем оплодотворяет материю.

Эти эпитеты отображали не только теологическую, но и физическую систему орфической школы, согласно которой Солнце, расположенное в центре Вселенной, с планетами, вращающимися вокруг, было, благодаря своей притягательной силе, причиной всякого порядка и гармонии в целом. На эту систему намекал Гомер в аллегории золотой цепи, на которой Юпитер подвесил все сущее; хотя есть все основания считать, что сам поэт не ведал о ее значении и лишь передал то, что слышал. Аммониевы платоники переняли ту же систему, основанную на влечении, но заменили Солнце своей метафизической абстракцией, непостижимой гармонией, чьи эманации пронизывают все сущее и удерживают все сущее в единстве.

¹ Начальные буквы этого эпитета сопутствуют быку на принадлежащей мне медали из Неаполя. У этого быка человеческое выражение лица, по какой причине коллекционеры называют его минотавром; однако его изображение обнаруживается на различных медалях, и ему сопутствуют все символы как Вакха, так и Аполлона, а также инициалы большинства эпитетов, встречающихся в орфических литаниях.

Помимо фавнов, сатиров и нимф, воплощенных эманацій активной и пассивной силы Творца, мы часто встречаем античные изваяния неких андрогинных существ, обладающих половыми органами, свойственными обоим полам, которые, по моему мнению, представляют упорядоченную материю на ее первой ступени; то есть непосредственно после того, как она была высвобождена из хаоса, но прежде того, как она была оживлена через сопричастность эфирной сущности Творца. На прекрасной гемме, принадлежащей Р. Уилбрехему, одна из этих андрогинных фигур представлена спящей, ее производительные органы прикрыты, а под ней лежит разбитое яйцо хаоса.

С другой стороны Творец Бахус держит факел, эмблему эфирного огня, и протягивает его к спящей фигуре; в то время как один из его служителей, как видно, только и ждет его позволения, чтобы начать исполнение того долга, который, судя по всем внешним и весьма явственным признакам, он готов исполнить энергично и мощно. Сам Творец опирается на одну из тех фигур, которые обобщенно именуются *Sileni*, но которые, судя по их тяжеловесным неуклюжим формам, вероятно, задумывались как персонификация косной неразумной материи, из которой сформировалось все сущее, но которая, будучи не способна производить ничего из себя самостоятельно, должна представляться опорой творческой силы, хотя она не служит активным орудием деятельности Творца. Совершенная плешивость этой фигуры представляет истощенное, непродуктивное состояние материи, когда производительные силы отлучены от нее; ибо, на взгляд древних, который, как помню, встречался мне в некоторых трудах Аристотеля (в настоящее время я не могу на них сослаться), каждый акт соития производит кратковременный холод в мозгу, из-за которого часть волосяных корней выпадает; так что лысина служила отметиной бесплодия, приобретенного чрезмерным усилием. Внешний облик Пана имел очертания, примерно схожие с теми, которые,

как я здесь предположил, символизировали инертную материю; однако они были соединены с очертаниями козла, символа творящей силы, которой оплодотворяется и упорядочивается материя. К этому облику иногда добавляется породительный орган чрезвычайной величины, чтобы обозначить приложение этой силы к ее благороднейшей цели — производству потомства чувствующих и мыслящих существ. Эта композиция являет традиционного Приапа римских поэтов, кому поклонялись среди прочих персонажей языческой мифологии, но немногие из его древних почитателей понимали смысл этого божества более, чем добродетельные женщины Изернии. Характеризующий его орган иногда представлялся художниками в состоянии напряжения и твердости, которое тот принимает в готовности к исполнению своих функций¹, а в других случаях — в том состоянии расслабленной опухлости, которое непосредственно следует за успешным исполнением².

Во втором случае он обременен плодами природы, результатом тех самых плодотворных усилий, которые в первом случае он был готов так успешно привести в действие. На илл. V я привожу его изображение в каждом из вариантов; один образец взят из бронзовых изделий, хранящихся в Королевском музее Портичи, а другой — из Музея Чарльза Таунли. Можно заметить, что у первого лицо наморщено и напряжение чувствуется в каждом мускуле; тогда как у последнего все черты смазаны и опали, подбородок опущен на грудь и вся фигура в целом выражает расслабленность и утомление.

Если объяснение, которое я дал этим андрогинным фигурам, истинно, то фавны и сатиры, которые обыкновенно их сопровождают, должны представлять абстрактные эманации, а не инкарнации творящего духа, как при совокуплении с козами. Сам Творец часто пред-

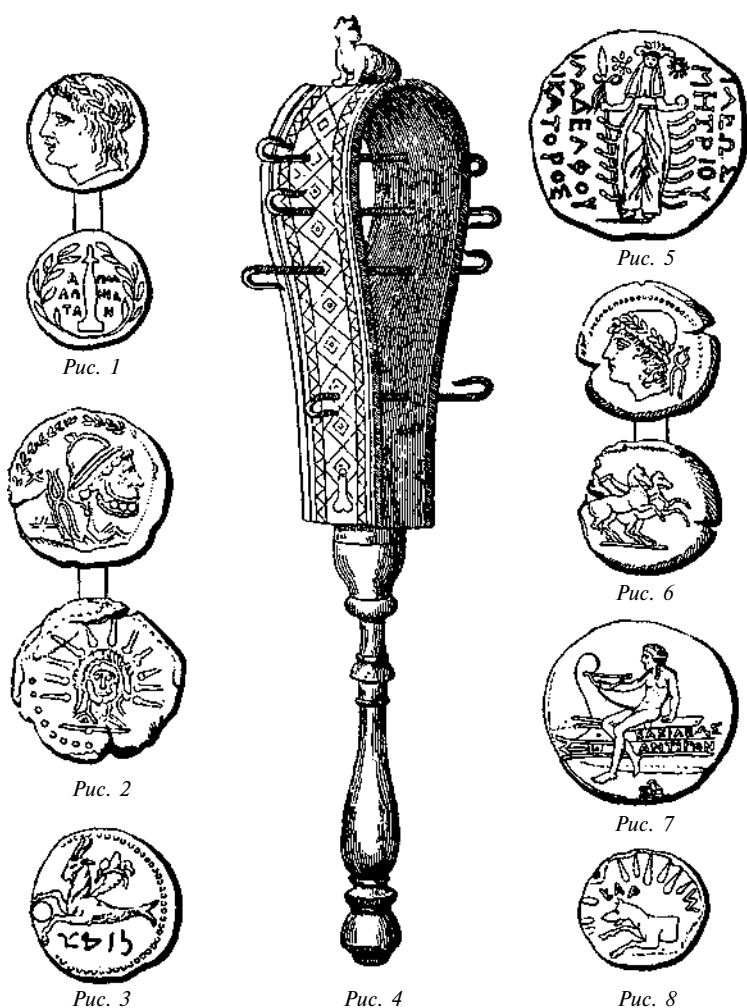
¹ См. илл. V, рис. 1, с бронзовой скульптуры из Музея Портичи.

² См. илл. V, рис. 2, с бронзовой скульптуры из коллекции Ч. Таунли.

ставляется в облике человека; и вполне естественно, что Его эманации должны разделять с ним его облик, хотя не имеют ничего собственно человеческого в своем составе. Тем не менее в некоторых странах Азии, по-видимому, считают, что Творец и в самом деле имел человеческий облик. Еврейский законоучитель ясно говорит, что Бог создал человека по своему образу и подобию и, прежде чем приступить к творению женщины, сделал его *мужчиной и женщиной*¹, каковым, следовательно, был сам. Отсюда находчивый автор делает вывод, что эти андрогинные фигуры представляют первых особей человеческой расы, которые, обладая органами обоих полов, произвели детей каждого пола. По-видимому, именно это значение вкладывалось в свои творения некоторыми древними художниками; но я никогда не встречал никакого упоминания об этом ни у одного греческого автора, исключая Филона Иудейского; не видел я и ни одного памятника древнего искусства, на котором Бахус, или Творец в человеческом облике, был бы представлен с половыми органами обоих полов. На символических изображениях двойственная природа часто выражается некоторыми андрогинными насекомыми, к примеру улиткой, которая наделена органами обоих полов и может совокупляться взаимнообразно с любой особью; но когда утонченность искусства дошла до изображения человеческих форм, она стала представляться как смешение черт мужского и женского тел в каждой части, сохраняющей еще отличительные органы мужского. Поэтому Еврипид называет Бахуса *θηλυμορφος*, и Хор Вакханок в той же трагедии обращается к нему с эпитетами мужского и женского рода. Овидий также обращается к нему, во-первых, намекая на его воплощение в образ быка, а во-вторых — андрогина.

Древние теологи, как и современные, делились на разные школы; но так как это никоим образом не нарушало общественное благополучие, то их очень мало

¹ Быт., 1.

Илл. X. Систр с разнообразными медалями

замечали. В небольшой аналитической работе, которая здесь изложена, я следую тому, что полагаю истинной орфической системой. Возможно, это была поистине всеобъемлющая вера, хотя она значительно отличается от другой древней системы, описанной Аристофаном, в которой больше поэзии, но меньше филосо-

фии. Согласно последней, первыми существами были Хаос, Ночь, Эреб и Тартар. Ночь на бескрайней груди Эреба произвела яйцо, из которого возникла Любовь, смешавшая все сущее воедино; и так возникли небеса, океан, земля и боги. На эту систему намекает эпитет *Ωογενοϛ* в применении к Творцу в одной из орфических литаний: но она никак не могла составлять часть ортодоксальной веры, поскольку Творец обычно представляется разбивающим яйцо хаоса и, следовательно, никак не может появиться из него.

В беспорядочной мозаике аллегорий и преданий, содержащихся в «Теогонии», приписываемой Гесиоду, Любовь помещена после Хаоса и Земли, но прежде всего остального. Этим несовпадениям не следует удивляться; ведь Аристофан, если предположить, что он знал об истинной системе, не мог из осторожности раскрыть ее или даже упомянуть никак иначе, чем под обычным покровом фантазии и аллегии; что до автора «Теогонии», то судя по удивительной сумятице несвязных легенд, которые он сложил вместе, очевидно, что он знал ее очень мало. Система, на которую ссылаются в орфических строфах, процитированных в «Аргонавтах», по всей вероятности, истинная; поскольку она не только согласуется во всех своих частях, но содержит физическую истину, которую величайшие из современных открытий только подтверждают и объясняют. Остальное, видимо, является только поэтическими искажениями ее, распространившимися постепенно и образовавшими тот громоздкий свод поэтических мифологий, который и составляет простонародную религию Греции.

Фавны и сатиры, которые сопутствуют андрогинным фигурам на древних скульптурах, обыкновенно изображаются прислуживающими Творцу через проявление действий их отличительных атрибутов, то же касается нимф, являющих собой символы пассивных порождающих сил; но что удивляет тех, кто знакомится с этими памятниками, и что кажется противоречащим общей системе древней религий — так это то, что

многие из этих групп изображены в позах, которые скорее способствуют удовлетворению извращенных, противоестественных склонностей, нежели направлены на произведение потомства. Тем не менее некий сведущий автор, немало способствовавший просвещению в данной области, решительно очистил их от этого подозрения, показав, что они всего лишь избрали наиболее удобный способ достигнуть женских породительных органов этих двуполых созданий. Данную точку зрения подтверждает Лукреций, утверждающий, что эта позиция лучше приспособлена для целей произведения потомства, чем какая-либо другая. Мы можем, следовательно, заключить, что вместо представления акта удовлетворения необузданных желаний художники изображали свои модели не потакающими собственному вожделению, но благопристойно совершающими свой долг способом, в наибольшей степени отвечающим цели, предлагаемой Творцом.

На греческих медалях, где корова является символом божества, она часто представлена лижущей теленка, который ее сосет¹. Это, видимо, должно указать на то, что творящая сила не только порождает, но заботится и питает; ведь все четвероногие вылизывают своих детенышей, чтобы освежить и укрепить их непосредственно после рождения. На других медалях бык или корова представлены вылизывающими себя², что, следуя тому же принципу, должно признать способностью божества восстанавливать силы и оживлять себя усилием своей питающей и созидающей власти над собственным существом. На других медалях вновь появляется человеческая голова с чертами андрогина, подобно голове Бахуса *διφυής*, с языком выдвинутым над нижней губой, как будто лижущим что-то³.

¹ См. илл. IV, рис. 3, с принадлежащей мне медали из Диррахия.

² См. илл. III, рис. 5, с медали из Гортины, хранящейся в коллекции Хантера; а также илл. III, рис. 4, с медали из Париума, принадлежащей мне.

³ См. илл. III, рис. 4, и илл. III, рис. 6, из Пеллерина.

Возможно, это тот же символ, выраженный менее явным способом; общепринятым обыкновением греческих художников было замещение целой композиции ее частью, означающей то же самое; и я вскоре буду иметь возможность привести несколько неоспоримых примеров этого. На Паросской медали, обнаруженной Гольциусом, на одной стороне представлен бык, вылизывающий себя, и к нему добавлен астериск солнца, а на другой стороне изображена голова с высунутым языком и змеями, символами жизни, вместо волос. Такая же медаль есть и в моей коллекции, с той разницей, что змеи не растут на голове, а размещены рядом с ней как отдельные символы, а животное, вылизывающее себя, женского пола, и ему сопутствует инициал слова *Θεός* вместо астериска солнца. Собиратели древностей называли эту голову Медузой; но, внимательно исследовав ее на любой хорошо сохранившейся монете, они обнаружили бы, что выражение ее лица говорит о вожделинии, а вовсе не о ярости или ужасе (см. илл. III, рис. 4). Дело в том, что коллекционеры постоянно впадают в ошибку, ища объяснение изображений на греческих медалях как в варварских, так и в прихотливых историях Овидиевых «Метаморфоз», вместо того чтобы исследовать сами исходные идеи древней религии, содержащиеся в орфических фрагментах, писаниях Плуларха, Макробия и Апулея, а также в хорах греческих трагедий. Эти идеи были темами древних мистерий, и именно к ним всегда относились символы на медалях; ведь медали были публичными государственными актами и, следовательно, отражали дух народов, а не причуды отдельных личностей.

Как господин д'Анкарвилль обнаружил полное изображение быка, разбивающего яйцо хаоса, в скульптурах Японии, притом что эта сцена появляется на греческих памятниках лишь фрагментарно, так и мы можем найти в любопытном восточном образце, недавно доставленном из священных пещер острова Элефанта близ Бомбея, полное представление этого символа, столь за-

гадочно выраженного вышеупомянутой головой. Эти пещеры, являющиеся древними местами поклонения, вырублены в сплошной скале, что потребовало невероятного труда и усердия. Та, из которой был привезен упомянутый фрагмент, имеет 40 метров длиной и 34 шириной, украшена колоннами и скульптурами, выполненными в манере, весьма отличной от манеры индийских художников.

Она нынче заброшена; но другие, подобные ей, все еще используются как места поклонения индусами, которые не могут сказать точно, каков их, без сомнения, весьма немалый возраст, ведь индусы очень древний народ; и к тому же скульптуры эти представляют расу людей, очень несхожих с ними или с любыми из предшествующих обитателей Индии. Образцы изваяний были вывезены с острова Элефанта на военном корабле «Камберленд» и теперь принадлежат Музею мистера Таунли. В число их входят несколько тщательно выполненных композиций, главная из которых — изображающая мужчину и женщину в позе, которую я не отважусь описать, но только вкратце замечу, что она выражает собою действие, которое, по моим предположениям, символизирует укрепление и восстановление производительных сил обоих, сил активных с одной стороны и пассивных — с другой, крепнущих через взаимные ласки.

Индусы и доныне представляют творящие силы божества этими древними символами, мужскими и женскими производительными органами, и поклоняются им с тем же благочестивым усердием, как поклонялись греки и египтяне. Подобно им, индусы также погребли исходные идеи своей теологии под грудой поэтической мифологии, так что мало кто из них может объяснить суть своей веры более подробно, нежели высказав общую идею о том, что они поклоняются единой первопричине, для которой второстепенные божества просто служители, или, по сути, персонифицированные способы ее действий.

Это та доктрина, которая содержится и глубоко истолковывается в Бхагават-гите — нравоучительном и метафизическом трактате, недавно переведенном с санскрита и, как утверждают, написанном свыше четырех тысяч лет тому назад. Кришна, или божество, воплотившееся в человеческом облике, дабы просветить все человечество, предстает в ней раскрывающим своим последователям фундаментальные принципы истинной веры, религии и мудрости, что в точности соответствует системе эманаций, так превосходно описанной в строках Вергилия, процитированных выше. Мы здесь находим, хотя и в более мистическом одеянии, тот же единый принцип жизни, излучаемый и распространяемый всюду и всегда частично возвращающийся, чтобы быть вновь поглощенным в бескрайней бездне мира разумного. Это обратное поглощение, которое повсеместно представляется конечной целью человеческого совершенствования, может быть достигнуто только жизнью, проведенной в духовной медитации и абстрактном размышлении, спокойное течение которых не может быть прервано никакой суетной случайностью или нарушено какими-либо мимолетными страстями, не важно, душевными или телесными. Но поскольку такая жизнь не под силу никому, кроме брахманов, то воинам, землепашцам и ремесленникам предлагаются низшие вознаграждения, состоящие в последовательном продвижении в процессе переселения душ, в соответствии с тем, как они исполняют налагаемые на них обязанности. Даже тем, кто служит другим богам, не отказано в вознаграждении за нравственные добродетели; поскольку, как сказал божественный Учитель, *«если они делают это с твердой верой, поступая так, они невольно поклоняются мне. Я тот, кто сопричастен любому поклонению, и я их награда»*¹. Это вселенское божество является причиной всех процессов, в первую очередь творения, сохранения и разрушения; трех атри-

¹ Бхагават-гита.

бутов, синтетически выраженных в мистическом созвучии *ом*. Повторять его в тишине, с твердой верой и сосредоточенным вниманием — вернейшее средство совершенствования и последующего возврата к истокам, поскольку оно ведет к созерцанию божества в его трех великих отличительных атрибутах.

Первый и величайший из них, творящий или порождающий атрибут, видимо, первоначально представлялся соединением мужского и женского породительных органов, которое, под наименованием лингам, и сейчас занимает центральное и самое сокровенное место в их храмах или пагодах; его также носят, прикрепляя к браслетам, на руках и на шее. На маленьком переносном алтаре, привезенном из страны Рохилла во время последней войны и теперь хранящемся в Британском музее, эта композиция установлена на пьедестале посреди квадратной площадки, утопленной ниже краев в плите белого алебаstra (см. илл. XII).

Вокруг пьедестала обвилась змея, эмблема жизни, и голова ее покоится на хвосте, что символизирует вечность, или постоянный круговорот времени, которое течет через бесконечную повторяемость регулярных циклов и установленных периодов. Из-под тела змеи вырастает лотос, или водяная лилия, *нелюмбо* Линнея, которая раскидывается по всему пространству, не занятому фигурами по углам. Это растение произрастает в воде, и среди его широких листьев поднимается цветок, в центре коего образуется семенная коробочка, имеющая форму колокола или перевернутого конуса, усеянная по верхушке мелкими ячейками, в которых зреют семена (см. илл. XX, рис. 1). Отверстия этих ячеек слишком малы, чтобы позволить семенам выпасть, когда те созреют, и они развиваются в новые растения на том же месте, где сформировались; мякоть округлого сосуда служит им маткой, питающей их, пока они не достигнут такой степени развития, чтобы разорвать ее и освободиться; после чего, как и другие водные растения, пускают корни там, куда прибьет их течение.

Таким образом, это растение, плодовитое по своей природе и произрастающее из собственного ложа, не будучи питаемо землей, было естественно принято как символ плодотворной мощи воды, на которую воздействовал активный дух Творца, наделяя материю жизнью. Мы видим, что оно имело это же значение на всем Северном полушарии, где в настоящее время или когда-либо в прошлом господствовала символическая религия, ошибочно называемая идолопоклонством. Священные изваяния татар, японцев и индийцев почти все располагаются на нем; многочисленные отдельные примеры подобных изображений встречаются в публикациях Кампфера, Шапп Д'Отроша и Зоннерата. Верхняя часть основания лингама также образована этим цветком, незаметно переходящим в соединенный с ним женский породительный орган, на который он опирается; и древний автор Бхагават-титы, говоря о творце Брахме, описывает его сидящим на своем лotosовом троне. Изображения Изида на Таблице Изида держат стебель этого растения, увенчанный семенной коробочкой, в одной руке, и крест (см. илл. XVIII, рис. 2), представляющий мужские породительные органы, — в другой; этим обозначается приписываемая этой богине универсальная сила, сочетающая в себе активность и пассивность. На той же Таблице Изида есть также изображение египетского храма, колонны которого в точности подобны растению, которое Изида держит в своей руке, за исключением того, что стебель сделан крупнее, дабы придать ему устойчивость, необходимую для поддержания крыши и антаблемента (см. илл. XVIII, рис. 1).

Колонны и капители того же вида и сейчас можно видеть во множестве среди руин Фив в Египте; и особенно выделяются среди них весьма любопытные памятники с острова Филе, что на границе Эфиопии, которые, вероятно, являются самыми древними памятниками искусства, дошедшими до наших дней, по крайней мере если мы исключим соседствующие с ними фиванские храмы. И те и другие были созданы,

Илл. XI. Скульптура из Элефанти

безусловно, во времена, когда этот город был средоточием богатства и власти, каковым он в высшей степени являлся во времена Троянской войны.

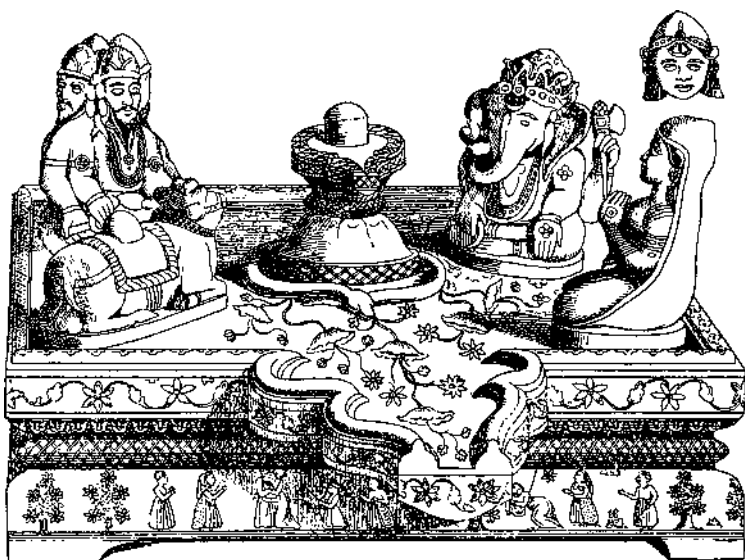
Как долго это продолжалось, нам не дано узнать; но что он вскоре пришел в упадок, тому нет ни малейших сомнений; поскольку, когда греки в правление Псамметиха (обычно считается, что это произошло примерно через 530 лет после осады Трои), впервые своими глазами увидели внутренние районы этой страны, Мемфис уже много веков был ее столицей, а Фивы, можно сказать, лежали в запустении. Гомер заставил Ахилла говорить об их безмерном богатстве и величии как о общеизвестном и общепризнанном факте; так что они должны были пользоваться освященным временем славы даже в ту отдаленную эпоху. Мы можем, следовательно, справедливо заключить, что подавляющее большинство величественных строений, сохранившихся до сего времени, было создано (или, по крайней мере, начато их строительство) до этого времени; многие из них

выглядят так, словно их не смогли бы завершить иначе как в долгий срок, даже если предположить, что богатство и власть древних царей Египта равнялись богатству и власти величайших римских императоров. Возведение колонны Траяна в течение трех лет справедливо будет оценить как чрезвычайное достижение; ведь для этого должно было потребоваться по крайней мере три сотни умелых ваятелей: и все же в соседстве с Фивами мы находим целые храмы громадных размеров, покрытые фигурами, высеченными в твердом и хрупком граните Ливийских гор вместо мягкого мрамора Пароса и Каррары. Путешественники, которые посещали эти земли, оставили нам отрывочные сообщения, по которым едва можно судить о манере, в которой были выполнены эти изваяния; но если можно оценивать их по обелиску Рамзеса, фрагменты которого ныне находятся в Риме, они бесконечно более трудоемки, нежели фигуры Траяновой колонны. Известный скульптор, вместе с которым я обследовал этот обелиск, держался решительно того мнения, что их должны были выполнять так, как делают ювелирные украшения, с помощью гравировального инструмента; представляется невозможным обрабатывать зубилом красный гранит с такой аккуратностью и точностью. Возраст Рамзеса не определен; но большинство современных хронистов предполагают, что он и Сесострис — это один и тот же человек и правил он в Фивах примерно за 1500 лет до Рождества Христова и за 300 до осады Трои. Однако о точности этих дат, относящихся к событиям столь отдаленной древности, можно судить лишь предположительно. Египетские жрецы эпохи Августа сохраняли предание, которое стремились подкрепить иероглифическими записями, о том, что их страна когда-то владычествовала над всей Азией и Эфиопией, завоеванными фараоном Рамзесом.

Хотя эти сведения могут быть чрезмерно преувеличены, судя по еще сохранившимся строениям, нельзя усомниться в том, что египтяне и впрямь некогда вла-

дели великой империей; ведь все историки соглашались, что они питали отвращение к мореплаванию, не имели морских портов и никогда не пользовались выгодами торговли с другими странами, без которых Египет не имел иного способа приобрести достаточное количество избыточного богатства, потребного, чтобы воздвигать такие дорогостоящие памятники, как разве собирать дань с покоренных провинций; особенно если учесть, что вся нижняя часть его была болотом, которое невозможно было обрабатывать, как о том поведал Геродот, и с большой долей вероятности в древности было именно так. Однако Гомер, который, по-видимому, должен был знать все, о чем можно было дознаться в его эпоху, и который передал все свои знания последующим поколениям, видимо, не слышал ничего об их империи или завоеваниях. Они изгладились из памяти и были забыты с восходом новых империй; но слава об их древних богатствах еще сохранилась и служила привычным предметом сравнения, как в наши дни служит той же цели Могол, хотя он и превратился в одного из беднейших правителей в мире.

Если египетские памятники уводят нас в неизведанную даль времен, то символы, которые они содержат, по-видимому, не являлись изобретениями этой страны, но были восприняты у некоего народа, еще более древнего, проживавшего на другой стороне Эритрейского моря. Один из наиболее ярких из них — змея, обладающая капюшоном; эта рептилия обитает только в юго-восточных частях Азии, но я обнаружил ее очень точное изображенное на обелиске Рамзеса, а также видел, сколь часто она повторяется на Таблице Изиды и других памятниках символизма египтян. Ее можно также найти среди скульптур в священных пещерах острова Элефанта; и она же часто является деталью многих идов у современных индусов, объясняющих смысл этого смехотворными баснями, на которые обстоятельно ссылается Зоннерат; и некоторые не стоят того, чтобы их повторять. Возможно, мы смогли бы проследить

Илл. XII. Лингам из индийского храма

связь этих символов и с многими другими подобными примерами, имей мы точно срисованные изображения руин Верхнего Египта.

Сравнивая друг с другом колонны, которые египтяне сооружали по образу растения нелюбо, и наблюдая, как различаются способы украшения их, мы можем открыть происхождение того архитектурного ордера, который греки по месту его предполагаемого изобретения называют коринфским. Вначале мы обнаруживаем простой колокол, или семенную коробочку, используемую в качестве капители, без каких-либо дополнительных вариаций, если не считать небольшое расширение дна снизу, чтобы придать конструкции устойчивость (см. илл. XIX, рис. 6). В следующем случае та же семенная коробочка окружена листьями какого-либо другого растения (см. илл. XIX, рис. 7), которое варьируется на различных капителях в зависимости от смыслов, которые намеревались выразить этими дополнительными символами.

Греки украшали их точно так же, дополняя листьями аканта и другими видами лиственного орнамента; и прочие символы их религии вводились в качестве орнамента в антаблемент, вместо того чтобы вырезать их на стенах построек или столбах колонн. Один из них, встречающийся наиболее часто, — тот, который архитекторы называют жимолостью, но который, как ясно показал мне сэр Джозеф Бэнкс (коему я признателен за все сказанное мной в отношении лотоса), являет собой изображение молодых ростков этого растения, в момент, когда они разрывают семенную коробочку и вот-вот выпадут из нее. В деталях подобный орнамент различается в зависимости от места и времени его создания; греки обыкновенно изображали как растительность, так и диковинных животных, сочетая несущие различную символическую нагрузку растения и соединяя их воедино; почему их часто чрезвычайно трудно распознать. Но образец, который я привожу, отличается такой определенностью, что в нем вряд ли возможно ошибиться (см. илл. XIX, рис. 3). Этот рисунок встречается на многих греческих медалях наряду с животными-символами и воплощенными атрибутами божества, что сразу заставило меня заподозрить — данный орнамент не простой, но обладает неким мистическим смыслом, присущим почти любому украшению священных сооружений греков.

Квадрат ранее упомянутого индийского памятника, на котором распростерся лотос, время от времени заливается водой, которая, посредством нагнетающего механизма, вначале извергается из ствола лингама. Поливание водой священных символов является способом поклонения, весьма распространенным среди индусов, особенно в обрядах, посвященных Быку и лингаму. Его значение было уже объяснено в случае греческого Пана, во время обряда поклонения символу его плодотворной силы (см. илл. V, рис. 1). Территория греческих храмов в некоторых случаях заливалась водой подобным же образом; вскоре я приведу тому пример.

Мы также находим, и не так уж редко, маленькие переносные алтари примерно такой же формы, изготовленные греками: их пространство точно так же заливается посредством фонтана в центре, а фигуры рельефа, украшающего стороны, судя по внешнему виду, явно посвящены тому же культу Приапа, или лингама (см. илл. XIV). Такие же квадраты отгиснуты на множестве древнегреческих медалей; иногда они поделены на четыре части, а иногда на большее количество отделений (см. илл. XIII, рис. 1, 3).

Собиратели древностей предполагают, что таким образом просто отпечатывалось нечто, подложенное под металлический кружок, чтобы сделать чеканку более равномерной; но помимо того, что подобный способ очень мало годится для этой цели, мы находим множество монет, изображения на которых получали посредством удара молотка (поскольку штамповка — способ более поздний) по стороне, отмеченной этим квадратом. Но окончательно устраняет всякие сомнения то, что отпечатки в точности такого же вида обнаружены на маленьких талисманах, представляющих собой оттиски на воске и находящихся в египетских гробницах, которые не имеют каких-либо отпечатков на оборотной стороне (см. илл. XIII, рис. 2). На маленькой медной медали из Сиракуз мы также находим астериск солнца, помещенный в центре квадрата, точно так же, как лингам на индийском памятнике (см. илл. XIII, рис. 3). Почему эта четырехугольная форма предпочиталась любой другой, мы не имеем возможности выяснить, какой бы из известных образцов греческой или египетской скульптуры ни рассматривался; но этот маленький индийский алтарь дает понять, что четыре угла предназначены для четырех второстепенных божеств, или персонифицированных способов действия великого универсального Источника энергии, представленного символом в центре, а жесты и позы прочих изображенных показывают, что они с благоговением и почтением поклоняются ему.

Каково точное значение этих четырех символических фигур, мы едва ли сможем узнать из тех малых фрагментов мистического учения древних, которые сохранились до наших дней. Однако то, что они должны были служить воплощенными атрибутами, не вызывает у нас сомнений; ведь освященный веками авторитет Бхагават-гиты гласит, что таковыми являлись все второстепенные божества, а кроме того, возведенные в сан божеств люди, которыми эти фигуры, очевидно, не являются. Что же касается мифологических историй, бытующих ныне в Индии, то они проливают столько же света на эту тему, сколько и Овидиевы «Метаморфозы» — на древнюю теологию Греции; то есть как раз достаточно, чтобы сбить с толку и привести в недоумение тех, кто посвятит им свое внимание. Цитированный выше древний автор заслуживает большего доверия; но он очень мало говорит о символическом культе. Труд этот тем не менее доказывает, что его основные идеи были в точности теми же, что и у греков и египтян, среди сохранившихся произведений искусства или литературы которых мы можем, вероятно, отыскать определенные аналогии для поддержания этой гипотезы. Слон, однако, является новым символом для Запада; до похода Александра греки никогда не видели ни одного из этих животных, хотя такой материал, как слоновая кость, был знаком им со времени Гомера.

На этом индийском памятнике голова слона присовокуплена к телу мужчины с четырьмя руками, две из которых подняты вверх, будто бы в готовности пустить в ход орудия, которые они держат, а две другие указывают вниз, словно демонстрируя поклонение лингаму. Эта фигура у современных индусов зовется Ганеша; но это имя не называется в Бхагават-гите, где божество лишь говорит, что *знающие узреют его равно в почтенном Брахмане, искушенном в знании, в быке и в слоне*. Какие особенные атрибуты должен был выражать этот слон, древний писатель нам не сообщает; но поскольку характерные свойства этого животного —

сила и ум, мы можем заключить, что его образ предназначался для олицетворения идей, в чем-то подобных тем, что у греков представляла Минерва, которой поклонялись как богине силы и мудрости, войны и совета. Индийский Ганеша, конечно, мужчина, а Минерва — женщина; но эта разница полов, как бы важна она ни была на физическом уровне, не играет особой роли для метафизических существ. Минерва, подобно прочим греческим божествам, может обладать либо мужскими, либо женскими свойствами или же быть двуполым существом. На медалях Птолемея, в правление которого индийские символы стали известны грекам благодаря александрийской торговле, мы неоднократно встречали ее изображение со слоновьей шкурой на голове вместо шлема; в то время как внешность ее являет нечто среднее между мужским и женским, поскольку художник, что естественно, придал ей такое выражение, стремясь совместить греческие и индийские символы и слепив их воедино. Минерва, как утверждают составители свода греческой мифологии, родилась без матери из головы Юпитера, который произвел ее на свет с помощью Вулкана. Это, говоря простыми словами, означает не что иное, как то, что она была чистой эманацией Божественного разума, действующей через универсальное представительство огня, а не возникла, как другие аллегорические персонажи, в результате неких воздействий божества на внешнюю материю. Почему она и считается в иерархии следующей за своим отцом и наделена всеми его атрибутами; поскольку мудрость — самое возвышенное качество разума, а Божественный разум обладает совершенной мудростью, в то время как атрибуты ее есть атрибуты мудрости, под чьим водительством осуществляется ее власть. Следовательно, сила и мудрость, если рассматривать их как свойства божества, являются фактически одним и тем же. Греческая Минерва обычно представлена с копьем, которое она держит вертикально в одной руке, точно так же, как индийский Ганеша

вздымает боевой топор¹. И то и другое должно означать разрушительную силу, столь же присущую Божественной мудрости, как сила творческая или сохраняющая. Статуя Юпитера в Лабранде (Кария) держит в руке боевой топор вместо молнии; а на медалях Тенедоса и Тиатиры мы видим его представленным самим по себе, как символ божества, в точности так же, как молния на великом множестве других медалей. *«Я удар молнии»*, — говорит божество в Бхагават-гите; и когда мы обнаруживаем на медалях это предполагаемое орудие Божественного мщения, надо понимать, что это не оружие, принадлежащее верховному божеству, но символ его как разрушителя. Какой инструмент Ганеша держит в другой руке, понять сложно, поскольку он немного поврежден. В одной из тех рук, что указывают вниз, он держит цветок лотоса, означающий его власть над пассивными силами порождения; а в другой — золотое кольцо или диск, который, как я вскоре покажу, для многих народов Востока был символом, обозначающим солнце. Его голова вытянута в коническую или пирамидальную форму и окружена орнаментом, который, несомненно, представляет собой пламя; индийцы, так же как и греки, считают огонь сущностью всех активных сил; отсюда ведут происхождение светильники, в которых поддерживается негасимый огонь в святой святых всех великих пагод Индии, как было в древности в храме Юпитера Аммона и во многих других храмах греков и варваров; и воплощенный бог в Бхагават-гите говорит: *«Я есть огонь, пребывающий в телах всего сущего, что обладает жизнью»*.

Надо лбом Ганеши полумесяц, олицетворяющий луну и ее власть над водами океана. Луну почитают владычицей великого питающего элемента, чьи мягкие лучи, сопровождаемые освежающими росами и прохладными ночными ветерками, делают ее в глазах оби-

¹ См. илл. XIII, рис. 8, с принадлежащей мне медали Селевка I.

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

Рис. 5

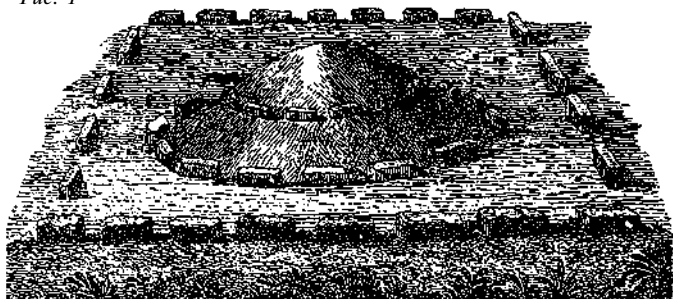

Рис. 4

Рис. 6

Рис. 7

Рис. 8

Рис. 9

Рис. 10

Рис. 11

Илл. XIII. Кельтский храм и греческие медали

тателей жарких стран утешительницей и возродительницей земли. «Я луна, — говорит божество в Бхагаватгите, — в чьей природе — придавать вкус и аромат и лелеять травы и растения в поле». Свет солнца, луны и огня были, однако, практически одним и тем же, равно представляя собой эманации высшего существа.

«Знай, — говорит божество в том же древнем диалоге, — что свет, который исходит от солнца и освещает мир, и свет, который дают луна и огонь, есть мой свет. Я пронизываю все сущее в природе и защищаю его моими лучами». В рассматриваемой фигуре луны отводится первенствующая роль по отношению к солнцу, что происходит, вероятно, оттого, что индусы не располагали знаниями об истинном строении Солнечной системы. Тем не менее они должны были быть известными народу, который умел вычислять затмения. Индусы помещают Землю в центр Вселенной, как делали поздние греки, у которых мы также встречаем то же предпочтение, оказываемое лунному символу; Юпитер представлен на медали Антиоха VIII с полумесяцем над головой и астериском солнца в руке (см. илл. XIII, рис. 10). В уже цитированном эпизоде из Бхагават-гиты мы находим слона и быка, упоминаемых вместе, как символы одного рода; и на медали Селевка Никатора они встречаются соединенными, когда рога одного помещены на голове другого (см. илл. XIII, рис. 9). Поздние греки также иногда использовали слона в качестве универсального символа божества, в каковом смысле он представлен на медали Антиоха VI, где своим хоботом он держит факел, эмблему универсальной силы огня, а рог изобилия, следствие ее действия — хвостом (см. илл. XIII, рис. 8).

В другом углу маленькой индийской пагоды находится фигура с четырьмя головами, и все они той же заостренной формы, что и голова Ганеши. Эта фигура, как мне видится, представляет Брахму, которому индусы приписывают наличие четырех ртов и утверждают, что ими он надиктовал четыре Беды, или Веды, мистические книги их религии. Четыре головы повернуты в разные стороны, но в точности походят друг на друга. Бороды их, окрашенные в черный цвет, остроконечные и утончающиеся, как борода козла, которой греки наделяли Пана и его эманации, фавнов и сатиров. Поэтому я склонен полагать, что Брахма индийцев есть то же

самое, что Пан греков; то есть творящий дух божества, пронизывающий материю и действующий в четырех элементах, представленных четырьмя головами. На самом деле индийцы признают еще пятый элемент, точно так же, как делали и греки; но он никогда не ставился в один ряд с остальными, будучи эфирной и более высокой природы и являясь непосредственной принадлежностью божества. *«Одни называют его небесами, другие светом, а третьи — эфиром»*, — говорит Плутарх. Индусы в настоящее время зовут его *Оссис*, под чем они, видимо, подразумевают чистый эфирный свет или огонь.

Этот аллегорический способ представления персонажей религии — со множеством голов и конечностей для выражения многообразных их атрибутов и многосторонней деятельности — ныне повсеместно распространен на Востоке и, видимо, в древности не был чужд грекам, по крайней мере насколько мы можем судить по эпитетам, какими пользовались Пиндар и другие ранние поэты. Соединение двух символических голов часто встречается среди сохранившихся по сей день образчиков подобного искусства, каковыми являются медали из Сиракуз, Марсея (Массалии) и многих других городов. На гемме, находящейся в коллекции мистера Таунли, те же идеи, что воплощены в индийской пагоде посредством фигур Брахмы и Ганеши, выражены в сдвоенных головах Аммона и Минервы. Аммон, как прежде уже было замечено, был Паном греков, в то время как Минерва является эквивалентом Ганеши, будучи представлена, в напоминании индийской традиции, со шкурой слона на голове вместо шлема (см. илл. XIII, рис. 7). Обе этих головы появляются по отдельности на различных медалях Птолемея, с одной из которых эта гемма, вероятно, была вырезана. Александрия была долгое время крупным центром не только торговли и науки, но также и религий.

Рядом с фигурой Брахмы на пагоде изображена священная корова, или женский символ порождающей или

питающей мощи земли; а в другом углу, рядом с Ганешей, фигура женщины с головой той же конической формы, над челом которой язык пламени, с которого свисает полумесяц (см. илл. XII). Она, по-видимому, представляет собой женское воплощение божественных качеств, представленных Ганешей, поскольку индусы, подобно грекам, поклоняясь божествам обоих полов, не предпринимают попыток объединить их в одной фигуре. *«Я отец и мать этого мира»*, — говорит воплощенный бог в Бхагават-гите. *«Среди коров, — добавляет он в последующей части, — я корова Камадхук. Я плодоносный Кандарпа, бог любви»*. Эти два высказывания, помещенные рядом, похоже, указывают на некую связь между *богом любви* и *коровой Камадхук*; если же читать это текст без знаков препинания, как, собственно, он и воспроизводился в древности, можно подумать, что автор поместил бога любви среди скота; что бы он, естественно, и сделал, если бы обычай его религии велел представлять божество животным-символом. У египтян, как ранее было замечено, корова служила символом Венеры, богини любви, и пассивной производительной силы природы. На капителях одного из храмов в Филе мы еще видим головы этой богини, представленные в смешанной форме; рога и уши коровы соединены здесь с прекрасными чертами женщины в расцвете жизненных сил (см. илл. XIII, рис. 3); именно такой женщиной представляли греки Венеру, коей они поклонялись как матери плодоносного бога любви, Купидона, персонификации животной страсти или вожделения; как орфическая Любовь, отец богов и людей, был персонификацией универсального влечения.

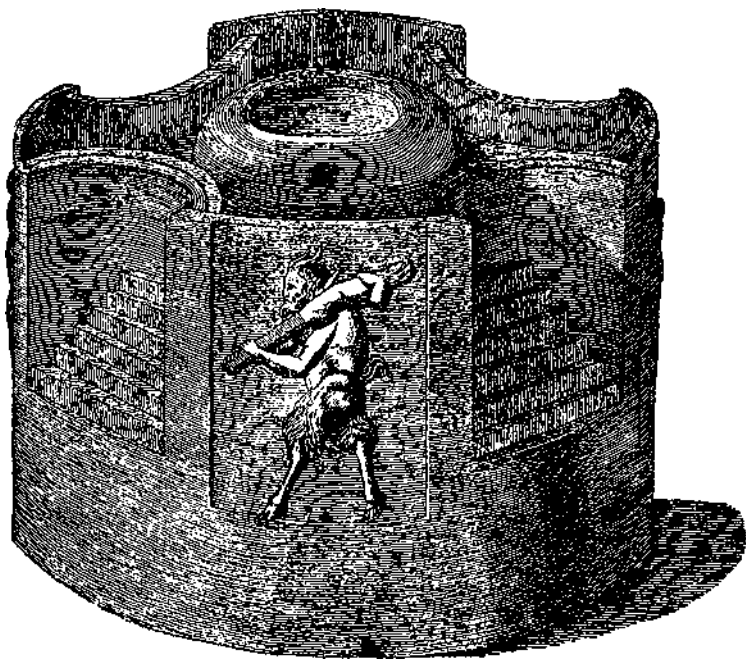
Греки, которые представляли мать в виде прекрасной женщины, что вполне естественно, представляли сына в виде прекрасного мальчика; но народ, который представил мать в облике коровы, должен был естественным образом представить сына в облике теленка. Именно так, по всей видимости, и поступили

индусы, так же как египтяне, по каковой причине Кандарпа вполне может занимать должное место среди скота.

Следуя этой аналогии, мы можем прийти к истинному пониманию многожды прославленного объекта поклонения, упоминаемого другим, более почтенным древним писателем. Когда израэлиты разволновались из-за долгого отсутствия Моисея и воззвали к Аарону, прося сделать им бога, дабы тот шел перед ними, Аарон создал золотого тельца; и народ приносил ему жертвы и пировал, а затем (по слову переводчика) встал *играть*; но в оригинале это слово более конкретно и означает, в прямом и простом своем смысле, тот особый род игры, который требует согласованности обоих полов¹ и который, следовательно, был вполне подходящим завершением жертвоприношения Купидону, хотя крайне неприемлемым для того бога, что вывел их из Египта. Создатели египетской мифологии, которые, по-видимому, и придумали это незначительное божество любви, вероятно, также изобрели и второстепенного Приапа, который был персонификацией этого особого генеративного дара, возникшего из животного желания, подобно тому как исходный Приап был персонификацией великого генеративного закона Вселенной. Поэтому поэтические аллегории говорят о нем как о сыне Бахуса и Венеры; то есть как о результате слияния активной и пассивной генеративных сил природы. История его жизни как сына греческого завоевателя, родившегося в Лампсакузах, кажется искажением этой аллегории.

Из всех народов Античности персы в своем поклонении Творцу были самыми простыми и непосредственными. Они были пуританами языческого мира и отвергали не только все изображения Бога или его служителей, но также храмы и алтари, что утверждает Геродот, чей авторитет я ставлю надо всяким иным,

¹ Исх., 32.

*Илл. XIV. Переносной алтарь,
посвященный Приапу или лингаму*

поскольку он знал персов до того, как они смогли перенять чужие суеверия¹.

Поскольку они поклонялись эфирному огню безо всяческого посредства в виде персонификации или аллегории, то считали недостойным для божества быть представленным в какой-либо определенной форме или ограниченным каким-либо конкретным местом. Вселенная была его храмом, и всепроникающий элемент огня — его единственным символом. Греки поначалу явно держались подобных же взглядов, на что указывает тот факт, что у них долго не существовало статуй; а Павсаний говорит о храме в Сикионе, возведенном Адра-

¹ Хайд, Энкетил и другие современные писатели представили нам запутанные суеверия современных персов, заменившие простой теизм древности.

стом, который жил за век до Троянской войны; храм этот состоял только из колонн, без стен или крыши, подобно кельтским храмам наших северных предков или *пиретии* персов, которые представляли собой круги из камней, в центре которых возжигался священный огонь, символ божественного. Гомер часто говорит о местах поклонения, где нет ничего, кроме участка земли и алтаря (без крыши), которые были, вероятно, именно такими огороженными местами, как у персов, с алтарем в центре. Храмы, посвященные творцу Бахусу, которые греческие архитекторы называли *hupaethral*, видимо, выглядели в древности точно так же; по этой причине, видимо, в орфических литаниях этому богу приписывается эпитет *περικλυιον* (*окруженный колоннами*). Остатки одного из них еще сохранились в Пуццуоли близ Неаполя, каковой храм тамошние жители называют Храмом Сераписа; но орнаменты из виноградных гроздей, ваз и т. д., найденные среди руин, доказывают, что он был посвящен Бахусу. Серапис, будучи также персонификацией солнца, в действительности был тем же самым божеством, которому поклонялись в другой форме. Архитектура его относится к римскому времени; однако план первоначального сооружения, на месте которого он был воздвигнут, говорит о глубокой древности последнего, в точности напоминающего план кельтского храма в Зеландии, опубликованный в «Путевых заметках» Стакли¹.

Ряды квадратных в плане построек, расположенных по периметру главного храма, являются помещениями для жрецов, жертв и священной утвари, а также модельернями, посвященными второстепенным божествам, вероятно неизвестным тем, кто возводил основное строение, включенным в основной культ в более позднее время (см. илл. XV, рис. 2). Портик, который проходит параллельно этим строениям (см. илл. XV, рис. 2, б), заключает в себе священное пространство теменос, или

¹ См. илл. XV, рис. 1 и 2; илл. XIII, рис. 4.

участок священной земли, который в пиретии персов был круглым, но здесь четырехугольный, как в кельтском храме в Зеландии и описанной выше индийской пагоде. В центре находилась святая святых, обиталище бога, представляющее собой группу колонн, установленных на фундаменте кругом, образующих пространство без крыши или стен, посреди которого, вероятно, горел священный огонь или находился какой-либо иной символ божества (см. илл. XV, рис. 1, а и 2, в). Квадрат, на котором оно, в свою очередь, располагалось, находился ниже общего уровня (см. илл. XV, рис. 1, б), точно так, как в той маленькой индийской пагоде, что наводит на мысль о том, что он заливался водой; до сих пор видны водостоки и дренажные канавки (см. илл. XV, рис. 1, в), а также несколько скульптурных фрагментов, некогда украшавших фундамент, изображающих волны, змей и различных водных животных (см. илл. XVI, рис. 1).

Бахус *περικλυος*, которому здесь поклонялись, был, как мы знаем из процитированного выше орфического гимна, солнцем в облике гасителя огней, тех огней, что некогда пронизывали землю. Предполагается, что он делал это, испаряя воды океана и изливая их на сушу, которая таким образом, видимо, приобрела надлежащую теплоту и плодородие. По этой причине священный огонь, сущностный образ бога, был окружен элементом, который изначально предназначался для пресуществления благотворных усилий его великого атрибута.

Эти орфические храмы, без сомнения, символизировали основной принцип мистической веры древних — Солнечную систему; огонь, сущность божества, занимает место Солнца, и колонны окружают его как подчиненные части Вселенной. Остатки культа огня сохранились у греков даже до последнего времени, как на то указывают священные очаги, в которых поддерживается огонь во внутренних помещениях, или святая святых почти всех тамошних храмов и мест поклонения;

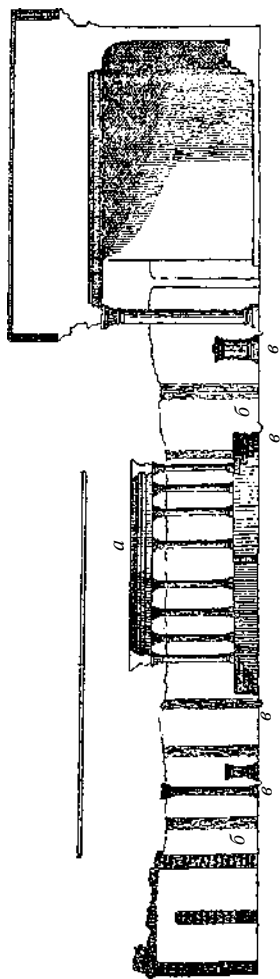

Рис. 1

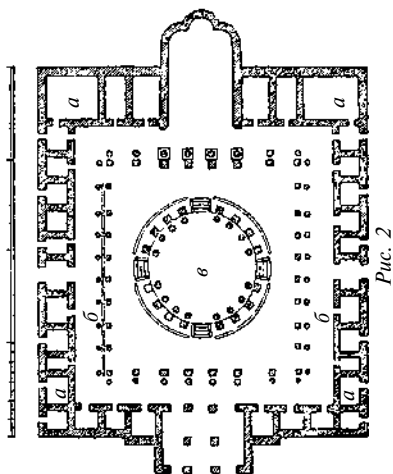

Рис. 2

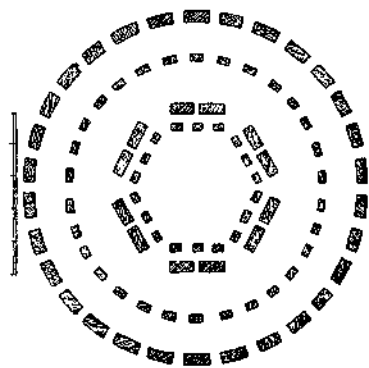

Рис. 3

Илл. XV. Храм в Пушколо, посвященный Бахусу

и хотя платоники школы Аммония, последние учителя древней религии, стремились постичь нечто за гранью достигаемости чувства и разума в качестве сущности высшего божества, они, тем не менее желая наглядности в объяснении деятельности этой метафизической абстракции, более тонкой, нежели сам разум, прибегали к помощи аллегорий света и огня.

Судя по отрывку Гекатея, сохраненному Диодором Сикулом, я полагаю очевидным, что Стонхендж, равно как и все остальные памятники того же рода, сохранившиеся на севере, принадлежали все к той же религии, которая в некий отдаленный период господствовала на всем Северном полушарии. Согласно этому античному историку, *«гиперборейцы населяли остров за Галлией, величиной подобный Сицилии, на котором Аполлону поклонялись в круглом храме, значительному по своим размерам и богатству»*. Аполлон, как известно, в представлении греков того времени отождествлялся с солнцем, которому, как утверждает Цезарь, поклонялись германцы, когда они не знали никаких других божеств, кроме огня и луны. Упомянутый остров, по моему мнению, не что иное, как Британия, известна грекам единственно по смутным сообщениям финикийских мореплавателей, таких неопределенных и темных, что даже Геродот, наиболее любознательный и легковверный из историков, сомневался в ее существовании.

Упоминание о наличии круглого храма солнца в столь неразвитых и несовершенных сообщениях доказывает исключительную важность солнечного культа; в ином случае его, вероятно, не упомянули бы вовсе; а если бы таковых было много, историк не употребил бы единственного числа. Стонхендж, безусловно, является круглым храмом, почти таким же, как уже описанный храм Бахуса *περικύριος* в Пуццуоли, за исключением того, что совершенное исполнение и прекрасная симметрия частей последнего противоположны грубой, но величественной простоте первого; в первоначальном же замысле они отличаются лишь формой площади, на ко-

Рис. 1

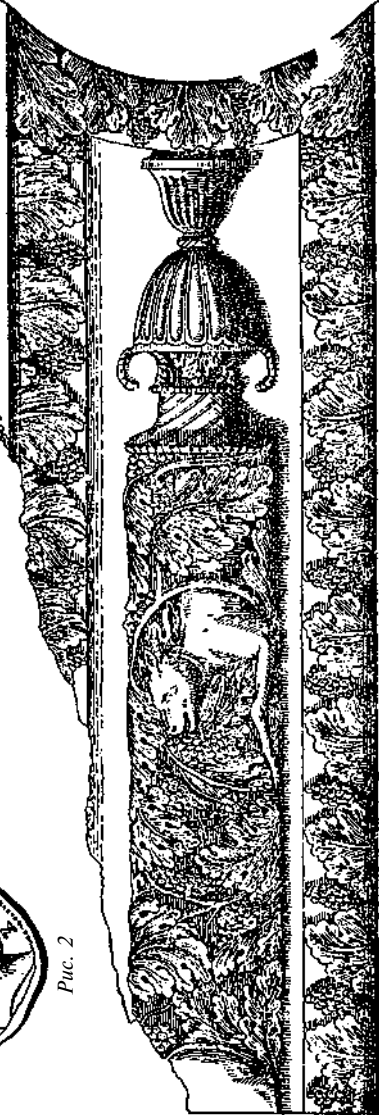

Рис. 2

Илл. XVI. Орнамент храма в Пушчуоли

торой располагаются¹. Следовательно, разумно предположить, что мы имеем руины храма, идентичного описанному Гекатеем, который, будучи азиатским греком, мог получить сведения о нем от некоего финикийского торговца, посетившего внутренние районы Британии в поисках олова. Макробий упоминает храм того же рода и формы на горе Зилмиссус во Фракии, посвященный солнцу, под именем Бахус Сабазиус (Вакх Сабазий). Большие каменные обелиски, которые находят во многих местах севера, к примеру в Рудстоне и близ Боробриджа в Йоркшире, принадлежат к сооружению аналогичного культа; обелиски, как отмечает Плиний, посвящены солнцу, чьи лучи они представляют как своей формой, так и названиями. Древняя медаль Аполлонии из Иллирии, принадлежащая музею покойного доктора Хантера, имеет на одной стороне изображение головы Аполлона, увенчанной лавром, а другой же изображен обелиск, завершающийся крестом; последний явно служит символом мужских порождающих органов (см. илл. X, рис. 1).

В точности так же выглядели те кресты, что были воздвигнуты на церковных погостах и перекрестках дорог для поклонения верующих, в те времена, когда набожность была более распространена, нежели в настоящем времени. Многие из них, без сомнения, были воздвигнуты до установления христианства, а затем обращены, как и их приверженцы, в истинную веру. В древности они символизировали порождающую силу света, сущности Бога; ибо *«Господь есть свет, от века сущий в не-*

¹ См. илл. XV, рис. 2 и 3. Я предпочел план Стонхенджа, выполненный Веббом, тому, что сделали Стакли и Смит, после того как сравнил каждый из них с сохранившимися ныне руинами. Принципиально они различаются лишь касательно внутренней части постройки, которая, по предположению Вебба, должна была иметь форму шестиугольника, а согласно Стакли — части эллипса. Расположение алтаря указано лишь предположительно, почему я и изъясил его; при этом я сомневаюсь, что их планы внутренней части постройки совпадают с подлинным пространством, которое, как и в других друидических храмах, возможно, задумывалось по образу круга, но было несовершенно исполнено.

подступном свете», — говорит Мильтон, который здесь, так же как и во многих других моментах, следует за платониками школы Аммония, являвшимися как восставителями, так и искажителями древней теологии. Они извлекли ее из хаоса поэтической мифологии, под которой она была погребена, но при этом подвергли очистке и возгонке при помощи абстрактной метафизики, что воспаряет столь высоко над человеческим разумом, сколь поэтическая мифология погружается ниже его. От древних солярных обелисков ведут происхождение шпили и остроконечные башенки, которыми украшают наши церкви по сей день, по прошествии стольких веков после того, как их мистическое значение было забыто. К счастью для красоты этих сооружений, оно было и вправду забыто; иначе реформаторы прошлого века разрушили бы их, как они поступили с крестами и образами; ведь они могли с тем же правом провозгласить их языческими и нечестивыми.

Как обелиск служил символом света, так пирамида была символом огня, что мыслилось, по существу, тем же самым. Египтяне, у которых эти фигуры встречаются наиболее часто, считали, что в мире существуют две противоположные силы, беспрестанно действующие друг против друга, — одна творящая, а другая разрушающая: первой они дали имя Озирис, а второй — Тифон. Благодаря противостоянию этих двух сил и создается, как предполагалось, то смешение добра и зла, которое, согласно некоторым строкам Еврипида, цитированным Плутархом, и составляет мировую гармонию. Эта идея о необходимом смешении добра и зла бытовала, согласно Плутарху, с незапамятной древности; являясь результатом измышлений древнейших теологов и законодателей, она отражалась не только в традициях и преданиях, но также в мистериях и жертвенных обрядах, как у греков, так и у варваров.

Огонь был действенным источником обеих этих сил, и, согласно некоторым египетским воззрениям, именно эфирный огонь был сосредоточен в солнце. Это мнение

Плутарх оспаривает, говоря, что Тифон, злая или разрушающая сила, был земным или материальным огнем, в самом существе своем отличным от эфирного, то есть небесного. Но Плутарх здесь опирается скорее на собственные предубеждения, чем на существующие доказательства; ведь он верил в первичное злое начало, совечное с добрым и противостоящее ему в жизни; заблуждение, в которое люди впадают, развивая ложные представления о добре и зле и рассматривая их как самостоятельно существующие неотъемлемые свойства, а не как случайные, различные в различных обстоятельствах. Эта ошибка, хотя и принимаемая отдельными авторами за истину, никогда не являлась частью ни теологии, ни мифологии Греции. Гомер, в прекрасной аллегории двух бочек, заставляет Юпитера, верховного бога, распределять как добро, так и зло. Имя Юпитера, *Zeus*, было первоначально одним из титулов или эпитетов, относящимся к солнцу, и означало, согласно его этимологии, *внушающий страх* или *ужасный*, в каковом смысле оно употребляется в орфических литаниях. Пана, универсальную субстанцию, называли рогатым Юпитером; и в орфическом отрывке, сохраненном Макробием, имена Юпитера и Бахуса оказываются только титулами всетворящей силы солнца.

В другом фрагменте у того же автора имя Плутона, *Aιδης*, употребляется в качестве титула того же божества, которое, следовательно, повелевает как над живыми, так и над мертвыми и является в равной степени владыкой как творчества и хранения, так и разрушения. Так, в одной из орфических литаний, сохранившихся до сегодняшнего времени, он вполне определенно именуется дарителем и губителем жизни.

Египтяне изображали Тифона, разрушающую силу, в облике гиппопотама, или речной лошади, самого свирепого и опасного животного, которое им было известно; а хор в «Вакханках» Еврипида взывает к своему вдохновителю Бахусу, прося его явиться в облике быка, многоголовой змеи или пылающего льва; что указыва-

ет на то, что самые кровожадные и смертоносные, равно как и самые полезные, из животных использовались греками для представления некоего персонифицированного божественного атрибута.

М. д'Анкарвилль отметил также, что лев часто изображался древними художниками в качестве символа солнца; и я склонен полагать, что он служил символом этой разрушающей мощи, не менее необходимой для сохранения гармонии во Вселенной, чем творящая. На большинстве памятников древнего искусства, где представлен лев, ему присущи ярость и жестокость, и часто его изображали в процессе убийства и пожирания какого-либо другого животного. На древних саркофагах, найденных в Сицилии, он представлен пожирающим лошадь, а на медалях из Веллии, что в Италии, он пожирает оленя (см. илл. IX, рис. 5); первая, посвященная Нептуну, символизирует море; последний, посвященный Диане, является порождением земли; ибо Диана была олицетворением земного плодородия, почему и получила своих нимф, или прислужниц, благопричтствующих плодovitости, от океана, источника изобилия. Следовательно, в первом случае лев является символом солнца, испаряющего воды; а в последнем — солнца, иссушающего и разлагающего плоды земли. На фризе в храме Аполлона Дидимейского близ Милета изображены чудовища, составленные из частей козла и льва, опирающиеся передними ногами на лиру бога, что стоит между ними.

Козел, как я уже показывал, представляет собой творящий атрибут, а лира — гармонию и порядок; следовательно, если мы примем то, что лев представляет разрушающий атрибут, эта композиция на символическом языке скульптуры будет означать гармонию и порядок Вселенной, поддерживаемые систематической и периодической активностью творящей и разрушающей сил. К этой идее люди должны были прийти естественным путем, наблюдая общий порядок и ход вещей. Тот же солнечный жар, что летом иссушает и выжигает тра-

Илл. XVII. Орнамент храма в Пуццуоли

ву, осенью наливает зрелостью плоды, а весной укрывает землю свежей зеленью. В один сезон он испаряет воды с земли, а в другой возвращает их дождем. Он вызывает брожение и разложение, что уничтожает одно поколение растений и животных и неизменно и регулярно производит следующее. Это состязание между силами творения и разрушения представлено на древней медали Аканта, хранящейся в коллекции покойного докторра Хантера, в виде битвы быка со львом (см. илл. IX, рис. 4). На других медалях изображен бык отдельно, в точности в том же положении, как если бы он сражался со львом; из чего я заключаю, что лев здесь подразумевается. На медали Келендериса вместо быка в точности той же позиции борьбы и противостояния изображен козел, но без льва; и на одной любопытной, очень древней, но отличной работы медали, принадлежащей мне, над спиной козла помещен плющ Вакха, чтобы обозначить силу, которую он представляет (см. илл. IX, рис. 13).

Взаимодействие, которое явилось результатом этого противостояния, в мифологических сказаниях поэтов символизировано любовью Марса и Венеры, где

первый — активная сила разрушения, а вторая — пассивная сила порождения. Из их союза, как утверждают, возникла богиня *Гармония*, олицетворяющая физический порядок персонифицированной Вселенной. Легенда о Церере и Прозерпине — все та же аллегория, вывернутая наизнанку; Церера была воплощенной плодородной силой земли и потому звалась греками *Мать Земля*. Латинское имя Цереры также означает *Земля*, римское С первоначально было тем же самым по рисунку и значению, что и греческое Γ, которое Гомер часто использует как просто горловой придыхательный согласный звук и произвольно вводит его в слова, чтобы сделать их торжественнее и полновочуднее.

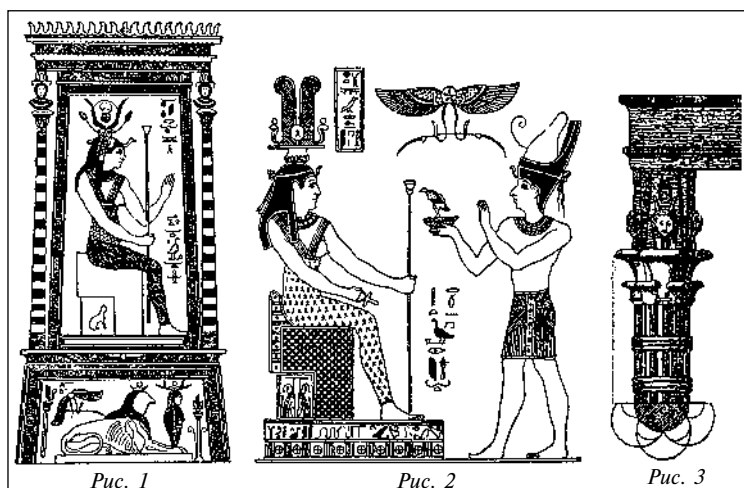
Горловые придыхательные и шипящие окончания были особенностью эолийского диалекта, из которого произошла латынь; почему нам нет нужды удивляться, что то же самое слово, которое на дорийском и ионийском диалектах писалось Ερᾱ и Ερῆ, на эолийском должно писаться Γερῆς, или Церера; греки всегда приспособливают свою орфографию к своему произношению. Древняя бронзовая статуэтка из Строберри-Хилл изображает эту богиню сидящей с кубком в одной руке и множеством фруктов в другой; а бык, символ власти Творца, возлежит на ее колене (см. илл. VIII). Эта композиция демонстрирует оплодотворение земли через сошествие творящего духа, подобным же образом об этом пишет Вергилий.

Эфир и вода представлены поэтом как два плодородных элемента, которые оплодотворяют землю, и все это согласно древней системе орфической философии, на которой была основана мистическая теология. Прозерпина, или Περσιφονεία, дочь Цереры, была, как показывает ее греческое имя, богиней разрушения; именно к этой ее ипостаси взывает Алтея в девятой главе Илиады; тем не менее мы нередко обнаруживаем ее на греческих медалях увенчанной колосьями злаков, будто бы она является богиней пло-

дородия в той же мере, как и разрушения¹. В действительности она является персонификацией жара или огня, что пронизывает землю, одновременно являясь как причиной, так и результатом плодородия и разрушения, поскольку он одновременно и причина, и результат брожения, от которого происходят оба следствия. Либитина, или богиня смерти римлян, была той же самой сущностью, что и Персефона греков; и тем не менее, как замечает Плутарх, самые сведущие из данного народа признавали ее той же самой богиней, что и Венера, богиня порождения.

В Галерее Флоренции находится колоссальное изображение производительного органа, соединенного с задней частью льва и увешанного различными животными. Таким образом представлено совместное действие творящей и разрушающей сил, соединенные в одной фигуре, поскольку обе имеют одно основание. Животные, подвешенные на нем, также демонстрируют, что обе силы направлены к одной и той же цели, а именно — пополнить землю, заселить ее множасьими поколениями живых существ. Гомеровская Химера, которой комментаторы дали так много прихотливых интерпретаций, была символом того же рода; вероятно, поэт увидел его в Азии и, не зная его значения (открывавшегося лишь избранным), предположил, что это чудовище из числа тех, что некогда населяли страну. Он описал его как нечто, составленное из тел *козла, льва и змеи* и выдыхающее *огонь* изо рта. Все это — символы *творца, разрушителя и хранителя*, объединенные и одушевленные *огнем*, божественной сущностью всех *троих*. На гемме, опубликованной в Мемуарах Академии Кортонь (см. илл. V, рис. 4), этот союз разрушающих и сохраняющих атрибутов представлен соединенными между собой формами льва и

¹ См. илл. IV, рис. 5, с принадлежащей мне медали Агафокла. Эта же голова изображена на многих других медалях из Сиракуз, Метапонтума и т. д.

Илл. XVIII. Египетские фигуры и орнаменты

змеи, увенчанными лучами, символами причины, от которой они оба произошли. Эта композиция образовала Хнубиса египтян.

Древние художники часто изображали Бахуса в сопровождении тигров, которые в одних случаях поглощали виноградные гроздья — плоды, непосредственно посвященные этому божеству, а в других — пили сок, выжатый из них. Автор *Recherches sur les Arts* в данном случае следует распространенному мнению создателей мифологии и утверждает, что тигры в действительности обожают виноград; что слишком далеко от истины, поскольку они не способны питаться им, равно как и вообще какими-либо фруктами, будучи и внешне, и внутренне приспособлены насыщаться одним мясом и добывать свою пищу, раздирая других животных.

Отсюда я сделал вывод, что в этих древних символах, как львах, так и тиграх, была воплощена разрушающая сила бога. Иногда на изображениях появляется его колесница, влекомая ими; и тогда они представляют силы разрушения, предвещающие силы созидания и расширяющие возможности действия вторых, как разложение

предваряет и усиливает произрастание. На медали из Маронеи, опубликованной Геснером, козел в паре с тигром влечет колесницу; этой композицией художник показал *основную активную* силу божества, ведомую двумя его великими атрибутами творения и разрушения. На хорегическом памятнике Лисикрата в Афинах Бахус изображен кормящим тигра, который представляет активную силу разрушения. На прекрасной камее из коллекции герцога Мальборо тигр сосет грудь нимфы, что представляет ту же силу разрушения, питаемую пассивной силой порождения¹. В коллекции Чарльза Таунли есть группа из трех фигур, выполненная в мраморе (см. илл. XXI, рис. 7); средняя из них — вырастающий из виноградной лозы человеческий облик, с листьями и гроздьями ягод, растущих из его тела. С одной стороны — Бахус διφυής, или творец обоих полов, известный женоподобностью своих членов и лица; а с другой — тигр, поднявшийся на задние лапы и поглощающий гроздь, что растут из тела, воплощающего собой виноградную лозу, в руке которого еще одна виноградная гроздь, полученная от Бахуса. Эта композиция представляет лозу между творящим и разрушающим атрибутами бога; один дарует ей плоды, а другой поглощает их. Вокруг шеи тигра обвита гирлянда из плюща, указующая на то, что разрушитель сосущестен творцу: так как плющ, так же как все другие вечнозеленые растения, является эмблемой, являющей его вечную молодость и свежесть.

Взаимное и поочередное действие двух великих атрибутов творения и разрушения, по мысли древних, не ограничивалось растениями, животными и прочими преходящими вещами, но распространялось на саму Вселенную. Огонь является сущностной причиной обоих, и древние верили, что уничтожение и обновление мира были периодическими и регулярными и были свя-

¹ См. илл. XXIII, которая дает представление об этой композиции, поскольку нет возможности дать точную копию с нее.

заны, следуя его законам, вложенным в него Творцом, который в равной мере был и разрушителем, и обновителем, ведь, как говорит Платон, все сущее произошло из одного и в одно все сущее возвращается. Необходимо отметить, что, когда древние говорят о творении и разрушении, они имеют в виду лишь образование и распад; повсеместно было признано, и это подтверждали как религиозные системы, так и школы философии, что *ничто не возникает из ничего и нет силы, способной уничтожить то, что в действительности существует*. Смелая и величественная идея о сотворении из ничего предназначалась для более сильной веры и более просвещенных умов нашего времени, которым не надо искать авторитетов для подтверждения своих убеждений; ибо как то, что очевидно, принимается без доказательств, так и само в себе невозможное принимается без опровержений.

Легенда о Пифоне, убитом Апполоном, вероятно, возникла из символической композиции, на которой этот бог представлен как истребитель жизни, коей змея является символом. Плиний упоминает изображающую его статую, изваянную Праксителем, широко известную в его время под именем Σαυροκτων (*Ящериубийца*). Ящерица, будучи существом, вызываемым к жизни из росы и влаги земной, является символом влажности вообще, так что бог, истребляющий ее, означает то же самое, что и лев, пожирающий лошадь. Исконное значение слова «Аполлон», как я считаю, первоначально употреблялось в значении Разрушитель, а равно Освободитель; а поскольку древние рассматривали разрушение как простой распад, то сила, которая освобождает частички материи от уз притяжения друг к другу, являлась по сути разрушительной.

Вероятно, как раз по этой причине поэты утверждали, что внезапную смерть, мор и эпидемические заболевания насылает именно этот бог, которого в то же самое время изображали как создателя медицины и всех наук, применяемых для сохранения жизни. Эти

свойства соединены вместе не потому лишь, что разрушитель и хранитель есть по сути одно, но потому, что болезнь по необходимости предшествует лечению и является причиной, по которой возникло первое. Бога здоровья называют его сыном, потому что здоровье и жизненная энергия одного создания поддерживается распадом и разложением других, предназначенных служить его питанию. Лук и стрелы дарованы ему как символы его отличительных свойств, так же как они были даны Диане, которая была женским воплощением разрушительной, производительной и сохраняющей сил. Поэтому Диана зовется тройственной Гекатой и представлена тремя женскими телами, соединенными вместе. Ее атрибутам, однако, поклонялись по отдельности, а различные народы почитали ее в различных образах. Диана Эфесская была производительной и питающей силой, о чем свидетельствуют множество груди и другие символы на ее изваянии; тогда как Таврическая или Скифская Диана выступает в качестве разрушительной и, следовательно, умиротворяется человеческими жертвами и другими кровавыми ритуалами. Ее изображают иногда стоящей на спине быка, а иногда в колеснице, влекомой быками. Обе композиции демонстрируют пассивную силу природы, либо творящую, либо разрушающую, поддерживаемую и ведомую главной активной силой творца, коего солнце служило средоточием, а бык — символом.

Древние заметили, что разрушительная сила солнца действовала мощнее всего днем, а творящая — ночью: ведь именно в первый период оно испаряло воды, лишало соков растения и вызывало болезни и разложение; а во второй — возвращало испарения в виде росы, умягченной благоприятным теплом, которое с его помощью впитало в атмосфере, отдавая и вновь наполняя растраченное за день. Поэтому, когда древние персонафицировали атрибуты, они почитали одно солнце как дневное, а второе — как ночное, и в их мистических культах, как говорит Макробий, первое солнце олице-

Рис. 1

Рис. 4

Рис. 5

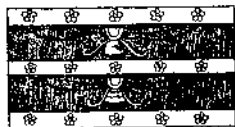

Рис. 2

Рис. 3

Рис. 6

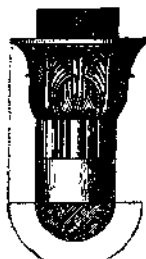

Рис. 7

Илл. XIX. Египетские фигуры и орнаменты

творял Аполлон, а второе — Дионис или Бахус. Мифологические персонажи Кастор и Поллукс, которые жили и умирали попеременно, были аллегориями той же доктрины; отсюда два астериска, которыми они отмечены на медалях Локри, Аргоса и других городов.

Пеаны, или гимны в честь богов, которые греки распевали перед началом своих битв, первоначально посвящались Аполлону, который именовался Пеоном; и Макробий утверждает, что в Испании солнцу поклонялись как Марсу, богу войны и разрушения, чьи статуи там украшали лучами, как греки украшали ими изваяния Аполлона. На кельтиберийской, или рунической, медали варварской работы, найденной в Испании, голова, которая, по моему мнению, принадлежит этому божеству, окружена обелисками или лучами¹. Волосы

¹ Илл. X, рис. 2, с принадлежащего мне образца. Впоследствии я утвердился в этом предположении, наблюдая черты Марса и Аполлона, соединенные на греческих монетах. На принадлежащей мне монете из Мамертина изображена голова с юношескими чертами и лавровым венком Аполлона; однако волосы на ней коротко острижены, а надпись свидетельствует, что это Марс. См. илл. XVI, рис. 2.

подняты дыбом, имитируя пламя, как делалось на множестве греческих медалей; а на оборотной стороне бородатая голова в чем-то вроде шапки пирамидальной формы, в точности напоминающая ту, которая в Риме символизировала свободу, дарованную рабам, почему и именуемая колпаком свободы. На другой кельтиберийской медали фигура верхом на коне держит в руке копье и имеет на голове того же рода головной убор; под ней подписано слово *Helman*¹, и знаки в этой надписи представляют собой нечто среднее между староруническими и пеласгийскими; но так близки к последним, что их легко разобрать². Эта фигура, похоже, изображает тот же персонаж, который представлен с колпаком на голове на предыдущей медали, а он не может являться никем иным, как только вестником или служителем бога смерти, о чем свидетельствует его имя; ведь Хела, или Хель, была богиней смерти северных народов, подобно тому как Персефона или Бримо, у греков. То же изображение можно найти на множестве древних британских медалей, а также на медалях нескольких греческих городов, особенно Гелы, где на оборотной стороне изображен Тавробахус, или Творец (см. илл. IX, рис. 11). Голова, которая, как я предположил, изображает кельто-иберийского Марса, или разрушительную силу дневного солнца, лишена бороды, как Аполлон у греков, и, насколько это можно разглядеть на изображении столь варварском, имеет те же самые андрогинные черты (см. илл. X, рис. 2). Разумно, следовательно, предположить, что кельтиберийцы, подобно грекам, персонифицировали разрушительный атрибут, относя его к разным полам, точно так же, как они обходились с солнцем или с второстепенными элементами; а затем объединяли их, чтобы утвердить тем

¹ См. илл. IX, рис. 9, с принадлежащего мне образца.

² Первая буква — помесь рунической *Hagle* и греческой *H*. Вторая — руническая *Laugur*, которая также является древнегреческой *A*, как видно на вазе с Калидонским ведром, хранящейся в Британском музее. Следующие три мало отличаются от обычных греческих букв.

самым, что оба в существе своем являлись одним и тем же. Следовательно, Хелман, который был тем же, что и Μοιραγήτης или Διακτωζ у греков, мог с равным правом называться служителем *обоих* или *любого* из них. Копье в его руке нельзя рассматривать просто как оружие истребления, но как символ власти и управления, как это бытовало в Греции и Италии, так же как и по всему северу. Отсюда ευθύνειν *дорі* означало «править», а venire sub hastâ — «рабская преданность». Древние кельты и скифы оказывали божественные почести мечу, боевому топору и копью, первый из которых был символом верховного божества: поэтому клятва на лезвии меча была священным и нерушимейшим из обетов.

Еврипид намекает на эту древнюю религию, когда называет меч ορκιον ξιφος, а Эсхил вполне определенно указывает на то, что она некогда господствовала в Греции, когда заставляет героев Фиваид клясться острием копья. Слово αρης у Гомера обозначает как бога войны, так и оружие; кроме того, это слово, возможно, имеет кельтское происхождение, поскольку сходно с нашим северным словом, обозначающим войну; ведь, написав его с пеласгийской *Vau* или эолийской *Digamta*, ζαρης (Wares), мы едва ли вообще увидим различие.

Позади головы на упомянутой первой кельтиберийской медали находится инструмент, похожий на каминные или кузнечные щипцы (см. илл. X, рис. 2); из чего следует, что представленный здесь персонаж — 'Ηφαιστος, или Вулкан греческой и римской мифологии. Те же атрибуты более определены на медалях из Эзернии, в Италии, выполненных со всей утонченностью и изяществом греческого искусства (см. илл. X, рис. 6). На одной стороне — Аполлон, дневное солнце, возвышается на своей колеснице; а на другой — безбородая голова в том же головном уборе и с тем же инструментом позади, но с юношескими чертами и лукавым выражением лица, обыкновенно свойственным Меркурию, как и Вулкан, являющемуся богом искус-

ства и механики; чьей особенной обязанностью было также провожать души умерших к их вечному обиталищу, откуда и появился используемый Гомером эпитет Διάκτωζ. В этом отношении он являлся тем же, что и Хелман кельтов и скифов, который, как предполагалось, провожал души всех умерших насильственной смертью (которая одна считалась поистине счастливой) во дворец Валгаллы.

Видимо, божественные качества, которые греки воплощали в такие мифологические персонажи, как Вулкан и Меркурий, в кельтской мифологии были объединены. Цезарь утверждает, что германцы поклонялись Вулкану, или огню, вместе с солнцем и луной; а я вскоре буду иметь случай показать, что греки считали огонь истинным провожатым мертвых и освободителем души. Естественно предположить, что эзернийцы, граничившие с кельтским народом самнитов, переняли представления своих соседей или, что более вероятно, сохранили религию своих предков более чистой, нежели греки Эллады. Поэтому они изображали Вулкана, который, судя по надписям на обороте их монет, являлся их охраняющим божеством, с характерными чертами Меркурия, который был всего лишь иным воплощением того же самого божества.

В египетском Ликополе разрушительная сила солнца изображалась в образе волка, которого, по утверждению Макробия, почитали здесь как Аполлона. На орнаментах храма Бахуса *περίκλειος* в Пуццуоли (см. илл. XVI, рис. 1) волк предстает пожирающим виноград; а на медалях из Карты он окружен лучами, неопровержимо свидетельствующими, что здесь он является символом солнца (см. илл. X, рис. 8). Он также изображен на большинстве монет из Аргоса (см. илл. IX, рис. 7), где дневное солнце Аполлон, бог, распространяющий свет, как я уже говорил, был особенно почитаем. Следовательно, мы можем заключить, что это животное должно служить одним из мистических символов первобытного культа и не является, как предпо-

Рис. 2

Рис. 1

Рис. 3

Илл. XX. Лотос и медали из Мелиты

лагали некоторые исследователи древности, напоминанием о мифологических историях Даная или Ликаона, которые были, возможно, придуманы, как многие другие легенды того же рода, чтобы удовлетворить пытливое невежество простонародья, от которого значение мистических символов, обычных для рисунков на медалях, скрывалось в строжайшей тайне. В кельтской мифологии этот символ употреблялся, очевидно, в том

же смысле, Лок, великая разрушающая сила Вселенной, представлялась в облике волка.

Аполлон Дидимейский, или *двойной Аполлон*, имел, вероятно, два воплощения, как разрушающей и творящей силы, позднее объединенные; отсюда должно быть понятно происхождение описанных выше орнаментов храма Бахуса.

На медалях Антигона, царя Азии, изображена фигура с вьющимися, спадающими на плечи волосами, сложение и поза которой отличаются исключительной утонченностью и женственным изяществом¹. Персонаж сидит на носу судна, подобно морскому божееству; и мы без колебаний признали бы в нем Бахуса *διφυής*, если бы не лук, который он держит в руке и который неопровержимо свидетельствует, что он является Аполлоном. По моему мнению, в этой фигуре изощренное искусство (нигде более не находимое, как только на этой медали) представило Аполлона Дидимейского, или союз творящей и разрушающей сил обоих полов в одном теле.

Так же, как огонь был основополагающей сущностью активных или мужских сил творения и порождения, так вода была сущностью пассивной или женской. Аппиан утверждает, что богиню, которой поклонялись в сирийском Иераполе, одни называли Венерой, другие — Юноной, а третьи полагали ее причиной, которая произвела начало и семя вещей из влаги. Плутарх описывает ее приблизительно такими же словами; а автор трактата, приписываемого Лукиану, говорит, что она была Природой, прародительницей или сотворительницей всего существа. Она, следовательно, являлась тем же, что и Изида, которая была плодоносной материей, на которую действовали как творящие, так и разрушающие причины. Как вода была ее земной сущностью, так луна — небесным образом, чья притяга-

¹ См. илл. X, рис. 7, с принадлежащего мне образца. Изображения подобных фигур имеются на большинстве монет Селевкидов.

тельная сила, поднимающая воду океана, естественным образом влияла на людей, соединяя их. Также предполагалось, что луна возвращает росу, которую солнце испарило с земли; и потому ее тепло считалось увлажняющим в той же степени, как тепло солнца — иссушающим. Египтяне называли ее Матерью Мира, потому что она рассеивала и распространяла в воздухе плодородные начала, которыми оплодотворило ее солнце.

Эти начала, так же как и свет, которым она была освещена, предположительно «вытекли» из великого источника всей жизни и движения, разделяя природу сущности, от которой они произошли. Поэтому египтяне приписывали луне, как и солнцу, активные и пассивные производительные силы, которые были, пользуясь языком схоластов, *по своей сути* одним и тем же, хотя *формально* различались. Это единство представлено на медали Деметрия II, царя Сирии (см. илл. X, рис. 5), где богиня Иераполя изображена с мужскими производительными органами, торчащими из-под платья, держащей в одной руке тирс Бахуса, символ огня, а в другой — земной шар, представляющий подчиненные стихии. Ее голова увенчана разнообразными растениями, и с обеих ее сторон располагаются астериски, представляющие, вероятно, дневное и ночное солнце, точно так же, как, будучи размещенными над головными уборами Кастора и Поллукса. Это не тот облик, в котором она была представлена в храме Иераполя, когда его посетил автор свидетельства, приписываемого Лукиану, что не должно удивлять, ибо изображения этой всеобщей богини, будучи символическими, составлялись в соответствии со свойствами, которые художники намеревались особенно подчеркнуть. Она, вероятнее всего, представлена здесь в том виде, в котором ей поклонялись в окрестностях Кизика, где она звалась *Приапическая Диана*. В храме Иераполя активные силы, которыми наделил ее Творец, были представлены огромными изображениями мужских производительных органов, помещенными с обеих сторон от

входа. Размеры их в имеющемся тексте Лукиана наверняка были искажены; но что они были чрезвычайной величины, мы можем заключить из рассказа о том, что каждый год кто-нибудь поднимался на вершину одного из них и оставался там три дня, дабы приблизиться к божеству, молясь при этом за процветание Сирии. Афиной упоминает, что в эпоху Птолемея Филадельфа половой орган 120 локтей длиной носили в праздничной процессии по Александрии.

Таков был истинный смысл гигантских фигур Иераполя — они были производительными органами воплощенного творца, которыми он, как предполагалось, оплодотворил небеса, землю и воды. Внутри храма было множество маленьких изваяний мужчин с такими же непропорционально большими органами. Это были ангелы или служители богини, которые действовали как ее помощники, когда надо было заселить землю растениями и животными. Изваяние самой этой богини стояло в святилище храма; и рядом с ним находилась статуя творца, которого автор называет Юпитером, так же как называет он богиню Юноной; что указывает лишь на то, что они были высшими божествами страны. Ее перевозили львы, а его — быки, дабы подчеркнуть, что природа, пассивная производительная сила вещества, поддерживалась только его силой, символами которой были быки. Между ними стояла третья фигура, с голубем на голове, которую считали Бахусом. Это был Святой Дух, первородная любовь, или создающая природа (олицетворением которой был голубь, спустившийся на человека¹), исходящий от *обоих* и со-вещественный им; поскольку все *трое* были единственно персонификациями *одного*. Голубь, или же некая подобная ему птица, появляется на медалях критской Гортины, где играет ту же роль, но уже с Диктинной, критской Дианой, эту же роль обыкновенно играет лебедь в паре с Ледой (см. илл. III, рис. 5).

¹ Мф., 3: 17.

Эта композиция имеет примерно тот же смысл, что и вышеописанная, где бык возлежит на коленях Цереры. Диана также является персонификацией производительной мощи земли. Может показаться странным, что после подобного общения с голубем она еще оставалась девственницей; но тайны подобного рода обнаруживаются во всех религиях. Юнона, как утверждают, восстанавливала свою девственность каждый год, купаясь в некоем источнике, — чудо, которому, по моему убеждению, нет соответствия ни в одной современной легенде.

В видении Иезекииля описано нисхождение Господа совместно с образами орла, быка и льва¹, символов эфирного духа, творящей и разрушающей сил, которые были объединены в истинном Боге, хотя разделены на ипостаси в сирийской троице. С ними же сочетался человек, представляющий собой истинный образ Божий, согласно еврейской теологии. Херувимы на ковчеге Завета, меж которыми пребывает Бог², также были составлены из тех же обликов, так что идея их должна была предстать мысли пророка раньше видения, из которого возникло это описание. И даже эти фигуры на ковчеге Завета, хотя и сделанные по недвусмысленному повелению Бога, не являлись оригинальными; ведь фигура, в точности отвечающая их описанию, обнаружилась среди интересных руин персидского Чильминара, в которых предполагают руины дворца Персеполиса, по непонятной причине сожженного Александром. Они, безусловно, не соответствуют никаким дошедшим до нас древним описаниям этого прославленного дворца, но, насколько мы можем судить о них по их настоящему состоянию, на этом месте, очевидно, был храм.

Но персы, как было уже замечено, не возводили огожденных храмов или изваяний, к которым питали такое отвращение, что старались всем возможными спосо-

¹ Иез., 1: 10, с комментариями Лоута.

² Исх., 25: 22.

Рис. 1

Рис. 4

Рис. 2

Рис. 5

Рис. 3

Рис. 6

Рис. 7

Илл. XXI. Вакх и медали из Камарины и Сиракуз

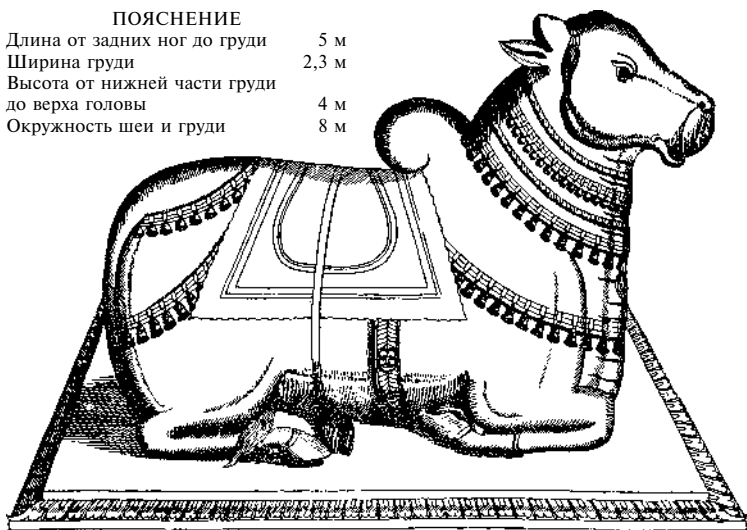
бами разрушить таковые у египтян, полагая недостойным божества ограничивать свое всепроникающее присутствие пределами строения или уподобляться изображению из камня или металла. И все же среди руин Чильминара мы обнаружили не только множество изваянных фигур явно вымышленных созданий, но также и тот

прославленный символ божества, которым отмечены почти все сохранившиеся до наших дней египетские храмы (см. илл. XVIII, рис. 1, 2; илл. XIX, рис. 1, 5).

Храмовые ворота, таким образом, той же формы, что в Фивах и Филе; и за исключением иероглифов, которыми отличаются последние, выполнены и украшены в весьма схожей манере. Следовательно, не представляя персов столь непоследовательными, чтобы возводить храмы в прямом противоречии с главными принципами их же собственной религии и украшать их символами и изображениями, неколебимо считавшимися ими нечестивыми и гнусными, мы не можем и приписывать им авторство этих сооружений. Не можем мы также и подозревать в этом строительстве парфян или поздних персов, поскольку и стиль искусства в фигурах, и формы букв в надписях свидетельствуют о значительно большей древности, как будет ясно с очевидностью любому, кто возьмет на себя труд сравнить рисунки, опубликованные Ле Брюном и Нибуrom, с монетами Аршакидов и Сасанидов. Почти все символические фигуры повторяются на различных финикийских монетах; но буквы финикийцев, которые, как утверждают, пришли к ним от ассирийцев, много проще и явно принадлежат алфавиту гораздо более совершенному. Некоторые из фигур также встречаются на греческих монетах, в частности дерущиеся бык и лев, а также таинственный цветок, который является постоянным символом родосцев. Манера исполнения в точности такая же, как на очень древних греческих монетах Аканта, Келендариса и Лесбоса; линии очень отчетливо прорезаны, а волосы отображены круглыми выпуклостями. Крылья фигуры, которая напоминает еврейских херувимов, такие же, как на нескольких греческих скульптурах, сохранившихся до наших дней, а также на небольших изображениях Приапа, прикрепленных к древним браслетам, и составных фигурах, представляющих собой одновременно козла и льва на фризе храма Аполлона Дидимейского, и т. д. Подобным же образом они со-

ПОЯСНЕНИЕ

Длина от задних ног до груди	5 м
Ширина груди	2,3 м
Высота от нижней части груди до верха головы	4 м
Окружность шеи и груди	8 м

Илл. XXII. Статуя быка из пагоды в Танжере

единены с человеческой фигурой на медалях Мелиты и Камарины¹, так же как на многих древних скульптурах рельефа, найденного в Персии. Перья на этих крыльях вздыблены вверх, как перья страуса², с которыми, однако, они не имеют сходства по форме, но скорее кажутся перьями птицы, высиживающей птенцов, хотя они в большей степени искривлены. Было ли вызвано это искажение намерением выразить вожеление или собственно инкубацию, я не могу определить; но композиции, в состав которых входят упомянутые крылья, почти несомненно означали либо первое, либо второе. На мой взгляд, это последнее, поскольку мы находим на медалях Мелиты фигуру с четырьмя такими крыльями, которая, судя по ее позе, что-то высиживает (см. илл. XX, рис. 2). На голове изображенного мужчины — колпак свободы, тогда как в правой руке он держит крюк, или то, чем можно притянуть, а в левой — цеп,

¹ См. илл. XX, рис. 2, с образца из Мелиты, принадлежащего мне.

² Как на фигурах, описанных Иезекиилем (см.: Иез., 1: 11).

или то, чем можно разделить; отсюда следует сделать вывод, что перед нами изображение Эроса, или генеративного духа, распростертого над материей и дающего свободу ее производительным силам при помощи приведения в действие собственных атрибутов, притяжения и разделения. На очень древней финикийской медали, которую привез из Азии мистер Пуллингер и которую весьма неточно изобразил господин Суинтон в «Философских трудах» 1760 года, изображен диск или кольцо, окруженный крыльями различной формы, некоторые перья на которых изогнуты, что схоже с упомянутыми выше изображениями. Подобный диск, окруженный схожими крыльями, заключает в себе астериск солнца над быком Аписом, или Мневисом, на Таблице Изида (см. илл. XIX, рис. 1), где рядом с ним изображены другие египетские символы, особенно над головами Изида и Озириса (см. илл. XVIII, рис. 2). Диски также помещали над входами в большинство египетских храмов, описанных Пококом и Норденом, и они подобны тому, который представлен на Таблице Изида (см. илл. XVIII, рис. 1), хотя здесь и есть некоторые изменения, а также отсутствует астериск.

Его же, опять-таки без астериска, но с небольшими вариациями или вовсе без них, мы находим на развалинах Чильминара и других предполагаемых древнеперсидских памятниках по соседству с ним; но на некоторых греческих медалях один астериск помещен над быком с человеческим лицом¹, который таким образом отождествляется с Аписом или Мневисом египтян; то есть образом порождающей силы солнца, который обозначался астериском на греческих медалях, и кнефом, или крылатым диском, на восточных памятниках. Однако греки иногда использовали последний символ, правда, в измененном виде, дабы он соответствовал их обычному стилю, соединяя его с челове-

¹ См. илл. IV, рис. 2, и илл. XIX, рис. 4, с медали из Кале, принадлежащей мне.

ской фигурой, как можно видеть на медали из Камарины, опубликованной князем Торреммуцци (см. илл. XXI, рис. 2). На других медалях этого города та же идея выражена с помощью крылатой фигуры, без диска или астериска, парящей над лебедем, символом вод, что указывает на то, что порождающая сила солнца оплодотворяет этот элемент или добавляет *активную* силу к *пассивной* производительной силе (см. илл. XXI, рис. 3). На медалях из Неаполя крылатая фигура такого рода представлена коронующей Тавробахуса лавровым венком. Коллекционеры именуют этот сюжет «Победа, коронующая Минотавра»; но мифическое чудовище, именуемое Минотавром, никогда не называли победителем даже поэты, которые его придумали; и всякий раз, изображая его, скульпторы и художники присовокупляли голову быка к человеческому телу, что можно видеть как на прославленном изображении Тезея, представленном публике среди прочих древностей Геркуланума, так и на медалях из Афин, отчеканенных приблизительно во времена севера, когда стиль искусства совершенно изменился и мистическая теология вышла из употребления. Крылатая фигура, которую называют Победой, правит колесницей солнца на медалях царицы Филистис (см. илл. XXI, рис. 4), а на некоторых медалях из Сиракуз летит перед ней на том месте, где на других медалях того же города помещен астериск (см. илл. XXI, рис. 5, 6). Поэтому я убежден, что все они являются лишь различными способами представления одной идеи и что крылатая фигура, помещенная над Тавробахусом греков, означает то же, что и крылатый диск над Аписом или Мневисом египтян. Эгида, или нагрудник со змееобразным изображением, и голова Медузы также являются, как справедливо замечает доктор Стакли, греческими способами представления этого крылатого диска, соединенного со змеями, что часто встречается как на египетских скульптурах, так и на изваяниях Чильминара в Персии. Выражение ярости и неистовства, которым обычно отличаются

изображения Медузы, знаменует разрушительное начало, соединенное с порождающим, поскольку оба они равно находятся под управлением Минервы, или богини мудрости. Я склонен полагать, что большие кольца, к которым прикреплены маленькие фигурки Приапа (см. илл. II, рис. 1; илл. III, рис. 2), имеют то же самое значение, что и этот диск; ведь из-за своей чрезвычайной величины они не годятся для простого развешивания.

На вышеупомянутой финикийской монете этот символ, крылатый диск, помещен над сидящей фигурой, которая держит в руках стрелу, тогда как уже натянутый лук древней скифской формы лежит рядом с ней (см. илл. IX, рис. 10, б). На голове сидящего большой свободный головной убор, который я полагаю львиной шкурой, являющийся также головным убором Геркулеса на медалях Александра; но работа столь мелкая, хотя и выполненная с чрезвычайными тонкостью и совершенством и прекрасно сохранившаяся, что трудно решить с определенностью, что именно там изображено. Лук и стрелы, как нам известно, считались в древности оружием Геркулеса; и так продолжалось до тех пор, пока греческая поэтическая мысль не посчитала нужным вручить ему дубину. Он был особенно почитаем в Тире, главном городе Финикии; и его голова появляется в обычном своем виде на многих монетах этого региона.

Отсюда мы можем заключить, что именно он и является представленным здесь персонажем, несмотря на различия в стиле и композиции фигуры, которые могут быть отнесены за счет несходства художественных традиций. Греки, вдохновленные гением своих древних поэтов и красочной мелодичностью своего языка, были великолепны и гармоничны во всех своих творениях; тогда как финикийцам, которые говорили на грубом и нестройном диалекте, была неведома утонченная поэзия, а следовательно, поэтические идеи; ибо, поскольку слова являются родом идей и знаками или

мерилами, при помощи которых люди не только общаются друг с другом, но выстраивают и упорядочивают с их помощью собственное сознание, дух языка в величайшей степени способствует формированию характера народа, который им пользуется. Скучность выражения порождает скучность осмысления; поскольку люди никогда не будут способны формировать высокие идеи, если язык, на котором они *думают* (ведь люди думают, как и говорят, на каком-либо языке), не способен их выразить. Возможно, именно по одной этой причине финикийцы никогда не соперничали с греками в совершенстве своего искусства, хотя достигли высокой степени мастерства задолго до них; ведь Гомер всякий раз, говоря о каком-либо прекрасном произведении искусства, не упускал случая уведомить, что оно было сидонской работы. Он также упоминал финикийских торговцев, привозящих безделушки и украшения для платья, чтобы продать грекам, и обыкновенно жульничавших, как то свойственно торговцам и купцам, когда они имеют дело с людьми невежественными.

Возможно, что их достижения в изящных искусствах, как и достижения фламандцев (которые являются финикийцами современной истории), никогда не выходили за пределы строгого подражания природе, которое, по сравнению с более возвышенной грацией идеальных творений воображения, подобно газетному фельетону в сравнении с какой-либо из описанных Гомером битв. Следовательно, изображение Геркулеса, исполненное финикийским художником, если сравнивать его с Фидием или Лисиппом, было бы как изображение Моисея или Давида, выполненное Тенирсом или Герардом Доу, в сравнении с ним же, написанным Рафаэлем или Аннибалом Караччи. Таково в точности различие между фигурами на рассматриваемой медали и теми, что на монетах Гелона или Александра. Среди всех персонажей античной мифологии Геркулес, возможно, самый загадочный; ведь материальная аллего-

рия и легендарная история так переплелись в сведениях, которые мы имеем о нем, что едва ли возможно их разделить. Однако, подобно всем прочим богам, первоначально он являлся персонифицированным атрибутом солнца. Одиннадцатый из орфических гимнов посвящен ему, как силе и могуществу солнца; и Макробий говорит, что его считали физической силой и мужеством богов, благодаря которым они победили титанов; и что, согласно Варрону, Марс и Геркулес римлян были одним и тем же божеством и поклонялись ему используя одни и те же ритуалы. Следовательно, по словам Варрона — возможно, самого авторитетного из авторов, на которых здесь можно ссылаться, — Геркулес олицетворял собой силы разрушения, представленные в человеческом облике, а не в облике льва, тигра или гиппопотама. Поэтому страшный его образ, созданный Гомером, всегда казался мне срисованным с некоего символического изваяния, смысла которого поэт не понимал, предполагая в нем фиванского героя, который получил божественный статус и чья легендарная история была ему хорошо знакома. Описание это, однако, в мельчайших подробностях соответствует данному аллегорическому персонажу. Его поза неизменно схвачена в момент, когда он выпускает стрелу, и все это в сочетании с фигурами львов и медведей, изображением битв и убийств, украшающими его пояс, является воплощением разрушающего атрибута.

Но как тогда получилось, что его так часто изображают убивающим льва, который является естественным символом этой же силы? Является ли это исторической легендой, связанной с фиванским героем, или физической аллегорией этой разрушительной силы, разрушающей свое же могущество своими же действиями? Или же отдельный единственный воплощенный атрибут принимался как полнота могущества божества, заложенная в нем, как уже упоминалось в других случаях? Прочитанный выше орфический гимн, видимо, служит подтверждением именно этой последней

догадки; поскольку к нему здесь обращаются как к пожирателю и породителю всего. Как бы то ни было, мы можем с уверенностью заключить, что Геркулес, вооруженный луком и стрелой, каким он предстает на рассматриваемой медали, подобен Аполлону, разрушающей силе дневного солнца.

На оборотной стороне медали (см. илл. IX, рис. 10, а) находится фигура, чем-то похожая на Юпитера на медалях Александра и Антиоха. Сидящий мужчина держит украшенный бусами скипетр в правой руке, которая лежит на голове быка, который простерся под его сиденьем.

Выше, над его правым плечом, находится птица — вероятно, это голубь, символ Святого Духа, нисходящего с солнца, но, поскольку эта часть медали сохранилась не так хорошо, как остальное, вид этой птицы нельзя определить отчетливо. В левой руке мужчина держит короткий посох, из верхней оконечности которого растет колос злакового растения, а с нижней свисает виноградная гроздь. Эти растения, будучи двумя наиболее почитаемыми плодами земли, являлись естественными символами всеобщего оплодотворения. Данная фигура, таким образом, оказывается творцом, в то время как тот, что на другой стороне, является разрушителем, солнце же, чьих свойств они оба суть персонификации, помещено между ними. Буквы на той стороне, где изображен творец, отчетливо сохранились, и в соответствии с интерпретацией финикийского алфавита, опубликованной господином Дьютенсом, тождественны римским, составляющим слова *Baal Thrz*, что господин Суинтон прочитал как *Baal Tarz* и перевел как Юпитер из Тарса; из чего заключил, что эта монета была отчеканена в названном городе. Но первая буква последнего слова не *Tema*, но *Tay*, или придыхательная Т; и поскольку в финикийском языке имелась гласная, соответствующая римской А, весьма вероятно, что они вставляли ее, когда та должна была звучать; но у нас нет причины полагать, что у них

были знаки для выражения U или Y, которые должны были, следовательно, включаться в предшествующую согласную всякий раз, когда должен был изображаться этот звук. Отсюда я заключаю, что слово здесь означало *Thyrz* или *Thurz*, *Тор* или *Тур* кельтов и сарматов, *Турра* ассирийцев, *Туран* этрусков, *Таурин Бахус* греков, а также божество, культ которого как культ быка германские племена принесли с собой, вторгшись в Италию; от него же, вероятно, обрел свое имя город Тир, так же как Тиррена или Тоскана. Его символ, бык, к которому это имя восходит, представлен у кресла или трона, на котором он восседает; и его скипетр, эмблема власти, покоится на этом быке. Другими словами, Баал был просто словом в финикийском языке, имевшим значение *Бог*, или *Господь*; и употреблялся как эпитет солнца, как мы знаем из названия Баалбек (город Баала), который греки перевели как Гелиополис (*город солнца*).

Таким образом, эта единственная в своем роде медаль показывает, что фундаментальные принципы древней финикийской религии такие же, как те, которые господствовали у всех народов Северного полушария. Фрагменты той же системы верований встречались повсюду, по-разному выражаясь, поскольку были по-разному понимаемы, и часто попросту были хранимы, не будучи понимаемы вообще; древнее почитание продолжало относиться к символам, значение которых к этому времени было полностью утрачено. *Ипо-статическое* разделение и *сущностное* единство божества — одна из наиболее замечательных частей этой системы, в то же время наиболее далекая от здравого смысла и рассудка; и все же это совершенно разумно и непротиворечиво, если рассматривать все в совокупности: ведь эманации и персонификации были только метафорическими абстракциями особых способов действия и существования, первопричина и исходная сущность которых по-прежнему оставалась одним и тем же.

Три ипостаси являются, таким образом, единым бытием, но каждая ипостась время от времени принимается за целое; как в случае с процитированным выше отрывком из Апулея, где Изида описывает себя как универсальное божество. В этой роли она представлена маленькой базальтовой фигуркой египетской работы, хранящейся в Стробери-Хилл, которая с верхушки до пят покрыта символами разного рода.

Ниже всего помещена фигура быка, чтобы показать, что сила или могущество творца есть основа и опора всякого другого свойства. На голове Изида башнеподобная прическа, символизирующая землю; а на ее шее висит краб, который, благодаря своей способности по собственной воле отделять от своего тела и естественным путем воспроизводить любую поврежденную или изувеченную конечность, стал символом плодотворящего могущества воды; в каковом смысле он появляется на великом множестве древних медалей различных городов. Ее питающая сила выражена в наличии многочисленных грудей, разрываемых львами, которых она держит на руках. Другие атрибуты выражены множеством других животных-символов, распознать точное значение которых у меня недостает проницательности.

Эта универсальность богини более лаконично представлена на других ее изображениях с помощью находящегося в ее руках таинственного инструмента, называемого *систр*. Плутарх дал его описание, что может ясно продемонстрировать тот факт, что способ, используемый здесь для объяснения древних символов, не сводится к одним лишь догадкам и аналогиям, но основан также на авторитете одного из самых серьезных и осведомленных греческих ученых. Изогнутая верхушка, говорит он, представляет лунную орбиту, внутри которой действовали творящие атрибуты божества, приводя в движение четыре элемента, обозначенные здесь четырьмя трещотками ниже ее (см. илл. X, рис. 4). В центре изгиба находилась кошка, эмблема луны;

луна же, как предполагалось, исходя из ее влияния на женское тело, обладала особенной властью над пассивными производительными силами; ниже, над самым основанием, голова Изиды или Нептуна; вместо чего на том экземпляре, с которого я публикую рисунок, как и на многих других, сохранившихся доньше, укреплены мужские гениталии, представляющие активные силы творца, приписываемые Изиде вместе с пассивными. Дребезжащий шум и различные колебания трещоток воспринимались как символы движения и смещения элементов, от которого произошло все сущее; сам звон металла, как таковой, был символом того же рода. Именно поэтому звон колоколов и звенящие удары по металлическим пластинам использовались для очищений, жертвоприношений и т. д.

Именованное Приап в применении к характеристическому атрибуту творца, а иногда к самому творцу, вероятно, является искаженным Βριαρπυος (шумный или громкий); поскольку В и П оба губные, то переход одного в другой в греческом языке происходит часто. Мы и сейчас находим множество древних изображений этого символа с прикрепленными к ним колокольцами; такого же рода колокольцы прикреплялись к ритуальному одеянию главного священнослужителя евреев, в котором он отправлял службу Творцу¹. Все эти колокольчики были пирамидальной формы, чтобы показать эфирную огненную сущность бога. Эта форма еще сохранилась у колоколов, что используются в наших церквах, так же как и у маленьких колокольчиков, которыми звонят католические священники при вознесении гостии. Христиане вскоре стали использовать их в том же качестве, что и поздние язычники; то есть как инструмент заклинаний против злых демонов; поскольку, будучи символами активных проявлений творящих атрибутов, они должны были образом противостоять эманациям разрушительных. Лакедемоняне, ког-

¹ Исх., 28.

да умирал их царь, по традиции били в барабаны и литавры, чтобы помочь его душе освободиться при распадае тела.

У нас для таких случаев есть похожий обычай звонить в колокола, обычай очень широко распространенный, хотя значение его давно забыто. Это освобождение души, как предполагалось, окончательно совершается с помощью огня, который, будучи видимым образом и активной сущностью как творящей, так и разрушающей сил, совершенно естественно мыслился посредником, переправляющим людей из настоящей в будущую жизнь. Греки и все кельтские народы сжигали тела мертвецов, как сейчас поступают папуасы; тогда как египтяне, у которых топливо было и по сей день является чрезвычайной редкостью, помещали тела в пирамидальные монументы, бывшие символами огня; отсюда произошли те поразительно огромные сооружения, до сей поры украшающие эту страну. Освободившаяся душа была божественной эманацией, живой искрой небесного пламени, основой разума и чувства, воплощавшейся в духе, или гении, предположительно бравшем руководство над каждым человеком и склонявшем его к добру или злу, мудрости или глупости, а также ко всем их последствиям, таким как процветание и бедствия. Отсюда происходят догматы, так единодушно внушаемые Гомером и Пиндаром, о том, что все человеческие деяния зависят непосредственно от богов; эти же взгляды переняли, едва ли хоть немного исказив их, некоторые из христианских богословов апостольской поры. В «Пастыре» Гермы и в «Строматах» Климента мы находим ангелов правосудия, покаяния и страдания, и все это вместо гениев или духов, которые, по убеждению древних, руководили разумом людей и вселяли в них эти чувства. Святой Павел принял еще более удобную доктрину милосердия, которая к тому же в наивысшей степени служила освобождению совести верующего от оков общепринятой морали. Родовые духи, или божественные эманации, как предполагалось, пре-

бывают в крови; считалось, что именно там содержится основа жизненной теплоты, и потому Моисей наложил на употребление крови в пищу строжайший запрет. Гомер, который, по-видимому, собирал осколки древней теологии и вставлял их то здесь, то там среди варварского изобилия своих поэтических легенд, представляет тени покойных таким образом, что они остаются бесчувственными до тех пор, пока не отведают крови жертв, принесенных Улиссом; таким образом к ним возвращалась способность к восприятию благодаря воссоединению с божественной эманацией, с которой они были разделены.

Душа Тиресия, как и все остальные, пребывала в аду, но и там он обладал способностью восприятия, потому что божественная эманация все еще жила с ним. О тени Геркулеса говорится, что она присутствует среди прочих призраков, хотя сам он, как утверждает поэт, поднялся на небеса; то есть активное начало мысли и ощущения вернулось к своим родным небесам, тогда как пассивное, или попросту воспринимающее, осталось на земле, из которой возникло. Окончательное разделение этих двух начал не происходило, пока тело не бывало поглощено огнем, что явствует из того, что призрак Элпенора, чье тело было еще целым, сохранял оба начала и узнал Улисса еще до того, как попробовал крови. Именно в силу того, что универсальный Бахус, или двойник Аполлона, творец и разрушитель, сущностью которого был огонь, явился производителем этого разделения, он звался также *Διχνίτης*, очиститель, по метафоре, связанной с веялкой, которая очищает зерно от пыли и мякины, как огонь очищает душу от земной грязи. Отсюда инструмент, называемый Вергилием мистической веялкой Бахуса. Платоники школы Аммония и гностические христиане считали, что это разделение, или очищение, может до некоторой степени произойти даже еще до смерти. Именно для этой цели они ввели в обычай такое суровое воздержание и так усердно предавались учению; ведь, подавляя и умеряя земное на-

чало, они надеялись дать свободу и энергию началу небесному, так чтобы оно могло восходить прямо в мир чистого и не обремененного телом разума. Впоследствии духовенство ввело чистилище, заменив очистительными муками абстрактное размышление и учение; это соответствовало древнему разделению огнем, перемещенному в неведомый край, благодаря чему пользовалось спросом у всех обитателей этого мира, обладающих достаточным запасом богатства и легковерия.

Небесное или эфирное начало человеческого разума древние художники представляли в виде бабочки, что может рассматриваться как одна из наиболее изысканных аллегорий их утонченной религии. Это насекомое, вылупляясь из яичка, появляется в облике червя, ползающего по земле и питающегося листьями растений. В этом состоянии она наилучшим образом символизирует человека в его земном облике, в котором эфирная энергия и проявления небесной души, как предполагалось, затрудняются и обременяются материальным телом. Когда гусеница превращается в куколку, ее неподвижность, оцепенение и бесчувственность как бы воспроизводят естественный образ смерти, или промежуточное состояние между отключением жизненных функций тела и окончательным высвобождением души посредством поглощающего тело огня. Бабочка, высвобождающаяся из застывшей куколки и поднимающаяся в воздух, была не менее естественным образом небесной души, вырывающейся из оков материи и вновь соединяющейся со своим родным эфиром. Греческие художники, всегда заботившиеся об изяществе, заменили этот символ, так же как другие животные символы, на человеческий облик, оставив лишь крылья как отличительный признак. Человеческое тело, которое присовокуплено к ним, — это тело прекрасной девушки, иногда в возрасте раннего детства, а иногда — приближающегося созревания. Такая прекрасная аллегория, как эта, должна была естественным образом стать любимой темой произведений искусства среди людей,

чей вкус был отточен до предельного совершенства. Соответственно, мы обнаруживаем, что эта тема повторялась гораздо чаще и гораздо разнообразнее, нежели любая другая, основанная на эманациях и столь любимая художниками.

Хотя все люди, как предполагалось, в какой-то степени причастны божественной эманации, это не означало, что все они разделяют ее в одинаковой мере. Считалось, что тот, кто являл особую одаренность или был прославлен выдающимися деяниями, обладал большим по сравнению с другими божественным началом, а потому таким людям поклонялись, как богам, и почитали их божественными именами, выражающими тот особенный атрибут божества, покровительством которого они, по-видимому, пользовались в наибольшей мере. Таким образом в ряды аллегорических божеств зачислялись новые персонажи; и персонифицированные атрибуты солнца объединялись с критским и фессалийским царем, азиатским завоевателем и фиванским разбойником. Поэтому Пиндар, который производит впечатление весьма ортодоксального язычника, говорит, что раса людей и богов есть одно, что оба явлены на свет одной матерью и различаются лишь могуществом.

Это смешение эпитетов и титулов содействовало как нельзя более возвышению того непомерно и беспорядочно разросшегося здания поэтической мифологии, которое, в некотором смысле, сокрушило древнюю теологию, слишком строгую и философскую, чтобы продолжать свое существование в виде народной религии. Великая и благородная система всеобщей первопричины, распространенная на весь мир, не подходила грубым представлениям толпы; тем, кто не имел другой возможности постичь идею всемогущего бога, кроме как составив для себя гиперболизированный образ собственного деспота, подразумевая, что его сила заключается в безграничном удовлетворении его страстей и appetитов. Именно поэтому универсальный Юпитер, внушающее страх и почтение, всеобщее начало жизни

и движения, был трансформирован в бога, который разит молниями с горы Ида и которого успокаивают и усыпляют объятия жены; и потому бог, чей дух носился над гладью вод и оплодотворял их порождающей силой, ведущий народ свой сразить нечестивых и искоренить их врагов перед лицом их, стал великим царем над всеми богами.

Другим великолепным способом исказить древнюю теологию и упрочить мифологию поэтическую было обыкновение художников представлять различные атрибуты творца в обликах людей, отличающихся внешностью и характером. Эти фигуры, будучи различаемы лишь по именам, со временем начинали рассматриваться как отдельные персонажи, и им поклонялись как различным второстепенным божествам. Так многоликий бог стал подразделяться на множество богов и богинь, и поэты нередко описывали их отношения, сводя их к мелким интригам и страстям, столь характерным для рода человеческого. И поскольку символы все множились, отдельные из них теряли свое высокое положение; так что тот освященный веками символ, являющийся предметом данного рассуждения, будучи воплощением бога природы, снизился до второстепенного сельского божка, предполагаемого сына азиатского завоевателя Бахуса, стоящего среди нимф у источника, выражающего вместо главной творящей силы великого активного начала Вселенной садовое изобилие.

Его деградация не прекратилась даже тогда, поскольку в более поздние времена мы находим его еще более уничтоженным и искаженным, сделавшимся предметом насмешек и оскорблений, когда для него не нашлось ничего лучшего, чем выставять напоказ свой румяный хобот, дабы отпугивать птиц и воров. Его дары также были отвращены от своего природного назначения и использовались в низменных и бесплодных усилиях на потребу вкусам времени, ибо люди естественно приписывают собственные страсти и наклонности объек-

там своего обожания; и как Бог сотворил человека по своему образу и подобию, так и человек возвращает ранее ему данное и творит Бога по-своему. И вот мы находим высочайший атрибут всепроникающего духа и первородной любви отвратительно развращенным в смешении беспорядочных пороков.

Он еще продолжает тем не менее сохранять свой храм, жрицу и священного гуся, и ему жертвуются самые отборные приношения.

Иногда, однако, жертвователи бывают не столь добросовестны в выборе и страдают бережливостью, ограничивая свои приношения.

Новобрачную обычно представляли ему непосредственно перед свадьбой; таковой чтобы она могла быть приведена в плодоносное состояние причащением божественной природе, будучи способна исполнять обязанности, требуемые в соответствии с ее положением. В древней поэме мы читаем о некоей даме по имени Лалага, которая представляет ему сцены из творений Элефантис и торжественно просит его помочь ей насладиться удовольствиями, которые подвластны его личному покровительству, во всех позах, описанных в этом прославленном труде. Преуспела ли она или нет, поэт нам не сообщает, однако мы не ошибемся, если предположим, что она не уповала на одну лишь веру и молитву, но, в противоположность обыкновению современных ревностных верующих, сопровождала свое религиозное рвение добрыми трудами, способствовавшими достижению поставленной цели.

Послужив в качестве жертвы на алтаре этого бога, дама выразила свою признательность за полученные блага, возложив на его алтарь маленькие фигурки, представляющие его отличительный атрибут. Число этих фигурок было равно числу мужчин, которые исполняли при сих обстоятельствах роль жрецов. На античной гемме из коллекции мистера Таунли одна из таких прекрасных жертв, которая, по-видимому, только что вернулась с жертвоприношения этого рода, бла-

гочество выражает свою благодарность, принося на алтарь несколько таких изображений, по числу коих можно заключить, что она не осталась в небрежении (см. илл. III, рис. 3). Эти благодарные жертвы также имеют свое мистическое и аллегорическое значение; поскольку огонь является энергическим началом и сущностной силой Творца, а вышеупомянутый символ — зримым образом Его отличительного атрибута, объединение их было объединением материальной и сущностной причин, благодаря совместной деятельности которых, как предполагается, возникло все сущее.

Эти жертвоприношения, как и все жертвы, преподносимые божествам, главенствующим над порождением, совершались ночью; поэтому Еврипид говорит об Ипполите, чтобы выразить его любовь к целомудрию, что он не привержен ни одному из богов, почитаемых ночью.

Эти жертвенные обряды в действительности сопровождались такими ритуалами, которые могли бы поистине шокировать чувства непорочной и воздержанной души, не стремящейся разгорячить себя при помощи подобного экстатического воодушевления, свойственного особам религиозным, внимание которых поглощено созерцанием благодетельного могущества Творца, и все их усилия направлены на то, чтобы подражать ему, когда проявляется действие Его великого отличительного атрибута. Чтобы еще усилить этот энтузиазм, праведники Античности, мужчины и женщины, обыкновенно ложились друг с другом без разбора в храмах и славили Господа через свободное сообщение и всеобщее выставление напоказ Его щедрот. На самом деле Геродот исключал причастность греков и египтян к этому распространенному у разных народов обычаю, а Дионисий Галикарнасский исключал римлян; но утверждения первого мы можем противопоставить тысячи священных проституток, содержащихся при каждом из храмов Коринфа и Эрикса; а что до послед-

него — выразительные слова Ювенала, во времена которого, хотя он и жил веком позже, преобладала та же религия и примерно те же обычаи. Диодор Сицилийский также говорит, что, когда римские преторы посетили Эрикс, они отринули свою властную суровость и воздали честь богине, смешавшись с ее почитателями, и позволили себе насладиться радостями, которых она была госпожой. Кроме того, известно, что на острове Лесбос породительный акт был чем-то вроде священного таинства, ибо символика тамошних медалей (которые в греческих республиках всегда имели отношение к религии) настолько откровенна, насколько способны ее выразить изображения (см. илл. IX, рис. 8). На самом деле эти фигуры являются мистическими и аллегорическими. Очевидно, что к облику мужчины примешиваются черты козла с его бородой, и таким образом он, вероятно, представляет Пана, породительную силу Вселенной, заключенную во вселенской материи. Женщина обладает той полнотой и дородством, которые характеризуют персонификацию пассивной силы, известной под именами Реи, Юноны, Цереры и т. д.

Если существовали школы, дающие воспитание женщинам, подобные тем, какие были в Эриксе и Коринфе, нам незачем удивляться, что античные дамы должны были быть на редкость хорошо обучены всем практическим обязанностям их религии. Истории, которые рассказывают о Юлии и Мессалине, свидетельствуют о том, что у римских дам не было недостатка ни в каких качествах; и все же они были так же замечательны своей степенностью и благопристойностью, как дамы коринфские — своим мастерством и ловкостью, к которым они питали буйное воображение благочестивых знатоков, изобретающих исполнение ритуалов опекающей их богини.

Причина, по которой эти ритуалы всегда исполнялись ночью, заключалась в том, что древние приписывали ей особую святость, ибо тогда считалось, что

сны нисходят с небес, дабы что-либо сообщить или о чем-либо предостеречь. Ночи, говорит Гесиод, принадлежат счастливым богам; а орфический поэт называет ночь источником всех вещей, чтобы обозначить ту производительную силу, которой, как я уже говорил, она поистине обладает; замечено, что растения и животные растут более ночью, чем днем. Древние простирали эту ее власть много дальше, и предполагалось, что не только плоды земли, но и небесные светила были питаемы и поддерживались милостивым воздействием ночи.

Не только жертвоприношения порождающим божествам, но вообще все религиозные ритуалы греков были праздничными. Подражать богам означало, по их мнению, радоваться и ликовать, а также возвращать полезные и изящные искусства, благодаря которым мы становимся соучастниками их радости. Почти то же касается всех народов древности, исключая египтян и их не столь последовательных подражателей евреев, которыми управляла теократия, стремившаяся внушать страх и почтение народу при помощи видимой строгости и аскетизма. Народ, однако, порой вырывался из этих пут и удовлетворял свои страсти в более привлекательном культе своих соседей, как в тот раз, когда они танцевали и пировали перед воздвигнутым Аароном золотым тельцом¹ и предавались поклонению непристойным идолам, которые предположительно являлись приапами, в царствование Авии².

Христианская религия, будучи реформированной иудейской, скорее усилила, нежели уменьшила аскетизм своего первоисточника. В особых случаях, однако, она точно так же умеряла свою суровость и давала свободу веселью и радости, хотя всегда с видом благочестия и торжественности. Таковы были первоначаль-

¹ Исх., 32.

² 3 Цар., 25: 13. Ed. Cleric.

но празднества евхаристии, которые, как следует из самого слова, были собраниями радости и благодарения; хотя богословы уверяют нас, что все это вещи чисто духовного порядка, но особые выражения, в которых святой Августин потребовал от присутствующих дам носить чистое исподнее, кажется, наводят на мысль, что не только духовные, но и более личные материи считались достойными внимания. Тех, кто совершает это таинство в современности, не обязательно может заботить то, чистое ли белье на тех женщинах, над которыми оно совершается; однако для доброго епископа, который осуществлял *святое целование*, это, безусловно, имело некоторое значение. *Святое целование* было частью не только церемонии евхаристии, но также обряда богослужения, в завершение которого участники приветствовали друг друга этим естественным знаком любви и благожелательности. Именно в этих случаях они доводили себя до тех приступов иступленного восторга и возбуждения, которые заставляли их страстно стремиться к гибели в неистовой жажде обрести мученический венец. Энтузиазм данного характера, естественно, связан с энтузиазмом другого; ведь человеческие страсти, как струны музыкального инструмента, отзываются на вибрацию друг друга, поэтому пароксизмы любви и набожности часто настолько созвучны, что не различаются меж собой самими людьми, кои ими обуяны.

Подобное слишком часто происходило на собраниях первых христиан. Праздники благодарения и любви, *αγαπαι* и ночные бодрствования также чрезмерно потворствовали страстям и склонностям людей, продолжая то, что, как нам сказано, поначалу было чистыми молитвенными ритуалами. Духовные наслаждения и божественные экстазы, которые поощрялись на этих собраниях, часто были экстазами весьма отличного рода, скрытыми под облачением набожности, из чего проистекали величайшие искажения; и чтобы защитить репутацию церкви, их стало необходимо

пресечь, что впоследствии и было сделано постановлениями нескольких соборов. Их запрещение может рассматриваться как окончательное низвержение той части древней религии, попытку исследовать которую я здесь предпринял; поскольку пока эти ночные собрания проводились в неизменном виде, она, безусловно, существовала, хотя под другими именами и в более мрачном одеянии. Сохранившиеся в Изернии малые ее остатки, о чем было уже сообщено, едва ли могут считаться исключением; ибо их значение не было известно тем, кто участвовал в празднестве, а тамошняя темнота, вдобавок к почитаемым именам святых Козимо и Дамиано, долгое время сберегала их в неприкосновенности, хотя обряды эти и были впоследствии запрещены, к великому смятению целомудренных матрон и благочестивых монахов Изернии. Однако следы и воспоминания об этом, по-видимому, сохранялись во многих частях христианского мира еще долго после того, как празднование ритуалов фактически прекратилось. Отсюда непристойные фигуры, наблюдаемые во многих наших готических кафедральных церквах, и в особенности на древних медных дверях собора Святого Петра в Риме, где имеются несколько групп, соперничающих с изображениями на медалях Лесбоса.

Любопытно, перелистывая летописи религиозных суеверий, столь унижительных для гордости человеческой, проследить развитие человеческого разума в условиях различных эпох, природы и образа жизни, происходящее при этом по одним и тем же законам и приводящее к тем же результатам. Изложенный здесь краткий обзор того, как постепенно искажалась религия Греции, является точной копией процесса искажения христианства, которое начиналось с чистого теизма иудейских эклектиков¹, но благодаря инспирациям, эманациям и канонизациям разрослось со вре-

¹ Ср. доктрины Филона с теми, что изложены в Евангелии от святого Иоанна и посланиях святого Павла.

Илл. XXIII. Тигр у груди нимфы

менем в огромную и плохо управляемую систему, которая нынче составляет кредо того, что обыкновенно зовется католической церковью.

Однако в древней религии эманации принимали вид нравственных достоинств и физических свойств, а не духов-помощников и ангелов-хранителей; а канонизацией или обожествлением награждались герои, законодатели и монархи вместо священников, монахов и мучеников. Существует и другое расхождение: у наших современников с упадком религии усовершенствовалась философия, тогда как у древних религия и философия пришли в упадок вместе. Орфики изучали Солнечную систему в истинном ее виде; это учение переняли у них пифагорейцы, следующая школа, имевшая широкое признание. Стоики несколько

исказили эту систему, поместив Землю в центр Вселенной, хотя они все еще признавали за Солнцем его великое значение. Наконец возникли эпикурейцы, которые опровергли ее совершенно, утверждая, что Солнце есть всего лишь небольшой огненный шар нескольких дюймов в диаметре, а звезды — маленькие эфемерные огоньки, кружащиеся в атмосфере Земли.

Как бы дурно ни была приспособлена древняя система эманаций для обеспечения вечного счастья, она, безусловно, чрезвычайно хорошо подходила в качестве источника временных благ; ибо благодаря бесконечному умножению второстепенных богов она решительно исключила два величайших проклятия, от которых когда-либо страдала человеческая раса: догматическую теологию и ее логическое следствие — религиозные гонения. Будучи далеки от мысли, что боги, известные в их собственной стране, есть единственные существующие, греки полагали, что бесчисленные эманации Божественного разума были рассеяны по всем краям Вселенной; а потому повсюду, куда бы они ни попадали, у них появлялись новые предметы поклонения, представляющие эти эманации. Каждая гора, родник и речка имели своих божков-хранителей, помимо множества бессмертных духов, которые реяли в воздухе, одаривая снами и видениями и управляя деяниями людей.

Греки никогда не отваживались считать, что их знания обо всем этом совершенны, но скромно довольствовались тем, что почитали и призывали их всякий раз, когда чувствовали необходимость или желали их содействия. Когда потерпевшего кораблекрушение мореплавателя выбрасывало на незнакомый берег, он немедленно возносил свои молитвы богам этой земли, кто бы они ни были; и присоединялся к местным обитателям в любых ритуалах, которые те считали подобающими, дабы их умилостивить.

Он никогда не смог бы представить, что существуют нечестивые или богохульные ритуалы, полагая, что все выражения благодарности и повиновения должны быть

приятны богам. Атеизм был так же серьезно наказуем в Афинах, как непристойные церемонии вакханалий в Риме; и то и другое являлось гражданским преступлением против государства: одно могло ослабить узы, связывающие общество, уничтожая святость обетов, а другое ниспровергало ту благопристойность и степенность, которыми римляне так в себе гордились. Распространение культа чуждых богов без позволения от магистрата также было запрещено в обоих городах; но запрет распространялся не далее чем за стены, и в любой другой части Римской империи, кроме Иудеи, всякого рода непочтительность к богам, как и сумасбродство, могла остаться безнаказанной, при условии что они высказывались просто как гипотетическое мнение и не использовались как орудие интриг, честолюбия или притеснения. Римляне в своей снисходительности зашли так далеко, что придали законную силу соблюдению обрядов догматической религии там, где они обнаружили ее ранее утвердившейся, что явствует из поведения их магистратов в Иудее в отношении к Христу и Его апостолам; а также из истории, на которую ссылается Иосиф, — истории римского солдата, которого его начальник наказал смертью за кощунство над свитком Торы. Тогда каким же законом они руководствовались впоследствии, когда с такой злобой и жестокостью преследовали христиан? Возможно, люди, незнакомые с исследованиями церковной древности, могут удивиться, если им сообщить (а это является бесспорной истиной!), что христиан никогда не преследовали по причине умозрения отдельных личностей, но либо за гражданские преступления, вмененные им в вину, либо за отказ в лояльности государству и объединение в союз общин, опасный для его устройства и представлявшийся еще более опасным благодаря нетерпимости правоверных норм его членов, которые нередко своими буйствами прерывали публичные религиозные обряды народа и постоянно подвергали государственную религию (с которой были неразделимо связаны как

гражданская форма правления, так и военная дисциплина римлян) неким формам вечного проклятия. Разрушение этого союза было важнейшей целью римской политики в течение долгих лет, но насильственные средства, применяемые для этой цели, только сплачивали его теснее. Некоторые из самих христиан, из тех, кто был привержен платонизму, избрали более безопасный способ, дабы этот союз распустить, но их было слишком мало, чтобы они могли добиться успеха. Они пытались умерить неистовое рвение, которое давало жизнь и энергию тайному союзу, и смягчали неподатливый характер религии, внося в него кроткий дух философии. «Мы все, — говорили они, — согласны между собой, поклоняясь единому высшему Богу, Отцу и Спасителю всего сущего. Если мы приближаемся к Нему с чистотой ума, искренностью сердца и невинностью поступков, формы и церемонии поклонения безразличны; и оттого не менее достойны Его величия, ибо они различаются и разнообразятся согласно разным обычаям и взглядам людей. Будь Его воля в том, чтобы все поклонялись Ему на один и тот же лад, Он дал бы всем одни и те же наклонности и представления: но Он мудро распорядился иначе, чтобы благочестие и добродетель могли возрасти в честном соревновании религий, как прилежание в труде или живость в состязании, из обоюдного старания соревнования соискателей богатства и чести». Это был слишком далекоидущий и прекраснодушный замысел, чтобы встретить одобрение жадного и честолюбивого духовенства, чьей целью скорее было установить теократию для себя, чем доставить счастье другим. И потому он был решительно и бесповоротно осужден Амвросием, Пруденцием и другими ортодоксальными вождями того времени.

Именно из древнего представления об эманациях, описанного здесь, в большой мере произошло всеобщее радушие, которое отличало нравы героических веков и которое с таким блеском изображено в Одиссее Гомера. Бедняк и чужестранец, блуждавшие по улицам

и просившие милостыню у дверей, считались одухотворенными частицей того же самого Божественного духа, что поддерживал богатого и властного. «*От Зевса приходит к нам каждый странник и нищий*, — говорит Гомер. — *Хоть и немного дадим, но с любовью*».

Это великодушное чувство сравнивалось английскими комментаторами с чувством еврейского моралиста, который говорит, что *тот, кто подает бедняку, дает Господу, что воздаст ему сторицей*¹. Однако едва ли возможно найти что-то более различное; Гомер не обещает иного вознаграждения за милосердие, чем значимость самого поступка; но израэлит утверждает, что у его соотечественников всегда имелась более важная причина для милосердия — перспектива получить возмещение сторицей. С такими побуждениями они всегда готовы показать свою щедрость, если могут быть убеждены, что их интересы хорошо охраняются. Однако многие хорошо осведомленные древние авторы полагают, что принципы еврейской религии изначально были теми же, что и у греков, и что их Бог был не кем иным, как творцом и породителем Бахусом, который, будучи рассматриваем через мрачное посредничество теократии, казался им ревнивым и вспыльчивым Богом; и тем самым их поклонению придавался более аскетический и замкнутый вид. Золотое вино, хранившееся в Иерусалимском храме², и быкоподобные херувимы, меж которыми пребывает Бог, были символами, столь точно повторяющими их собственные, что они пришли к естественному выводу о тождестве выражаемых ими идей; особенно поскольку в провозглашаемых основах иудейского культа не было ничего, к чему они могли быть применимы. Также и невыразимое имя, которое, согласно мазоретической пунктуации, произносилось Иегова (*Jehovah*), в древности произносилось Яхо (*Jaho*),

¹ А. Поуп. «Одиссея».

² Вино и кубок Бахуса также были обычными символами на иудейских и самарянских монетах, которые чеканились в царствование Хасмонейской династии.

Ιαω или Ιεϋω, что было титулом Бахуса (Вакха), ночного солнца; в той же мере, как Сабазий (*Sabazius*), или Сабаций (*Sabadius*), является тем же именем, что и Савваоф (*Sabbaoth*), одно из библейских имен истинного Бога, только адаптированное к произношению более совершенного языка.

Латинское имя Верховного Бога принадлежало к тому же корню: Ιυ-πατηρ, Юпитер, означающее Отец Ιεϋ, хотя написанное, следуя древнему стилю, без дифтонга, который не использовался многие века после того, как на земле латинян обосновались греческие колонии и появился аркадийский алфавит. Мы видим, что святому Павлу точно так же было известно, что Юпитер поэта Арата был Богом, которому он поклонялся; и Климент Александрийский объяснял, что запрет святого Павла на поклонение по примеру греков не означал запрет поклонения тому же Богу, но речь шла просто об искомом способе этого поклонения.

Томас Райт

Культ производительных
сил западноевропейского
Средневековья

Ричард Пейн Найт в своей книге глубоко и тщательно проработал тему происхождения и истории культа Приапа у древних народов. Этот культ, представлявший собой не что иное, как часть поклонения производительным силам природы, являющегося одним из наиболее древних суеверий человечества¹, в той или иной мере был свойствен всем известным народам до введения христианства и при этом настолько прочно укоренился в человеческой натуре, что даже распространение Евангелия не уничтожило его, ибо он продолжил существовать, допускаемый и часто поощряемый средневековым духовенством. Причиной, побудившей Пейна Найта взяться за эту работу, стало открытие, что и в его время весьма любопытная форма этого культа — полное описание которой можно найти в его книге — по-прежнему была распространена в Изернии, в королевстве Неаполитанском. Городок Изерния был разрушен, и большая часть его обитателей погибла во время страшного землетрясения, опустошившего Неаполитанское королевство 26 июля 1805 года,

¹ Есть вероятность, что этот культ может притязать на очень ранний период человеческой истории. В XIX в. в Moniteur сообщалось, что в Италии, в провинции Венеция, при раскопках древней пещеры под десятифутовым слоем сталагмитовых натеков обнаружили кости животных, большей частью посткайнозойской эры, и обычный набор предметов, которые находят в таких местах, — инструменты из кремня, костяную иглу, имеющую ушко и острие, и глинистую пластину, на которой выцарапан грубый рисунок фаллоса (Moniteur, январь 1865 г.).

через девятнадцать лет после появления книги с его упоминанием.

Возможно, вместе с ним исчез последний след приапического культа в этом специфическом виде; но Пейну Найту не был известен тот факт, что в Южной и Западной Европе на протяжении Средних веков были широко распространены самые различные формы этого суеверия и что в некоторых районах оно едва ли угасло и в настоящее время; а поскольку его влияние на самые глубинные и важные общественные отношения ощущалось в гораздо большей степени, чем люди обычно предполагают, попытка пролить свет на то, как он выглядел во времена Средневековья, пусть даже тема эта несколько неудобна, тем не менее вносит важный и ценный вклад в изучение средневековой истории. Многие интересные факты, имеющие отношение к этой теме, были собраны воедино в книге, которую опубликовал в Париже господин Ж.А. Дюлор под заглавием *Des Divinités Génératrices chez les Anciens et les Modernes*. Это часть труда *Histoire Abrégée des differens Cultes* того же автора. Данная книга, однако, весьма несовершенна, и задача последующих страниц, на которых наряду с самыми интересными фактами, собранными Дюлором, излагается еще множество других фактов, а также описания и истолкования исторических памятников, состоит как раз в освещении этой любопытной темы с возможно более разных сторон.

В основе средневекового поклонения производительным силам, представленным в виде половых органов, лежали две различные причины. Во-первых, Рим неукоснительно вводил в завоеванных им провинциях свои общественные и религиозные институты, закрепляя их как постоянные. При исследовании памятников древности, сохранившихся в этих провинциях, поражает изобилие памятников культа Приапа во всех видах и со всеми атрибутами и дополнениями, с которыми мы уже так хорошо познакомились в Риме и Италии. Среди реликвий римской цивилизации в Галлии

мы находим статуи или статуэтки Приапа, алтари, посвященные ему, сады и поля, вверенные его попечению; а фаллос, или мужской член, фигурировал в этой местности в разных обличьях как сила, защищающая против зла во всех его видах. Хорошо известная фигура изображалась на стенах общественных зданий, размещалась на видном месте внутри жилища, ее носили в качестве украшения женщины и подвешивали как амулет на шеи детей. Эротические сцены самого экстравагантного содержания покрывали металлическую посуду, гончарные и стеклянные изделия, предназначенные, несомненно, для праздников и обрядов, более или менее связанных с культом плодородного начала.

В городе Экс-ан-Прованс, на месте древних купален или поблизости от них, был найден высеченный из белого мрамора фаллос гигантского размера, увитый гирляндами, — без сомнения, он как-то связан с этими купальнями. В Ле-Шатле, в Шампани, на месте бывшего римского поселения также был найден колоссальный фаллос. Подобные предметы меньших размеров, изготовленные из бронзы, так распространены, что редко где на местах римских поселений их не находят при раскопках, и образцы таких предметов в изобилии имеются в публичных или частных музеях в числе римских древностей. Фаллический культ особенно пышно расцвел в Немаусе, ныне известном как город Ним на юге Франции, где символ этого культа появляется в скульптурных изображениях на стенах амфитеатра и на других зданиях, причем в таких формах, которые не могут не казаться нам причудливыми, даже комическими. Некоторые наиболее примечательные из этих фигур изображены на наших иллюстрациях (см. илл. XXIV, рис. 1).

Первая из них — двойной фаллос. Он изображен над проемом одного из vomitorиев, или выходов со второго ряда сидений римского амфитеатра, около входных ворот, обращенных к югу. Двойные и тройные фаллосы, чрезвычайно распространенные среди мелких изделий римской бронзы, по-видимому, слу-

жили в качестве амулетов и для других подобных целей. В последнем случае один фаллос обычно представляет собой тело и снабжен ногами, как правило козлиными; второй занимает место, обычное для этого органа, а третий выступает в качестве хвоста. На пилястре амфитеатра в Ниме мы видим тройной фаллос, соответствующий этому описанию (см. илл. XXIV, рис. 2), с козлиными ногами и копытами. Маленький колокольчик привязан к меньшему фаллосу спереди; а более крупный орган, который образует тело, снабжен крыльями. Композицию рисунка довершают три птицы, две из которых клюют обнаженную головку главного фаллоса, тогда как третья своей лапой придерживает хвостовую оконечность.

Несколько экземпляров таких тройных фаллосов оказались в Музее древностей Геркуланума и Помпеи. В образцах, фигурирующих в данной работе, задняя часть основного фаллоса явно собачья; и к большинству из них прикреплены маленькие колокольчики, которым до сих пор нет удовлетворительного объяснения. Крылья на таких изображениях также являются широко распространенными атрибутами фаллоса. Ссылаясь на Плутарха как на авторитет, такие тройные фаллосы объясняют как стремление обозначить умножение его производительной способности.

На вершине другого пилястра Нимского амфитеатра, справа от главного западного входа, находился барельеф, также изображающий крылатый тройной фаллос с ногами собаки, но дополненный деталями (см. илл. XXIV, рис. 3). Женщина, одетая в римскую столу, стоит над фаллосом, образующим хвост, и удерживает и его, и тот, что образует тело, при помощи уздечек¹.

¹ Один французский коллекционер дал следующее символическое истолкование этой фигуре. «Возможно, — утверждает он, — это означает владычество женщины, охватывающее три возраста мужчины — юность, отличительным признаком которой служит колокольчик; возраст силы, пылкость которого она обуздывает; и старость, которую она поддерживает». Это, вероятно, более остроумно, нежели убедительно.

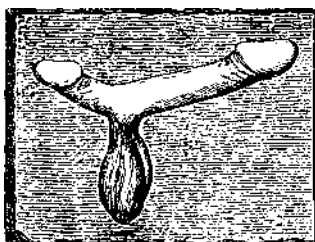

Рис. 1

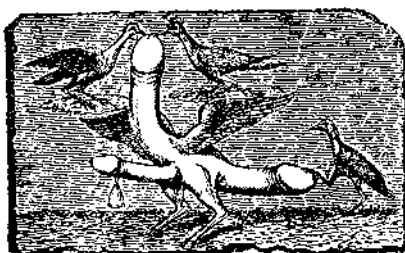

Рис. 2

Рис. 3

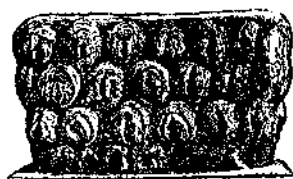

Рис. 4

Илл. XXIV. Римские скульптурные изображения из Нима

Этот барельеф в 1829 году был снят и теперь хранится в музее Нима.

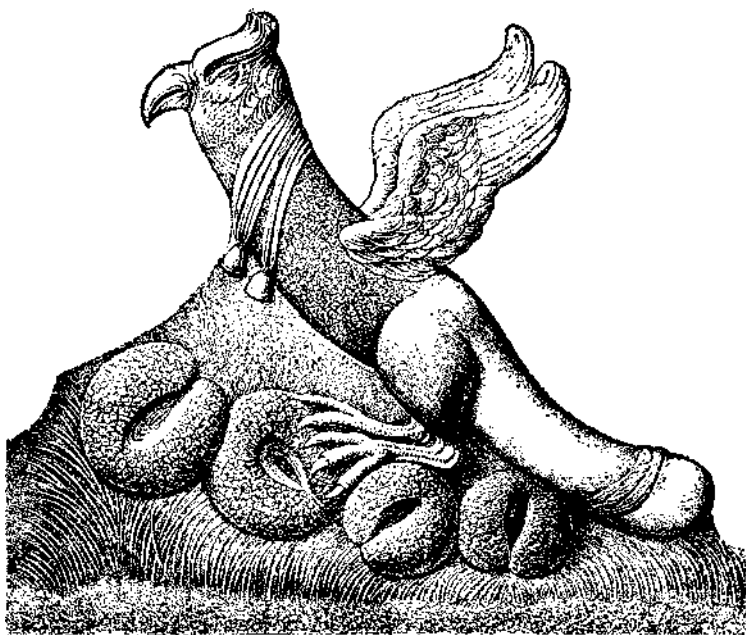
Еще более примечательный памятник этого рода был найден при раскопках, произведенных в Ниме в 1825 году. Он изображен на нашей илл. XXV и представляет собой птицу, предположительно хищную, с расправленными крыльями и хвостом-фаллосом, сидящую на четырех яйцах, каждое из которых по замыслу, без сомнения, должно было изображать собой женский орган. Местные коллекционеры придают этому предмету, как и другим, ему подобным, символический смысл; однако его, возможно, правильнее будет считать шутливой игрой воображения. Подобные рисунки, с некоторыми видоизменениями, не так уж редко встречаются среди галло-романских древностей. Мы сделали гравюру с тройного фаллоса, управляемого или ведомого женщиной (см. илл. XXIV, рис. 3), который был изображен в виде барельефа на небольшой бронзовой пластинке; она сейчас хранится в частной

лондонской коллекции, вместе с дубликатом, который, очевидно, отлит по той же форме, однако пластинка разрублена. Несомненно, они были предназначены для подвешивания на шею. Обе находились в коллекции М. Бодо из Дижона. Здесь дама взнуздала только головной фаллос; лапы, как в последнем описанном экземпляре, птичьи, и он стоит над тремя яйцами, похожими по форме на яблоки и представляющими орган другого пола.

Что касается последнего упомянутого предмета, то в Ниме в процессе земляных работ на месте римских бань был найден другой весьма примечательный памятник, свидетельствующий о несомненном существовании там тайного культа. Это квадратная каменная глыба, четыре стороны которой, как представлено на нашей гравюре, покрыты сходными изображениями женских отличительных половых признаков, выстроенных в ряды (см. илл. XXIV, рис. 4). Он, очевидно, служил постаментом, возможно, для статуи или алтаря. Этот любопытный монумент нынче хранится в музее Нима.

Поскольку Ним, несомненно, был центром культа Приапа на юге Галлии, то и в других местах должны оказаться такие центры, возможно меньшие по значению, и мы можем отыскать их следы на северных границах римской провинции, даже по другую сторону Рейна. На месте римских поселений близ Ксантена, в нижнем Хессе, было найдено большое количество керамических изделий и других предметов, характер которых не оставляет сомнений в том, что в здешних краях этот культ был весьма распространен. Но римское поселение, находившееся на месте современного города Антверпена, видимо, являлось одним из самых заметных центров культа Приапа на севере Галлии, и он продолжал существовать там вплоть до сравнительно недавнего времени.

Переправившись в Британию, мы обнаруживаем, что этот культ распространился по нашему острову не ме-

Илл. XXV. Древнее изображение, найденное в Ниме в 1825 г.

нее широко и утвердился столь же основательно. Как отлично известно нашим собирателям древностей, изваяния Приапа, фаллические бронзовые изделия, керамика, покрытая непристойными рисунками, обнаруживаются повсюду, где имеются какие-либо существенные остатки римской оккупации. Многочисленные фаллические фигурки из бронзы, которые находят в Англии, совершенно сходны по характеру с теми, которые встречаются во Франции и Италии. В качестве иллюстрации этого факта мы приводим два образца тройных фаллосов, которые, если верить пояснению Плутарха, являлись излюбленными амулетами. Первый был найден в Лондоне в 1842 году (см. илл. VII, рис. 3). Как и в образцах, найденных на континенте, главный фаллос образует тело, задняя часть которого, несомненно, принадлежит собаке, с крыльями своеобразной формы, которые, возможно, должны изображать крылья дракона. Несколько

мелких колец подвешены к нему явно с той же целью, с какой подвешивались колокольчики. Наш второй образец (см. илл. VII, рис. 4) был найден в Йорке в 1844 году. Особенность изображенного действия, по крайней мере в этом случае, не оставляет сомнений в том, что задняя часть должна принадлежать собаке. Все коллекционеры, каков бы ни был их опыт, знают множество непристойных изделий, которые встречаются среди превосходной красной керамики, именуемой самосской и обнаруживаемой в таком изобилии на местах всех римских поселений нашего острова. Они изображают эротические сцены во всех смыслах этого слова, беспорядочные сношения между полами, даже пороки, противные природе, с фигурками Приапа и фаллическими символами. Мы приводим в качестве примера одну из *наименее* необычайных сцен, соответствующую этому описанию и скопированную с чаши самосской керамики, найденной на Кэннон-стрит, Лондон, в 1828 году (см. илл. VII, рис. 1).

Лампы, главным образом керамические, образуют еще один класс предметов, на которых часто изображались такие сцены и которым часто придавались грубые фаллические формы. Одна из таких фаллических ламп представлена на той же иллюстрации, что и вышеописанная самосская чаша (см. илл. VII, рис. 2). Вряд ли необходимо пояснять, какой предмет изображает эта лампа, которая была найдена в Лондоне несколько лет назад.

Вся эта непристойная керамика должна расцениваться, без сомнения, как доказательство крайней развращенности нравов римского общества в Британии, но она свидетельствует кое о чем большем. Маловероятно, что такие предметы могли находиться в свободном обращении за семейным столом. Мы можем предположить, что они употреблялись в особых случаях, на праздниках, возможно связанных с тем безнравственным культом, который мы сейчас обсуждаем, одним из тех, что так выразительно описывает в своих сатирах

Ювенал. Но на этом острове находятся памятники, которые относятся к культу Приапа римского периода.

В приходе Эдел в Йоркшире имеется значительное количество следов римского пребывания; есть впечатление, что это поселение было довольно значимым, и, следовательно, там находились храмы. На их месте были найдены алтари и камни с надписями, которые в течение долгого времени хранились в пристройке дома приходского священника Эдела, ныне они помещены в музей Философского общества в Лидсе. Один из наиболее любопытных из них, гравюру с которого мы здесь приводим впервые (см. илл. XXVI, рис. 1), имеет вид исполненного по обету приношения Приапу, к которому здесь было принято обращаться по имени Ментула. Этот грубый необработанный камень был выбран, видимо, из-за того, что имел достаточно плоскую и гладкую поверхность. Неумелый ремесленник явно не был способен прорезать непрерывную ровную линию. Середину камня занимает фигурка фаллоса, а вокруг нее можно прочесть очень отчетливо вырезанные слова: «PRIMINVS MENTLA».

Автор надписи был не только неумелым, но и безграмотным резчиком, он пропустил часть латинских букв, а частью ошибся в их написании. Таким образом, надпись должна читаться как *Priminus Mentalæ*, то есть Приминус — Ментуле (олицетворенный предмет), и это могло быть подношение по обету от некоего человека по имени Приминус, который нуждался в наследнике или страдал половым бессилием, Приапу, чьей помощи он просил. Другая интерпретация основывалась на предположении, что Ментла или, возможно, Ментила или Ментилла может быть именем женщины, вместе со своим мужем совершившей это приношение ради их общего блага. Первая из этих интерпретаций, однако, кажется наиболее вероятной. Этот предмет относится к довольно позднему периоду римского завоевания. Еще один *ex voto* того же рода был найден в Шотландии, в Вестервуд-Форт, одной из римских кре-

постей на Антониевом валу. Этот предмет (см. илл. XXVI, рис. 2) представляет собой квадратную каменную плиту, в середине которой изображен фаллос, а под ним слова EX VOTO. Выше находятся буквы XAN, означавшие, возможно, что человека, сделавшего это подношение, десять лет тяготило несчастье, избавления от которого он просил у Приапа. Мы можем указать также на фаллический памятник другого рода, который до некоторой степени напоминает нам более утонченные изваяния Нима. В Хаустедсе, в Нортумберленде, можно видеть громадные и производящие внушительное впечатление развалины одного из римских фортов на Адриановом валу, который назывался Борковик. Стены входного проема сохранились особенно хорошо, и на стене караульного помещения, пристроенного к одной из них, есть каменная плита с изображением фигуры, представленной на нашей илл. XXVI, рис. 3. Это грубо очерченный набросок фаллоса с птичьими лапами, напоминающий некоторые из памятников Франции и Италии, описанные выше. Такие фаллические рисунки, без сомнения, предназначались для всеобщего обозрения, поскольку они, как предполагалось, оказывали защитное воздействие на местность или на здание, и человек, взглянувший на эту фигуру, верил, что по крайней мере в этот день зло не угрожает. Рисунки, аналогичные этому фаллосу из Хаустедса, по нашему мнению, можно было видеть и на стенах некоторых других римских фортов.

Хотя рассматриваемый нами культ был чрезвычайно широко распространен среди римлян и во всех римских провинциях, он был свойствен далеко не только им, поскольку то же самое суеверие образовало часть религии тевтонской расы и переносилось этой расой всюду, где бы она ни обосновывалась. Тевтонский бог, который соответствовал римскому Приапу, именовался англосаксами Фреа, древними норвежцами — Фрейр, а древними германцами — Фро. У шведов главным центром его культа была Упсала. Адам из Бремена, жив-

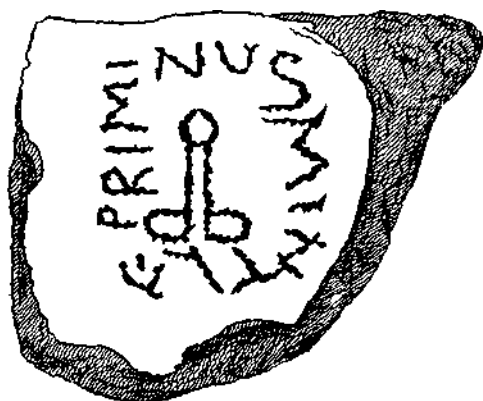

Рис. 1

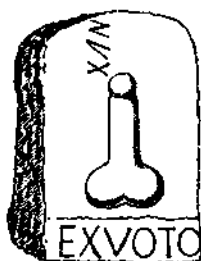

Рис. 2

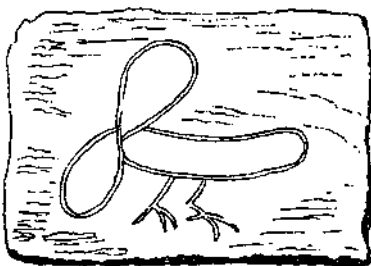

Рис. 3

Илл. XXVI. Фаллические памятники, найденные в Шотландии

ший в XI столетии, описывая, в каком виде представляли богов, рассказывает, что «третий из богов Упсалы был Фрикко [другая форма этого имени], который даровал смертным мир и наслаждение и который изображался с огромным *приапом*», и добавляет, что на свадебных торжествах они приносили жертвы Фрикко. И действительно, этот бог, подобно Приапу римлян, ведал размножением и плодovitостью как животного мира, так и растительной жизни, и к нему взывали в соответственных случаях. Ире (Ihre) в своем *Glossarium Sueco-Goticum* упоминает памятники древности, извлеченные из земли на севере Европы, которые ясно свидетельствуют, насколько распространены были фаллические

ритуалы. Этому божеству, или его женской ипостаси, известной под тем же именем — тевтонской Венере, Фриге, — был посвящен пятый день недели, за счет чего он и получил свое название: в англосаксонском *Frige-dæg*, а в современном английском — *Friday*. *Frige-dæg* является именем, которое иногда в англосаксонском дается самому Фреа; в хартии, датированной 959 годом, которая опубликована в *Codex Diplomaticus* Кембла, одна из отметок на границе участка именуется *Frige-dæges-Tréow* — что, очевидно, означает «дерево Фреа». Оно, вероятно, было посвященным этому богу. Вокруг дерева и совершались приапические ритуалы. В Йоркшире существует место под названием Фрайди-Торп; и в разных частях Англии встречается название Фристон, означающее, вероятно, камень Фреа или Фриги; и мы, видимо, не ошибемся, предположив, что эти и другие наименования, связанные со слогом Фри или Фрай, относятся к множеству памятников существования фаллического культа у наших англосаксонских предков. Два обычая, бережно хранимые среди наших старых английских народных суеверий, как считается, берут начало от этого культа: огни нужды и процессия с кабаньей головой на Рождество. Упомянутые огни зажигались в период летнего солнцестояния и по своему происхождению, безусловно, были религиозным обрядом. Кабан (вепрь) был тесно связан с культом Фреа.

Поскольку нам недостает более детальных знаний в этой области тевтонского язычества, мы не имеем возможности установить, произошли ли некоторые из суеверий, обычных в Средние века, от римлян или же от народов, заселивших эти провинции после падения Западной империи; но в Италии и в Галлии (особенно в южных районах), где римские установления и римские нравы упорно сохраняли свое влияние, существовал именно римский фаллический культ, который, постепенно изменяясь в своих формах, таким образом продолжал жить. Сообщения о культе этого рода, естественно, отрывочны и неполны, все же мы можем отчетливо

проследить его существование уже в очень поздний период. Таким образом, у нас есть бесспорное свидетельство, что фаллос, как таковой, был объектом поклонения средневековых христиан и что словесные формулы христианской молитвы в действительности были обращены к нему. У римлян одно из названий мужского органа звучало как *fascinum*; именно так назывались амулеты, которые подвешивали на шею женщинам и детям, и предполагалось, что именно под этим именем он обладал особенным магическим влиянием, которое не только воздействовало на окружающих, но и обороняло тех, кто находился под его защитой, от магических или иных злых воздействий извне. Отсюда происходят слова *to fascinate* — «очаровывать» и *fascination* — «очарование».

Вероятно, это слово превратилось в простонародное, или вульгарное, название фаллоса. По крайней мере, оно употребляется в этом смысле, на закате римского владычества, поскольку при первых отчетливо различных признаках культа, которые мы обнаруживаем впоследствии, он наделяется этим именем, позднее принявшим во французском языке форму *fesne*. Средневековый культ *fascinum* впервые упоминается в VIII столетии. В церковном трактате, озаглавленном *Judicia Sacerdotalia de Criminibus*, который относят к концу этого столетия, указывается, что «если кто молится *fascinum* или же творит иные молитвы, кроме «Верую» или «Отче наш», то наложить епитимью на него, посадив на хлеб и воду в продолжение трех Великих постов». Акт собора в Шалоне, состоявшегося в IX веке, налагал запрет на тот же обычай почти теми же словами; а в XII веке Бурхарди повторил их вновь, что является доказательством того, что культ этот продолжал существовать. То, насколько он был силен еще долго после этого, доказывается статутами собора в Мансе, утвержденными в 1247 году, которые точно так же предписывают наказание для того, «кто грешит, взывая к *fascinum*, или творит любые заклинания, за исключением Символа веры,

Молитвы Господней или иной канонической молитвы». Это же положение было принято и возобновлено в статутах Турского собора 1396 года, в которых, поскольку они издавались на французском языке, латинское *fascinum* было представлено французским *fesne*. *Fascinum*, к которому этот культ был обращен, должен был являть собой нечто большее, нежели маленький амулет.

И поскольку мы, таким образом, подошли к концу XIV столетия, это показывает нам, как долго открыто исповедуемый культ производительных сил природы, представленных производящими органами, продолжал существовать в Западной Европе на таком уровне, что привлекал внимание церковных соборов. В течение предыдущего столетия на нашем родном острове происходили события, которые служили еще более любопытной иллюстрацией того, что культ Приапа по-прежнему продолжал существовать, в подробностях, которые напоминают нам в совокупности детальное описание фаллического культа римлян. Необходимо помнить, что главной и единственной целью этого поклонения было добиться, чтобы скот плодился и давала урожай земля, поскольку Приап был богом садоводов и земледельцев. Святой Августин, осуждая откровенные непристойности римского праздника либералии, рассказывает, что во время этого праздника гигантских размеров фаллос в великолепной колеснице вывозили с большим почетом на середину людной площади, где к нему приближалась самая достойная матрона и возлагала гирлянду цветов «на эту непристойную фигуру»; и это, говорит он, делалось для ублажения идола и «чтобы получить обильный урожай и очистить землю от колдовства».

Из «Хроник Ланеркоста» мы узнаем, что в 1268 году по шотландскому Лотиану распространилось моровое поветрие, которое было губительно для скота, и, чтобы противодействовать ему, кое-кто из духовенства надумил крестьян зажигать огонь трением дерева о дерево

(что и является «огнем нужды») и воздвигать изображения Приапа, каковыми средствами они могли спасти свой скот. «Когда нерадивый монах цистерцианского ордена проделал это в Фентоне перед входом в усадьбу и окропил скот песьими тестикулами, окунув их в святую воду, и против лорда того поместья поступила жалоба на это идолопоклонское злодеяние, последний сослался в свою защиту на то, что все это было проделано без его ведения и в его отсутствие, но добавил: «Перед тем в месяце июне скотина других владельцев заболела и издохла, моя же была всегда при мне, но теперь каждый день две или три у меня подышают, так что для работы в поле у меня осталось очень мало». Через четырнадцать лет после этого, в 1382 году, подобное же событие произошло в Инверкейтинге — ныне это графство Файф в Шотландии. Причина следующих действий не установлена, но она, возможно, была той же самой, по которой цистерцианец из Лотиана прибег к помощи культа Приапа. В Пасхальную неделю упомянутого года (29 марта — 5 апреля) приходской священник Инверкейтинга по имени Джон совершил приапический обряд, собрав юных девушек селения и заставив их танцевать вокруг фигуры этого божества; ничуть не снисходя к полу верующих девиц, он вынес деревянное изображение мужских производительных органов перед танцующими, и сам танцевал с ними, и сопровождал их песни соответственными жестами, и требовал от присутствующих совершения безнравственных действий в не менее безнравственных выражениях. Более скромная часть собравшихся была возмущена священником, но он отнесся к их речам с презрением, лишь разразился грубыми непристойностями. Будучи вызван и представлен перед епископом, он сослался в свою защиту на общепринятый в тех краях обычай, и ему было позволено сохранить свой приход; однако у этого священника, должно быть, был вполне мирской нрав, даже по меркам Средних веков, поскольку год спустя он был убит в вульгарной драке.

Обычай помещать фигуру фаллоса на стенах домов, ведущий начало, как мы увидели, от римлян, был распространен также и в Средние века, и строениями, которые с особенным тщанием вверяли защите этого символа, были церкви. Бытовало убеждение, что он оберегает от всевозможных видов колдовства, которое наводило на тогдашний народ непреходящий ужас, и эта защита распространялась как на само отмеченное им место, так и на тех, кто его часто посещал, при условии, что они смотрели на изображение с верой. Такие изображения можно было видеть, обычно над входами, на кафедральном соборе в Тулузе, на нескольких церквях в Бордо и на множестве других французских церквей, но во время революции их часто разбивали, так как видели в них лишь признаки развращенности духовенства. Дюлор утверждает, что художник, с которым он знаком, но имени которого он, однако, не называет, сделал рисунки с множества этих фигур, попадавшихся ему в подобных случаях. Некоторые из свойств Приапа были, так сказать, делегированы им христианскому святому: образ святого Николая обычно находился в церкви на видном месте, поскольку считалось, что любого, кто взглянет на него, он до конца дня защищает от чар, и особенно оберегает от того, что вызывало у народа непреодолимый ужас, — от дурного глаза.

Уникальный в своем роде факт: в Ирландии именно женский половой орган изображался на этом месте на церквях в качестве защитного символа, и, поскольку изваяния эти выполнялись старательно, хотя и в грубой манере, это показывает, что их важность оценивали чрезвычайно высоко. На замковом камне арки над входом в церковь изображалась женщина, выставляющая себя на обозрение самым недвусмысленным образом, представая взгляду всех входящих. Такие изображения встречались главным образом на очень старых церквях, и по большей части они сбиты, так что их можно найти только среди развалин. Народ дал им имя Шила-на-Гиг, что, как нам объяснили, означает на ирландском

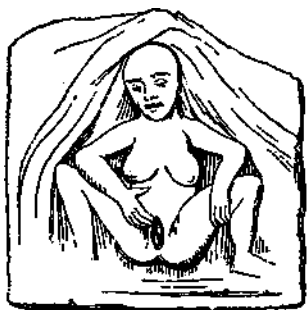

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

Рис. 4

Илл. XXVII. Изображения Шила-на-Гиг

Джулиана Гулящая, и это просто название бесстыдной женщины; но слишком хорошо понятно, что изображения эти предназначались в качестве защитных чар против дурного глаза. Мы приводим рисунки всех доселе известных образцов на илл. XXVII и XXVIII. Первая из них (см. илл. XXVII, рис. 1) была найдена в старой церкви Рочестона, что в графстве Типперери, где она давно была известна жителям окрестностей под вышеупомянутым именем. Она располагалась на арке над входом, но впоследствии была оттуда убрана. Наш второй образчик (см. илл. XXVII, рис. 2) Шила-на-Гиг был снят со старой церкви в графстве Кэвен, которую позднее снесли, и сегодня изображение хранится в Дублин-

ском музее Общества любителей древностей. Третью (см. илл. XXVII, рис. 3) обнаружили в замке Баллинахенд, также в графстве Типперери; и четвертая (см. илл. XXVII, рис. 4) хранится в музее Дублина, но нам неизвестно, откуда она получена. Следующая (см. илл. XXVIII, рис. 1), которая также теперь хранится в Дублинском музее, была взята из старой церкви на Белом Острове, в Луг-Эрне, графство Фермана. Эта церковь, как предполагают ирландские коллекционеры, является весьма древним строением, поскольку некоторые из них считают, что она построена не позднее VII века, но это, вероятно, преувеличение. Следующая за ней (см. илл. XXVIII, рис. 2) украшала старинную церковь, снесенную по предписанию церковной комиссии, и была преподнесена в дар Дублинскому музею покойным Дином Доусоном. Наш последний экземпляр (см. илл. XXVIII, рис. 3) поначалу был собственностью сэра Бенджамина Чэпмена, владельца замка Киллоа, Вестмит, а теперь находится в частной коллекции в Лондоне. Фигурка была найдена в 1859 году в Хлоране, на лугу поместья сэра Бенджамина, известного под названием «Старый город», откуда за прошедшее время разобрали камни, хотя там до сих пор сохранились едва заметные остатки постройки. Этот камень был найден на глубине примерно полутора метров под землей, что показывает, что это здание — без сомнения, церковь, — должно быть, превратилось в руины давным-давно. Бок о бок с этим лугом, на расстоянии около 180 метров от места, где была найдена Шилана-Гиг, располагается заброшенный церковный дворик, отделенный от «Старого города» только грубо сложенной, не скрепленной раствором каменной стеной.

Вера в благотворную силу этого изображения уходит корнями в глубокую древность, и это суеверие по-прежнему существует у всех народов, которые не достигли определенного уровня цивилизации. Всеобщее распространение этого культа заставляет нас предположить, что Геродот мог заблуждаться, давая свое объяснение некоторым довольно примечательным памят-

никам отдаленной древности. Он поведал, что Сесострис, фараон Египта, в завоеванных им странах воздвигал колонны, на которых приказывал изображать женский породительный орган в знак презрения к тем, кто ему так легко покорился¹.

Если наши предположения верны, почему бы этим колоннам не иметь иного предназначения? Они могли воздвигаться в качестве защиты для жителей этой местности и располагаться в таких пунктах, где отовсюду были видны. Эти же суеверные чувства могут подсказать истинное объяснение события, которое, как утверждают, представлялось в элевсинских мистериях. Церера, блуждающая по земле в поисках своей дочери Прозерпины и обессиленная горем, вызванным потерей, пришла в хижину афинской крестьянки, женщины по имени Баубо, которая приняла ее ласково и предложила ей освежающий напиток, который греки называли кикеон (κυκεων). Богиня отвергла ее радушие и не принимала никаких утешений. Отчаявшись наконец, Баубо придумала другое подходящее средство, чтобы успокоить горе своей гостьи. Она освободила свои половые органы от тех внешних признаков, которые составляют свидетельство зрелости, и затем предоставила их взгляду Цереры, которая при виде этого зрелища рассмеялась, забыла свои печали и выпила кикеон². Наилучшее объяснение этой истории дает господствовавшая тогда вера в благотворное влияние этого зрелища, и, таким образом, она не является простой шутливой выходкой.

Это суеверие, которое, как показывает Шила-на-Гиг на церквях Ирландии, было широко распространено в Средние века, объясняет существование и дру-

¹ Геродот. Евтерпа. Гл. 102. Диодор Сицилийский добавляет к сообщению Геродота, что Сесострис также воздвигал колонны с изображением мужского породительного органа в качестве похвалы тем народам, которые защищались храбро.

² Эту историю пересказали два раннехристианских автора — Арнобий и Климент Александрийский. Последний автор просто сказал, что Баубо выставила свои части на обозрение богини, без тех подготовлений, о которых упоминает Арнобий.

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

Илл. XXVIII. Изображения Шила-на-Гиг

того рода древностей, не столь необыкновенного. Это маленькие фигурки обнаженных женщин, выставляющих себя напоказ точь-в-точь тем же способом, что и только что упомянутые изваяния на ирландских церквах. Такие фигурки обнаруживались не только среди римских, греческих и египетских древностей, но и у каждого народа, который имел хотя бы какое-то представление об искусстве, от аборигенов Америки до куда более цивилизованных туземцев Японии; и было бы легко привести примеры почти для каждой известной нам страны, но мы ограничиваем себя нашей, более специальной частью этой темы. В прошлом веке в герцогстве Мекленбург-Стрелитц, в части Германии, когда-то захваченной вандалами и племенем ободритов, которые, как считается, принадлежат к вендам, было найдено множество маленьких статуэток из металла, грубо, но очень своеобразно выполненных. Они, по-видимому, должны были изображать определенные божества, которым поклонялись изготовлявшие их народы; на некоторых из них есть надписи, одна из которых написана руническими литерами. С учетом этой детали можно предположить, что они принадлежали к периоду вряд ли намного более позднему, чем падение

Западной империи. Некоторое время спустя на острове Сардиния было найдено несколько металлических статуэток, настолько точно совпадающих с вышеупомянутыми, что д'Анкарвилль, опубликовавший сообщение о них с приложением гравюр, рассудил, что есть основания приписать их вандалам, которые завладели этим островом, так же как и той частью Германии, о которой сказано выше.

Одно из этих изображений, которое д'Анкарвилль посчитал Венерой из мифологии вандалов, представляет полулежащую женщину с крыльями и когтями птицы, которая держит разрезанный гранат, считавшийся, как отмечает д'Анкарвилль, символом, представляющим женский половой орган. На самом деле эта форма и эта идея еще более недвусмысленно были представлены в уже описанных нами римских фигурках (см. илл. XXIV, рис. 4, XXIX и XXXIV), но и во времена Средневековья они никуда не делись, о чем свидетельствует народное название этого органа — *абрикос*, или, для большей полноты соответствия, *abricot fendu* (разрезанный абрикос. — *фр.*), которое использовал Рабле и которое, по нашему мнению, еще сохранилось во Франции. Данный любопытный образчик представлен на нашей иллюстрации (см. илл. XXIX, рис. 1, 2, 3), как и у д'Анкарвилля, в трех различных ракурсах. Несколько фигурок, обладающих сходными признаками, но представляющих данный предмет в более прозаической форме, были привезены из Египта французом, который занимал в этой стране официальный пост, и три из них теперь находятся в частной коллекции в Лондоне. Мы даем здесь гравюру с одного из этих маленьких бронзовых изделий (см. илл. XXIX, рис. 4), которое, как можно видеть, представляет собой точный двойник Ши-ла-на-Гиг. Эти египетские изображения, несомненно, принадлежат к римскому периоду. Другая похожая фигурка (см. илл. XXXI, рис. 5), отлитая из свинца и явно относящаяся к периоду Средневековья, была найдена в Авиньоне и хранится все в той же вышеупомянутой

частной коллекции; и третья (см. илл. XXXIII, XXXIV, рис. 4) была откопана около десяти лет назад в Кинг-стоне-на-Темзе. Вид этих статуэток наводит на мысль, что они являлись переносными изображениями, предназначенными для той же цели, что и Шила, которые люди могли бы иметь под рукой всякий раз, когда им требовалось взглянуть на них, обороняясь от дурного глаза или какого-либо иного колдовства.

До сих пор нам не попадались бесспорные свидетельства существования Шила-на-Гиг за пределами Ирландии. Нам известно, что в одной из маленьких церквушек на девонском побережье был найден подобный образец; и среди архитектурных украшений очень древней церкви Сан-Феделе в Комо, в Италии, попадаются любопытные скульптуры, которые, по-видимому, принадлежат к этому же классу. Три из них изображены на нашей илл. XXX. Вверху справа на дверном косяке (см. илл. XXX, рис. 1) расположена обнаженная мужская фигура и в том же положении с другой стороны — женская (см. илл. XXX, рис. 2). Считается, что эти фигуры представляют Адама и Еву, однако наш информант, которому мы обязаны этими рисунками, рассказывает, что наверху находится просто «фигура женщины, раздвинувшей ноги» (см. илл. XXX, рис. 3). Понятно, что поверхность камня, из которого высечены эти изваяния, настолько истерлась, что попросту нельзя определить, имелись ли когда-либо у этих фигур отчетливо выраженные половые органы, но, судя по жестам рук и позам, в которых эти фигуры расположены, они, похоже, имеют самое детальное сходство, за исключением того, что превосходят изяществом исполнения, с Шила-на-Гиг из Ирландии. Вряд ли можно сомневаться, что суеверие, с которым связаны подобные предметы, породило множество непристойных скульптур, которые так часто обнаруживают на церковных зданиях Средневековья. Покойный барон фон Хаммер-Пюргшталь опубликовал ученый труд о памятниках разного рода, которые он рассматривает как примеры, иллюстрирую-

щие тайную историю ордена тамплиеров. Из нее мы узнаем, что в его время в церкви Шенграбер, в Австрии, существовал ряд чрезвычайно непристойных скульптур, изображения которых он намеревался привести в своей книге, но гравюры не прибыли в срок; однако он поместил гравюру капители колонны в церкви Эгры, городка в Богемии, с которой мы приводим копию (см. илл. XXIX, рис. 6). На ней оба пола демонстрируют свои члены, которые считались действенной защитой против колдовских чар.

В Средние века изображения женского органа, так же как и мужского, по-видимому, были распространены в Западной Европе гораздо более широко, чем мы можем представить. Их размещали на зданиях как талисман против злых сил, и особенно против черной магии и сглаза, и в этих целях они использовались в самых разных частях света. Среди арабов Северной Африки был распространен обычай прикреплять над входом в дом или в палатку или в других случаях прибивать гвоздями к доске производительный орган коровы, кобылы или верблюдицы, как талисман, отвращающий влияние дурного глаза. Естественно, что изображение этого члена гораздо более подвержено деформированию, чем изображение члена мужского, поскольку неумелому рисовальщику гораздо труднее очертить его четкую форму, и поэтому оно вскоре стало принимать вид, который, при явном стремлении авторов изобразить именно этот орган, мы скорее назвали бы символическим, хотя никакого символизма не подразумевалось. Таким образом, изображение женского органа легко приняло грубую форму подковы, и, поскольку первоначальный его смысл был утрачен, оно без труда заменилось этим предметом, и уже настоящую подкову стали прибивать для той же самой цели. Возникший таким путем, очевидно, из народного культа производительных сил природы, простонародный обычай прибивания подковы на зданиях с целью защиты их и всего, что в них находится, от сил черной магии продолжает

Рис. 1

Рис. 2

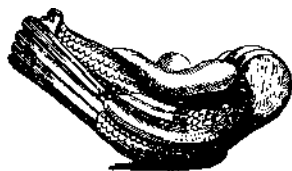

Рис. 3

Рис. 4

Рис. 5

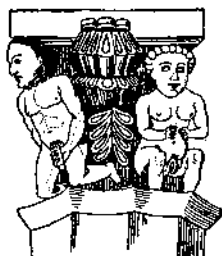

Рис. 6

Илл. XXIX. Венера вандалов, бронзовые и свинцовые фигурки и капитель колонны

существовать в крестьянской среде в некоторых районах Англии и поныне. Иногда среди архитектурных украшений можно обнаружить другие знаки, такие как четкие треугольники и тройные петли, которые, возможно, являются символическими формами того же предмета. Нам сообщали, что в Ирландии есть старинная церковь, где на одной стороне двери нарисован мужской орган, а на другой — Шила-на-Гиг, и что, хотя эти изображения сравнительно современные, их значение в качестве защитных талисманов вполне понятно. Мы можем легко представить людей, подверженных этим суевериям, которые, остановившись на мгновение у стены здания, рисуют на ней такую фигуру, желая себя защитить; таким образом, по-видимому, можно сделать вывод, что широко распространенное пристрастие к рисованию фаллических фигур на свободных участках стен и в других местах восходит к суеверным чувствам.

Античность превратила Приапа в божество, Средние века возвели его в звание святого, причем под несколькими именами. На юге Франции, в Провансе, Лангедоке и Лионе, ему поклонялись под именем святого Футэна.

Это имя, как утверждают, является просто искаженным именем Фотин (*Fotinus* или *Photinus*) — именем первого епископа Лионского, которому — возможно, благодаря вульгарному истолкованию этого имени — народ приписывал отличительный атрибут Приапа. Это был большой деревянный фаллос, который служил предметом почитания женщин, особенно тех, которые были бесплодны. Они скоблили деревянный член и, размешав соскобленные стружки в воде, выпивали последнюю как средство против своего бесплодия или давали пить своим мужьям, веря, что это поможет увеличить их мужскую силу. Поклонение этому святому в том виде, в каком оно существовало в разных краях Франции к началу XVII столетия, описано в уникальной книге — *Confession de Sancy*.

Из нее мы узнаем, что в Варайле, в Провансе, святому Футэну делали приношения в виде восковых изображения членов обоих полов, подвешивая их к потолку его часовни; и писатель замечает, что поскольку потолок был весь ими увешан, то, когда ветер их колебал, это производило действие, которое умышленно возбуждало религиозное рвение верующих. Вряд ли необходимо пояснять, что это именно тот вид поклонения, который существовал в Изернии, в Неаполитанском королевстве, где он был представлен в той же форме. В Эмбруне, в департаменте Верхних Альп, фаллосу святого Футэна поклонялись в ином виде: женщины обливали конец фаллоса вином, которое собиралось в сосуд, где и оставалось, пока не скисало; получившееся содержимое называлось «*sainte vinaigre*» (святой уксус. — *фр.*), и женщины употребляли его для цели, о которой говорится неясными намеками. Когда протестанты в 1585 году заняли Эмбрун, они нашли этот фаллос, за-

ботливо хранившийся среди реликвий главного собора; его кончик был красным от вина, которым его поливали. Гораздо большей величины деревянный фаллос, обтянутый кожей, служил объектом поклонения в церкви Святого Евтропия в Оранже, но он был конфискован протестантами и публично сожжен в 1562 году. Подобным же образом святому Футэну поклонялись также в Пурины, в Сиве в епархии Вивьер, в Вендре в Бурбонне, в Оксерре, в Пюи-ан-Веле, в монастыре Жиру близ Сампиньи и в других местах. На расстоянии около 5 километров от Клермона в Оверни есть (или была) отдельно стоящая скала, по форме напоминающая огромный фаллос, которую в народе именовали святым Футэном. Подобные фаллические святые служили объектами поклонения под именами святого Герлишона, или Грелюшона, в Бурдые в епархии Бурга, святого Жия в Котантене в Бретани, святого Рене в Анжу, святого Рено в Бургундии, святого Арно и прежде всего святого Гиньоля в окрестностях Бреста и в селении Ла-Шатле в Берри. Многие из них в прошлом веке еще существовали, и поклонение им было обыденностью; у некоторых из них деревянный фаллос, судя по описаниям, был сильно стерт от постоянного соскабливания, тогда как у других потери, вызванные соскабливанием, постоянно чудом восстанавливались. Это чудо, однако, производилось весьма неискусно, поскольку фаллос представлял собой длинный деревянный шест, который был просунут в дыру посреди тела, и, когда окончание фаллоса спереди укорачивалось, удар колотушки сзади выдвигал его вперед, так что он восстанавливался до своей первоначальной длины.

Есть впечатление, что существовал также и другой обычай поклоняться этим святым, который тоже вел начало от способа поклонения Приапу у древних, с их традиционной брачной церемонией, согласно которой невеста предлагала свою девственность Приапу, что делалось путем помещения ее сексуальных органов на кончик фаллоса, а иногда и введения последнего внутрь

и даже полного завершения жертвоприношения. Эта церемония представлена на мраморном барельефе, гравюра с которого хранится в Музее древностей Геркуланума; ее целью было расположить к себе благосклонность божества и отвратить бесплодие. Обычай этот описан ранними христианскими авторами, такими как Лактанций и Арнобий, как повсеместно распространенный среди римлян; и он продолжает существовать на огромном пространстве Востока, от Индии до Японии, а также на островах Тихого океана. На площади в Батавии стоит пушка, отнятая у туземцев и помещенная там голландским правительством как трофей. Особенность ее состоит в том, что запальное отверстие сделано в виде кулака, сложенного в фаллический символ, с большим пальцем, образующим фигуру, именуемую «фига», которую мы опишем несколько позже. Представления о почитании плодотворящих сил природы связаны с цветочными гирляндами или букетами, которые являются его неотъемлемыми символами. Имеются следы существования этого обычая в Средние века. Что касается некоторых приапических святых, упомянутых выше, то женщины искали у них избавления от бездетности, целуя кончик фаллоса; иной раз они прижимали обнаженные части своего тела к изображению святого и даже садились на него. Эта последняя особенность была, возможно, чересчур бесстыдной, чтобы заимствованная непристойность языческого культа могла продолжаться долго или осуществляться открыто; но существовал более невинный способ возлечь на тело святого или сесть на камень, при котором не подразумевалось наличие напряженного члена. Во Франции, в углу церкви селения святого Фиакра, близ Мусо, находится камень, называемый креслом святого Фиакра, который дарует плодovitость женщинам, садящимся на него; но необходимо, чтобы между их обнаженной кожей и поверхностью камня ничего не было. В церкви Орсиваль в Оверни есть колонна, которую бездетные женщины целуют с той же целью и которая, вероятно, замещает

некий менее двусмысленный объект. По крайней мере, традиционно подобные обычаи были связаны со святым Футэном, поскольку известно, что существовал обычай, согласно которому девица накануне свадьбы должна была пожертвовать этому святому свое последнее девическое платье. Это суеверие было распространено так широко, что вошло в поговорку. Есть история про юную новобрачную, которая в брачную ночь пыталась убедить своего мужа в том, что до той поры хранила целомудрие, несмотря на то что она, как выражается автор, «давно пожертвовала покров своей девственности на алтарь святого Футэна». К этой форме идолопоклонничества, как утверждают, восходит тот порок, который, предположительно, распространен особенно в женских монастырях, — использование женщинами искусственных фаллосов, что, похоже, первоначально служило религиозным обрядом. Он, несомненно, существовал в очень отдаленную эпоху, поскольку на него недвусмысленно намекает Священное Писание, где он явно рассматривается как часть языческого культа. Он встречался и в ранний период Средневековья, и был упомянут в церковных наказаниях, с соответствующей епитимьей, которая за него накладывалась. Одно из этих «правил покаяния» VIII века говорит о «женщине, которая самолично либо при помощи другой женщины совершает нечистое», каковую вину она должна искупать покаянием три года, один из них единственно на хлебе и воде; а если бы это нечистое деяние совершалось с участием монахини, наказание возрастало до семи лет, два из них на хлебе и воде. Другое уложение о наказаниях, относящееся к более ранней дате, предусматривает случай, когда обе женщины, участвующие в этом акте, являлись бы монахинями; и Бурхарди, епископ Вормса, один из наиболее известных специалистов в подобных темах, описывает само орудие и его употребление в мельчайших подробностях. Действие это, очевидно, утратило свой религиозный характер и выродилось в простое удовлетворение страстей.

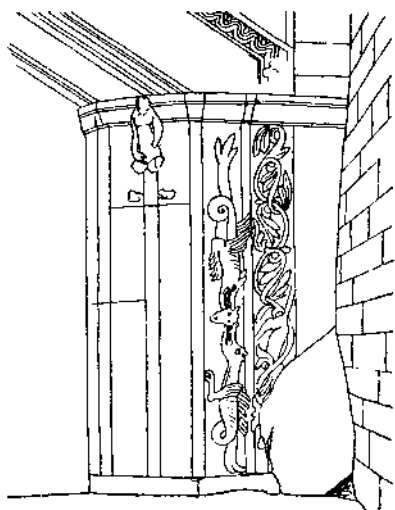

Рис. 1

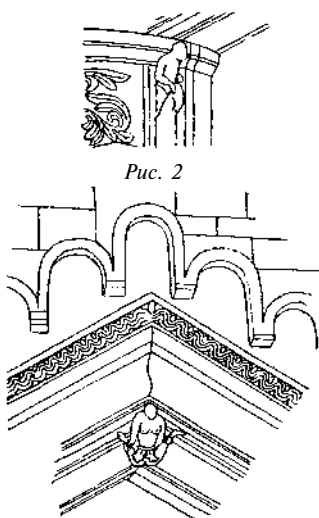

Рис. 3

Илл. XXX. Капитель колонны

Антверпен называют бельгийскими Лампсакузами, и вплоть до сравнительно недавнего времени его святым покровителем был Приап, под именем Терса — слово, происхождение которого считается неизвестным, но которое идентично по смыслу греческому *фаллосу* и латинскому *fascinum*. Джон Горопиус Бекан, в середине XVI века опубликовавший ученый труд о древностях Антверпена, рассказывает, насколько сильно в его время было развито почитание этого Терса в Антверпене, особенно среди женщин, которые обращались к нему при каждом случае, когда были чем-то поражены или внезапно испуганы. Он утверждает, что «ежели они нечаянно роняли сосуд или горшок или спотыкались или ежели какая-либо иная внезапная случайность причиняла им досаду, даже самые почтенные женщины громко зывали к заступничеству Приапа под сим непристойным именем». Горопиус Бекан добавляет, что в его время над дверью дома, примыкающего к тюрьме, находилась статуя, снабженная большим фаллосом, ко-

торый затем либо соскоблили, либо отбили. В числе других писателей, которые упоминают эту статую, есть Абрахам Голнитц, опубликовавший отчет о своих путешествиях во Францию и Бельгию в 1631 году, который сообщает, что это было изваяние, высеченное из камня, около 30 сантиметров высотой, с поднятыми руками и широко расставленными ногами и что фаллос был полностью стерт женщинами, которые имели обыкновение скрести его и делать из полученного порошка снадобье, которое пили, предохраняясь от бесплодия. Голнитц далее говорит, что фигура Приапа была помещена над входом во двор храма Святого Валбургиса в Антверпене, о котором некоторые любители древностей высказывают предположение, что он построен на месте храма, посвященного этому божеству. Судя по сообщениям этих авторов, некогда женщины Антверпена украшали фаллосы подобных фигур гирляндами.

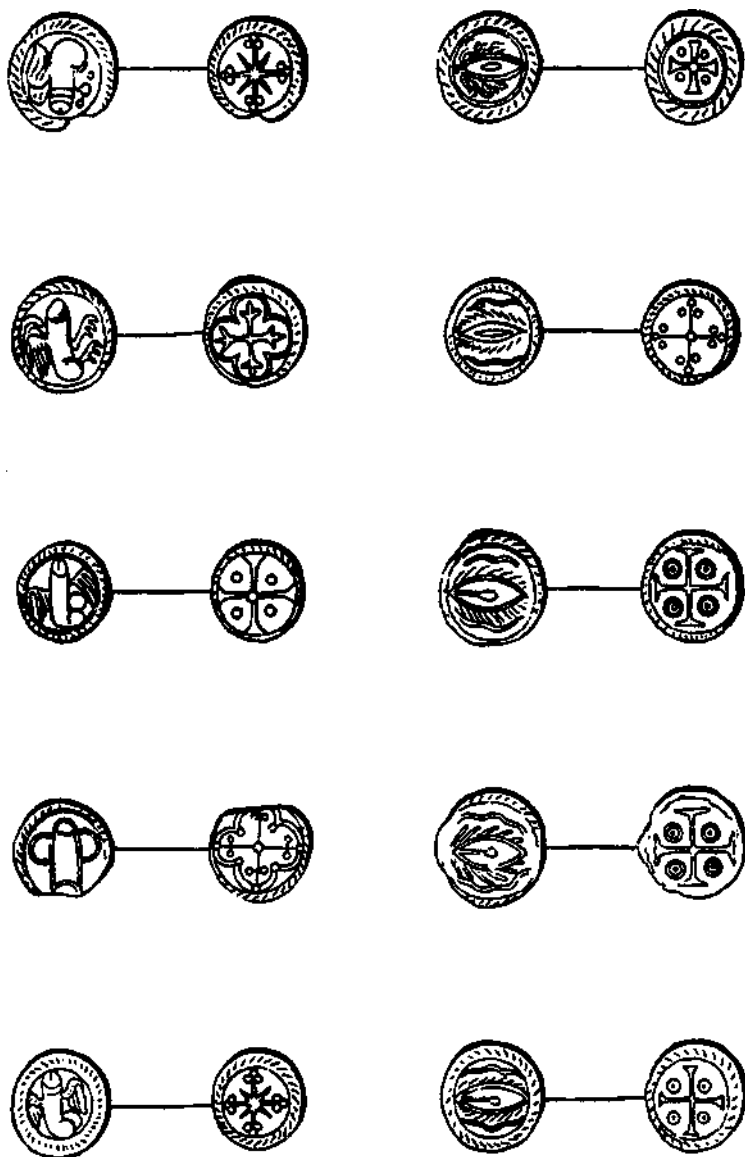
Употребление приапических фигурок в качестве амулетов, ношение их как защиты против дурного глаза и других пагубных воздействий — которое, как мы уже говорили, было чрезвычайно распространено среди римлян — конечно же сохранялось и в Средние века и, как мы увидим немного погодя, не совершенно исчезло и сегодня. Вполне естественно было верить, что эти фигурки, один только взгляд на которые уберегал от несчастья, должны были приносить гораздо больше пользы, если иметь их при себе постоянно. Римляне называли такой фаллический амулет (как при других обстоятельствах называли и саму фигуру) именем *fascinum* — на старофранцузском *fesne*. Об этом предмете мы вряд ли смогли бы найти у средневековых авторов прямое упоминание, но нам встречались образцы самого предмета, обыкновенно сделанные из свинца (что доказывает их народный характер) и датируемые периодом, растянувшимся, вероятно, от XIV до начала XVI века. Поскольку нашим знакомством с этими амулетами мы практически полностью обязаны одному их собирателю из Парижа, М. Форго, который добыл их главным образом

из одного источника — реки Сены, — то надо полагать, что наши теперешние знания о них весьма недостаточны, и вполне вероятно, что такие амулеты были в ходу и в более ранний период. В качестве иллюстрации к данному разделу нашей темы мы можем описать некоторые из этих средневековых фаллических амулетов, хранящихся в частных коллекциях; и вначале обратим внимание на ряд предметов, истинное назначение которых темно и неясно. Это маленькие свинцовые значки или медальоны, имеющие на лицевой стороне изображение мужского или женского органа, а на оборотной — крест: любопытный намек на то, что христианам не был чужд культ производительных сил природы. Эти свинцовые значки, которые находили в Сене, впервые собрал М. Форго, он же известил о них собирателей древностей и в своей работе, посвященной свинцовым фигуркам, найденным в этой реке, опубликовал рисунки образцов. Мы приводим по пять образцов медалей каждого пола, с лицевой и обратной стороны (см. илл. XXXI). Можно видеть, что почти у всех фаллосов, изображенных на этих медалях, имеются крылья; у одного — птичьи лапы с когтями; у другого — колокольчик, подвешенный на «шею». Эти характерные черты демонстрируют либо очень отчетливую традиционную форму римских фаллических украшений, либо являются подражанием образцам римских фаллосов, существовавших тогда, — последнее вероятнее. Однако и это не обязательно, поскольку колокольчики, имеющиеся в двух образцах, приведенных на нашей следующей иллюстрации и также принадлежащих к коллекции М. Форго, средневековые, а не римские, хотя сами образцы имеют все ту же хорошо известную форму. На первом (см. илл. XXXII, рис. 1) женщина держится за уздечку и восседает верхом на фаллосе, снабженном мужскими ногами. Эта фигура, очевидно, предназначалась для украшения платья в качестве броши, на оборотной стороне сохранилась фиксирующая булавка. Два других образчика (см. илл. XXXII, рис. 2, 3) представляют собой фигурки крылатых фал-

лосов, один с колокольчиком, второй с колечком, оставшимся, без сомнения, после того, как колокольчик отломался. Четвертый экземпляр (см. илл. XXXII, рис. 4) представляет собой громадный фаллос, прикрепленный к середине тела маленького мужчины. Еще на одном (см. илл. XXXII, рис. 5), который, очевидно, предназначался в качестве шейной подвески, органы обоих полов объединены. Еще три свинцовые фигурки (см. илл. XXXIII, рис. 1, 2 и 3), очевидно амулеты, которые находились в коллекции Форго, являют собой весьма необычную вариацию этой формы, представляя фигуру, судя по атрибутам, предположительно мужскую, хотя он носит платье и головной убор женщины. Странность состоит в том, что у него имеется фаллос и спереди, и сзади. На той же иллюстрации (см. илл. XXXIII, рис. 4) представлен еще более замечательный пример сочетания креста и эмблемы рассматриваемого нами культа на предмете, найденном в Сан-Агати-ди-Готи близ Неаполя, который находился ранее в коллекции Бересфорда Флетчера, а теперь пребывает в коллекции Амброза Рушенбергера из Бостона (Соединенные Штаты).

Это *cruz ansata*, образованный четырьмя фаллосами, с кружком женских органов вокруг центра; и, судя по петле, он предназначался для подвешивания. Поскольку этот крест изготовлен из золота, нет сомнений, что он предназначался для некой персоны высокого ранга, возможно духовного лица; и едва ли можно сомневаться, что он имеет определенную связь с приапическими ритуалами или празднествами. Последняя фигура на той же иллюстрации также взята из коллекции М. Форго (см. илл. XXXIII, рис. 5). Судя по монашеской сутане и веревке, обвязанной вокруг пояса, можно, видимо, считать ее сатирой на монахов нищенствующего ордена, часть которых не носила штанов, и всех их поголовно обвиняли в том, что от них исходит великая угроза женской нравственности.

В Италии мы можем проследить непрерывную традицию употребления этих фаллических амулетов го-

Илл. XXXI. Украшения, найденные в Сене

раздо более отчетливо, нежели в наших более западных странах. Мы приводим два образца (см. илл. XXXIV, рис. 1, 2) бронзовых амулетов, соответствующих данному описанию. Один из них, как видно на иллюстрации, обвит змеей. Эти амулеты, как считается, настолько важны для личной безопасности того, кто ими владеет, что трудно встретить сельского жителя без такого амулета, который он обычно носит в жилетном кармашке.

Существует другая, менее откровенная фаллическая фигура, в течение многих веков служившая амулетом. У древних было два вида предмета, который коллекционеры именуют фаллической рукой. Один из них тот, где средний палец вытянут вверх, а большой и другие пальцы подогнуты, а второй — где весь кулак сжат, но большой палец просунут между указательным и средним. Первая из этих форм представляется более древней, и понятно, что при помощи вытянутого среднего пальца она должна изображать *membrum virile*, а согнутые пальцы по обеим его сторонам означают тестикулы. Поэтому средний палец руки именовался римлянами *digitus impudicus*, или *infamis*. Греки называли его *καταπύγων*, каковое слово отчасти совпадало по смыслу с латинским, за исключением того, что оно относилось в особенности к унижительным действиям, которые тогда менее скрывались, чем в нынешние времена. Демонстрация руки, сложенной таким образом, называлась у греков словом *πικραλίζειν* и считалась самым низким оскорблением, поскольку оно понималось как утверждение, что человек, которому оно было адресовано, отвержен противоестественному пороку.

Тем не менее жест таким образом сложенных пальцев рассматривался в старину как амулет, защищающий от магического воздействия, и изображение руки, сложенной таким образом, изготавливали из различных материалов и носили при себе, точно так же, как фаллос. Этот предмет нередко встречается среди римских древностей, а гностики приняли его в качестве одного

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

Рис. 4

Рис. 5

Илл. XXXII. Фаллические свинцовые значки,
найденные в Сене

из своих символических изображений. Второй из этих двух видов фаллической руки, где большой палец образует фаллос, также был хорошо известен римлянам. Встречаются часто образцы, изготовленные из разных материалов, таких как бронза, коралл, ляпис-лазурь и горный хрусталь, причем их размер с очевидностью свидетельствует, что эти фигурки предназначались для ношения в качестве подвески на шее или на других частях тела. В неаполитанском *Musée Secret* имеются образцы таких амулетов в виде двух рук, соединенных локтями, причем одна из них оканчивается головкой фаллоса, другая — рукой, сложенной в только что описанную фигуру, — которые, по-видимому, предназначались для подвешивания к дамским ушам. Этот жест руки, по-видимому, получил свое название в позднелатинский период, хотя мы не знаем точно, с какого времени сло-

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

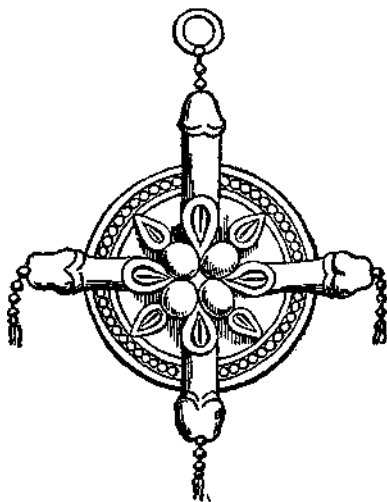

Рис. 4

Рис. 5

Илл. XXXIII. Свинцовые украшения,
найденные в Сене

во *ficus* — фи́га — начало использоваться в этом смысле. *Ficus*, будучи словом женского рода, обрело в народном языке более привычную форму для существительного женского рода — *fica*, от которой произошло итальянское *fica* (теперь заменившееся на *fico*), испанское *higa* и французское *figue*. Флорио, который приводит слово *fica* — фи́га, утверждает, что оно вдобавок используется в смысле «женской притягательности». Видимо, его можно зачислить в один класс с теми несколькими фруктами, вроде граната или абрикоса, которым придавался

эротический смысл¹. Под таким названием на протяжении всего Средневековья, особенно на юге Европы, где римские традиции были сильнее, эта форма сохраняла свое значение и в качестве защитного амулета, и в качестве оскорбительного жеста. Итальянцы называли этот жест *fare la fica*, — сделать или соорудить фигу кому-нибудь; по-испански это звучит *dar una higa* — дать фигу; а у французов, как и у итальянцев, — *faire la figue*. Мы можем проследить употребление этой фразы по крайней мере до XIII столетия. На судебном процессе против тамплиеров в Париже в 1309 году одного из братьев ордена, поскольку он был в своих ответах довольно дерзок и легкомыслен, спросили на допросе ради забавы, «приказывал ли ему вышеупомянутый приемщик (тамплиер, который принимал нового кандидата) показать распятию фигу, устроенную из пальцев». Здесь было употреблено точное латинское слово *figus*; и то же самое во множественном числе в документе от 1449 года, в котором упоминается о требовании *сделать фи́ги* обеими руками другому человеку. Это выражение, по-видимому, появилось в английском языке во времена Елизаветы и было перенято от испанцев, с которыми у англичан тогда были очень тесные отношения. Такой вывод мы делаем из того обстоятельства, что английское выражение звучало *to give the fig (dar la higa)*, писатели Елизаветинской эпохи называли это «испанской фигой».

Это выражение сохранилось во всех упомянутых странах вплоть до нынешних времен, а мы по-прежнему говорим по-английски «дать за это фигу». И это не означает, что мы оцениваем кого-то или что-то не более чем в стоимость фи́ги, но что мы бросаем то оскорбление, которое подразумевается, когда кому-то показывают фаллическую руку, и которое греки, как было сказано выше, называли *οκρίμαλίζειν*. Тот способ выказать презрение, который подразумевался под фигой, все так же

¹ См. выше. Римляне считали фигу плодом, посвященным Приапу. Утверждалось, что причиной тому ее обильное плодоношение.

хорошо известен в среде низших классов английского общества, и он же сохранился в большинстве стран Западной Европы. В испанском словаре Баретти, который относится к началу текущего столетия, мы находим слово *higa*, истолкованное как «манера насмехаться над людьми, состоящая в показывании большого пальца между указательным и средним, прижимая указательный и указывая на человека, которому мы хотим выразить презрение этим отвратительным знаком». Баретти также приводит как еще употребляемое оригинальное значение этого слова: «*Higa* — маленькая рука, сделанная из гагата, которую вешают детям на шею с целью предохранить их от сглаза; суеверный обычай». Использование этого амулета по-прежнему широко распространено в Италии, и особенно в Неаполе и на Сицилии; он имеет то преимущество перед простой формой фаллоса, что, если у человека, который подвергся (или счел, что подвергся) внезапной опасности, нет при себе искусственной *fica*, он может соорудить такой амулет из собственных пальцев. Так глубока в Италии вера в его действенность, что там повсюду рассказывают, что в битве при Солферино король Италии держал свою руку в кармане, сложив пальцы в известную фигуру, и тем оборонялся от вражеских пуль.

Существовали персонажи, связанные с культом Приапа, в которых верили как римляне времен империи, так и другие народы, обосновавшиеся на ее развалинах. Тевтонская раса верила в сверхъестественное существо, которое обитает в лесах и которое на древнегерманском языке называлось *scrat*. Образ этого персонажа был более широк, нежели образ простого обитателя лесов, соответствующий английскому хобгоблину или ирландскому клурикону (клурихону). Скрат был духом лесов и полей, в каковой роли он иногда именовался *waltscrat*, а также домашнего хозяйства, домашним духом, призраком, живущим в доме. Его изображение, вероятно, считалось амулетом, защищающим дом, поскольку в лексиконе древнегерманского языка издания 1482 года

слово *shrætlin* — маленькие скраты — поясняется латинским словом *penates*. Похотливый характер этого духа подтверждается тем, что *scritta* по-англосаксонски и *scrat* на старофранцузском означает «гермафродит». Соответственно, средневековые лексиконы объясняют слово *scrat* при помощи латинских эквивалентов, которые все как один обозначают либо спутников, либо эманации Приапа, а фактически — самого Приапа. Исидор приводит название *Pilosi*, или волосатые люди, и поясняет, что они назывались по-гречески паниты (очевидно, ошибочная форма названия — эфиальты), а поллатыни инкубы или инибы — последнее слово происходит от глагола *inire* и применяется к ним по той причине, что они совокуплялись с животными. По сути, они были фавнами и сатирами древности, бродившими подобно им по диким лесам и отличавшимися той же неумеренной страстью к противоположному полу. Горе скромности той девушки или женщины, которая неосмотрительно забредала в их угодья. Подобно инкубам, они проникают по ночам в дома и силой овладевают кем-либо из женщин, и некоторые наиболее знаменитые герои ранних средневековых романов, такие как Мерлин, были как раз детьми инкубов. В давние времена они были известны в Галлии под именем *Dusii*, от которого мы производим наше современное слово *Deuce* (черт), употребляемое в таких выражениях, как «черт тебя побери!» («*the Deuce take you!*»). В средневековой латыни к ним также применялся термин *ficarii*, либо созвучно смыслу слова *figus*, упомянутого выше, либо потому, что они очень любили фиги. Большинство из этих латинских синонимов приводятся в Англосаксонском словаре Альфрика и истолковываются как «злой народ, духи лесов, злые создания». Один из старых комментаторов Священного Писания описывает этих лесных духов как «чудовищ с наружностью человеческой, чей облик начинается с фигуры человека и оканчивается конечностями зверя». Они были по природе своей наполовину людьми, наполовину козлами и по сути яв-

лялись теми же хобгоблинами, которые позднее прославились в Европе под народным именем Робин Гудфеллоу (славный малый), чей приапический характер достаточно доказывается рисунками, прилагавшимися к некоторым из наших старинных печатных баллад, с которых мы приводим факсимильные копии. Первая¹ — фигура Робина Гудфеллоу, являющаяся иллюстрацией к очень популярной балладе начала XVII столетия, озаглавленной «Веселые и сумасбродные проказы Робина Гудфеллоу»; он изображен пестро раскрашенным и с приапическим атрибутом. Следующая² — это вторая иллюстрация к той же балладе, на которой Робин Гудфеллоу представлен как Приап, в образе козла, с его отличительными чертами, еще более резко выраженными, и окруженный кругом своих почитателей, танцующими вокруг него.

Он предстает здесь в той роли, которая приписывалась дьяволу на шабаше ведьм, о чем мы будем говорить далее. Римская церковь породила великое смятение во всех народных суевериях, зачислив мифических персонажей, с которыми они были связаны, в нечисть. Одна из этих приапических нечистых сил фигурирует на оттиске популярнейшей гравюры и часто повторяется как иллюстрация к балладам времен Иакова I и Карла I³. Это Приап, низведенный до низшей ступени деградации.

В древности к Приапу, или к производительным силам природы, не только зывали во множестве случаев, но и устраивали в их честь великолепные празднества, которые отличались крайней разнузданностью радостями, на них с триумфом демонстрировалось изображение фаллоса. Эти празднества были особенно популяр-

¹ См. илл. XII, рис. 5. С экземпляра старопечатной баллады, хранящейся в библиотеке Британского музея.

² Илл. XIII, рис. 2. С той же баллады.

³ Илл. XIII, рис. 1. Из двух старопечатных баллад, хранящихся в Британском музее, первая озаглавлена «Предостережение всем похотливцам», а вторая — «Необыкновенные и правдивые известия из Вестморленда».

ны среди сельского населения и проводились главным образом в летние месяцы. Подготовительные земельные работы были завершены, и у народа освобождалось время, чтобы радостно приветствовать проявления производительных сил природы, которые в надлежащий срок должны были принести свои плоды. Среди наиболее знаменитых из этих праздников были либералии, которые устраивались 17 марта. На повозке среди процессии влекли устрашающих размеров фаллос, и его почитатели с удовольствием, громко распевали непристойные песни; непристойными были также их разговоры и поведение, а когда повозка останавливалась, самая достойная матрона торжественно увенчивала окончание фаллоса гирляндой. Вакханалии, соответствующие греческим дионисиям, праздновались в последних днях октября, когда урожай был собран, и сопровождалась по большей части теми же церемониями, что и либералии. Фаллос точно так же вывозили в процессии и увенчивали, и так же, как во время либералий, празднества продолжались ночью, когда празднующие, разгоряченные вином, впадали в буйство распутства, в котором люди без смущения потворствовали самым бесстыдным порокам. Праздник Венеры был приурочен к началу апреля, и во время его опять-таки вывозили на колеснице фаллос, процессия римских дам сопровождала его к храму Венеры за воротами Коллины, и там его демонстрировали перед богиней. Эта часть сцены представлена на хорошо известной инталии, которая обнаружена в нескольких работах, посвященных древностям. В конце упомянутого месяца наступали флоралии, которые, если это возможно, превосходили все остальные праздники по своей вольности.

Распутных женщин, проживавших в городе и его окрестностях, созывали звуком рогов, и они смешивались с толпой совершенно обнаженные и возбуждали страсти непристойными жестами и речами, пока праздник не превращался в сцену безумного разгула, в котором отбрасывались все сдерживающие начала.

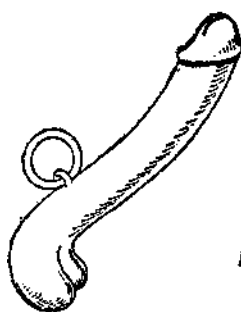

Рис. 1

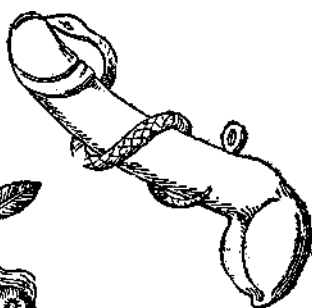

Рис. 2

Рис. 5

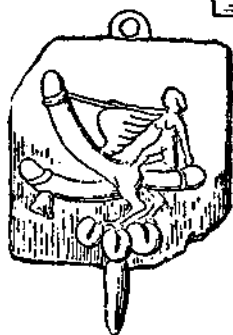

Рис. 3

Рис. 4

Илл. XXXIV. Золотые и свинцовые амулеты

Это зрелище ничем не сдерживаемой порочности и разврата, глубоко укоренившихся в сознании людей благодаря издавна установленным обычаям, стало причиной небольшого публичного скандала, связанного с Катонем Младшим, который, оказавшись на празднествах флоралий, вместо того чтобы высказать по отно-

шению к ним какое-либо порицание, просто удалился, поскольку его всеобщая известность как человека серьезного могла стеснить их участников, которые мешкали, смущаясь раздевать женщин донага в присутствии человека, столь прославленного своей скромностью. Праздники, особо посвященные Приапу — приапеи, — сопровождалась подобными же церемониями и такими же распутными оргиями. Как и в каком виде они проходили — известно лучше, поскольку они часто служили темой произведений римского искусства, с которыми мы знакомы. У римлян существовали и другие праздники подобного характера, но менее значительные. Некоторые из них носили более личный характер, а некоторые отмечались в строгом уединении. Таковыми были ритуалы Благой Богини (*Bona Dea*), отправляемые римскими матронами во времена республики, беззаконие которых описано блестящим языком сатирика Ювенала в его перечислении пороков римских женщин.

У тевтонцев, так же как и у большинства других народов, подобные праздники обычно отмечались в течение летних месяцев; и поскольку они имели своим источником одни и те же переживания, то, несомненно, принимали одинаковые формы. Основные летние народные праздники в Средние века происходили в апреле, мае и июне и включали Пасху (*Easter*), Майский праздник (*May-day*) и праздник летнего солнцестояния. Все они первоначально сопровождалась теми же обрядами фаллического поклонения, которое определяло основные отличительные черты крупных римских праздников; и по сути они являются как раз теми народными институтами и особенностями народного поведения, которые, вероятнее всего, пережили, опять-таки без сколько-нибудь существенных изменений, ниспровержение Римской империи варварами. Хотя к тому времени, когда мы сами ближе познакомились с этими праздниками, большинство из бросающихся в глаза признаков их фаллического характера были утрачены и за-

быты, однако и в это время мы встречали разрозненные указания, которые не оставляют сомнений в их изначальном существовании. Было бы интересно исследовать некоторые из этих моментов и показать, какое влияние они оказывали на средневековое общество.

Первый из этих трех вышеупомянутых больших праздников был поначалу чисто англосаксонским и тевтонским; но затем его отождествили с римскими либералиями, а в дальнейшем он был преобразован католической церковью в один из величайших христианских религиозных праздников. В примитивной прагерманской мифологии существовало божество женского рода, чье имя на древнегерманском звучало как *Ostara*, на англосаксонском *Eastre*, или *Eostre*, но все, что мы знаем о ней, — это простое утверждение Беды Достопочтенного, отца нашей истории, что празднование проводилось древними саксами в апреле, по какой причине месяц этот именовался в англосаксонском *Easter-monath*, или *Eoster-monath*, и что имя богини впоследствии перешло к празднику Пасхи, с которым ее почитание совпадало по времени. Имя этой богини было дано одному и тому же месяцу прагерманцами и франками, так что она должна была принадлежать к самым почитаемым тевтонским божествам, и ее праздник должен был иметь большое значение и глубоко укорениться в народных чувствах, иначе церковь не стремилась бы отождествить его с одним из главных христианских торжеств года. Римляне, разумеется, посвящали этот месяц Венере — без сомнения, потому, что именно в это время производительные силы природы явственно начинали приходить в движение. Когда языческое празднество переняла церковь, срок его стал смещаться во времени вместо того, чтобы остаться закрепленным за месяцем апрелем. Среди других приношений, предлагаемых в это время богине, были лепешки, испеченные, без сомнения, из лучшей муки, но об их форме нам ничего не известно. Христиане, присвоив праздник Пасхи, придали этим лепешкам форму круглой булочки,

которая, по сути, была в это время обычной формой хлеба; и, чтобы защитить себя и тех, кто их ел, от всяческого колдовства или другого зла, которое могли проистечь из их прежних языческих свойств, они помечали их христианским символом — крестом. Отсюда произошли хлебцы, которые мы по-прежнему едим на Пасху и которые так и называются — «горячие крестовые булочки»; и отсюда же суеверные чувства, связанные с ними, ведь многие люди и сейчас верят, что если они не съедят такую булочку в Страстную пятницу, то весь оставшийся год их будут преследовать несчастья. Однако существует вполне правдоподобное предположение, что по крайней мере в некоторых краях пасхальные хлебцы первоначально имели другую форму — форму фаллоса. По крайней мере, это должно касаться Франции, где этот обычай существует до сих пор. В Сантонже, в окрестностях Ларошели, маленькие хлебцы, испеченные в форме фаллоса, преподносят в качестве подарков на Пасху, и носят их из дома в дом; нам известно, что подобные традиции существуют и в других местах. В то время, когда Дюлор писал свою книгу, праздник Вербного воскресенья в городе Сантесе назывался *fête des pinnes*, где *pinne* — народное и вульгарное название *membrum virile*. На этом *fête* женщины и дети шли в процессии и несли на концах веточек вербы фаллосы, сделанные из хлеба, которые они без притворства называли *pinne* и которые, получив благословение от священника, женщины бережно хранили весь следующий год в качестве амулета. Подобный обычай существовал и в Сен-Жан-д'Ангели, где маленькие хлебцы, сделанные в форме фаллоса и называвшиеся *fateux*, несли во время процессии *Fête-Dieu*, или Тела Господня. Незадолго до того времени, когда его описал Дюлор, этот обычай был запрещен новым субпрефектом М. Майларом. Традиция печь ритуальные хлебцы в форме сексуальных частей, мужских и женских, восходит к отдаленной древности и была широко распространена среди римлян. Марциал сделал фаллос из хле-

Илл. XXXV. Робин Гудфеллоу и фаллические рисунки

ба (*Priapus siligineus*) темой своей известной эпиграммы. Тот же писатель говорит об изображении женского органа, сделанного из этого же вещества, в другой своей эпиграмме, для объяснения которой необходимо лишь отметить, что эти изображения изготавливались из пшеничной муки самого тонкого помола.

Этот обычай, по-видимому, сохранился с римских времен, пережил Средневековье, и его можно отчетливо проследить вплоть до XIV или XV столетия. Нам известно, что в некоторых старинных, не подвергавшихся редактированию, французских кулинарных книгах изложены рецепты для приготовления хлебцев этих непристойных форм, и называются они там безо всякой утайки; и знаток этой темы, автор XVI столетия, Иоханнес Бруеринус Кампегиус, описывая различные формы, в виде которых тогда делались хлебцы, перечисляет тайные части обоих полов, в доказательство, как он утверждает, «упадка нравов, когда сами христиане могут наслаждаться непристойностями и бесстыдством даже в том, что они едят». Он добавляет, что некоторые из этих съедобных предметов обычно называли грубым именем *des cons sucrés*. Во времена, когда писал Дюлор, — а это всего лишь сорок лет назад, — хлебцы этой формы по-прежнему изготавливали в различных уголках Франции, и, по его словам, изображения мужского органа делались в Нижнем Лимузене и особенно в Бриве, тогда как изображения женского — в Клермоне (Овернь) и в других местах. В народе их называли *miches*.

Существует и другой обычай, связанный с Пасхой, который, по всей видимости, имеет отношение к рассматриваемому нами культу. Некогда он был распространен по всей Англии, хотя, как мы полагаем, ныне он не выходит за пределы Шропшира и Чешира. В первом графстве он называется *подбрасывание*, в последнем — *поднятие*. В пасхальный понедельник мужчины ходят по улицам, нося с собой стулья, хватают женщин, которые им встречаются, и, посадив их на стулья, поднимают вверх, поворачивают их два или три раза, а затем требуют поцелуя. В пасхальный вторник то же самое проделывают женщины с мужчинами. Этот обычай, разумеется, свойствен нынче лишь низшим классам, исключение составляют шалости между близкими друзьями. Стул является сравнительно недавним добавлением, поскольку сейчас это распространенный предмет.

В прошлом веке действие происходило так: четыре или пять человек одного пола хватали жертву другого пола за руки и за ноги и таким способом поднимали ее или его, и это действие сопровождалось, во всяком случае со стороны мужчин, немалой непристойностью. Женщины обычно ожидали маленького денежного пожертвования от мужчин, которых они поднимали. Еще ранее, во времена богослова Дурандуса, то есть в XIII столетии, в эти два дня бытовал еще более странный обычай. Дурандус утверждает, что во многих странах в пасхальный понедельник было заведено, чтобы жены били своих мужей, и что во вторник мужья били своих жен. Бранд в своих «Народных древностях» сообщает, что в его время в городе Дарем существовал обычай, согласно которому мужчины в первый день отнимали у женщин обувь, которую те обязаны были выкупать, а во второй день женщины проделывали то же самое с мужчинами.

В средневековой поэзии и романах месяц май был прославлен более всех прочих, поскольку он посвящен Любви, которая наполняет всю природу и призывает род человеческий разделить всеобщее наслаждение. Поэтому почти все народы отмечали его наступление празднествами, на которых в различной форме отдавалась дань производительным силам Природы. Римляне приветствовали наступление мая своими флоралиями, уже описанным нами праздником, отличавшимся крайней безнравственностью; и не может быть сомнений в том, что у наших тевтонских прародителей имелся собственный праздник того же свойства, отмечаемый в то же время года, и было это задолго до того, как они свели знакомство с римлянами. Все же большинство средневековых праздников 1 мая, особенно на юге, по видимому, берут начало именно от вышеупомянутых римских флоралий. Как и во время флоралий, о начале праздника извещали звуки рогов, которые раздавались в ночь, предшествующую празднику, и, как только наступала полночь, молодые люди обоих полов направ-

лялись парами в лес собирать ветви и делать гирлянды, с которыми они должны были вернуться ровно на рассвете, чтобы украсить ими двери своих жилищ. В Англии главной отличительной приметой этого дня было майское дерево. Это самое майское дерево представляло собой ствол высокого молодого деревца, которое срубалось ради этого случая, раскрашивалось в разные цвета, и веселая процессия, перед которой играли мейнестрели, влекла его на зеленую поляну, или на открытое пространство посреди селения, где его обычно и устанавливали. Там его украшали гирляндами и цветами, дамы и девицы танцевали вокруг него, и народ не отказывал себе во всевозможных разгульных удовольствиях. Все это хорошо описал пуританский автор времен правления королевы Елизаветы — Филип Стаббс. Согласно его словам, «по наступлении Мая»... «каждый приход, каждый город и селение собирались все вместе, равно мужчины, женщины и дети, старцы и юноши, равно все без различия; и либо сойдясь все вместе, либо разделившись на некоторое число, они разбредались по лесам и рощам, холмам и горам. Там они проводили всю ночь в приятных увеселениях, и к утру они возвращались, неся с собой березовые венки и ветви деревьев для украшения собраний... Но радостнейшей драгоценностью, кою с великим почитанием приносили домой, был майский шест. У них было двадцать или сорок пар запряженных быков, и каждый бык украшен был свежими букетами цветов, укрепленными на концах рогов, и эти быки влекли к дому сей майский шест, который был покрыт цветами и травами, обвязан лентами с верхушки и до самого низа, а иногда раскрашен в многообразные цвета, и две или три сотни мужчин, женщин и детей следовали за ним, являя великое рвение. И затем они воздвигали его, повязав платки и флаги, и устилали соломой землю вокруг, привязывали к шесту зеленые ветви, устанавливали шесты, растягивали гирлянды и устраивали легкие беседки. А затем приступали к пиршеству и празднованию, скакали и плясали

вокруг него, как язычники делали в честь своих идолов, по той причине, что это совершенное подражание, а скорее так оно и есть».

Пуритане неколебимо верили, что майский шест — истинное проявление язычества; и они, без сомнения, правы. Разумно предположить, что в некий период, когда именно — не представляется возможным установить достоверно, майский шест занял место фаллоса. Ритуалы, сопровождавшие воздвижение этих двух предметов, совпадали до мелочей. Та же разгульная процессия римских празднеств, описанная выше, влекла фаллос в центр города или деревни, где его точно так же увивали гирляндами, и поклонение носило тот же характер. Мы можем добавить также, что оба праздника сопровождались одинаковым распутством. «Я слышал достоверные рассказы, — говорит пуританин Стаббс, — от людей весьма серьезных и достойных, что из сорока, шестидесяти или ста девиц, уходящих в лес в эту ночь, едва ли третья часть возвращалась домой нетронутыми».

День обыкновенно завершался кострами. Они представляли собой «огонь нужды», который был тесно связан с древними приапическими ритуалами. Сам огонь являлся объектом поклонения, как наиболее могущественная из стихий; но предполагалось, что он, передаваясь от одного вещества к другому, теряет свою чистоту и сакральные качества, и адепты на этих торжественных собраниях стремились вызвать его в первозданном и чистейшем облике. Это делалось быстрым трением двух кусков дерева друг о друга, сопровождавшимся суеверными ритуалами; считалось, что чистый элемент огня пребывает в дереве, и таким образом его извлекают на свет; и потому он именовался «огнем нужды» (*need-fire*, в древнегерманском *not-feur*, в англосаксонском *neod-fyr*), что буквально означало вынужденный огонь, то есть огонь, который силой принудили появиться. Прежде чем начать таким образом процесс извлечения огня из дерева, было необходимо, чтобы все огни, до этого горевшие в селении, были потушены. Впоследствии их

заново зажигали от костра, который возгорался от «огня нужды». Из этого суеверия выросла целая система — в большинстве случаев во время народных праздников разжигались костры, и те костры, что отмечают день Порохового заговора, — всего лишь частное приложение всеобщей традиции к одному из множества событий. Суеверие, связанное с «огнем нужды», ведет свое начало с древнейших времен; оно существовало равным образом как у прагерманцев, так и в Древней Греции. В старинных капитуляриях франкских императоров Карловингской династии оно было запрещено. Всеобщий характер этого суеверия подтверждается тем, что оно все еще существует в горных районах Шотландии, особенно в Кейтнесе, где этот обычай принят в качестве защиты для скота, буде на него нападет какая-нибудь болезнь, которую горцы приписывают колдовству. Именно с древнейших времен ведется традиция заставлять скот, и даже детей, проходить через *need-fire*, чтобы обеспечить их защиту на всю оставшуюся жизнь. «Огонь нужды» зажигали на Пасху, на праздник 1 мая, и особенно в день летнего солнцестояния, в канун Дня святого Иоанна Крестителя, или середины лета.

Канун Иванова дня был в народных суевериях одним из самых важных дней средневекового года. «Огонь нужды» — или «огонь святого Иоанна», как его называли, — зажигался ровно в полночь, в тот момент, когда, как предполагалось, и наступало солнцестояние. Юноши и девушки танцевали вокруг него, а главное — прыгали через него, пробегали сквозь него и таким образом, как считалось, не только очищали себя, но и обретали защиту против злых сил. Это была ночь, когда повсюду бродили призраки и другие создания духовного мира и когда ведьмы обладали наибольшим могуществом. Верили даже, что в течение этой ночи души людей во сне покидают тела и блуждают по свету, отделенные от них. Это была ночь великих ведьминских сборищ: именно в эту ночь они готовили самые смертельные яды и творили самые действенные заклинания.

Именно эта ночь была особенно благоприятна для любой ворожбы, и именно тогда девицы пытались узнать своих будущих возлюбленных и мужей. И наконец, именно в эту ночь растения обладали наибольшей силой, служившей как благим, так и злым целям, и тогда их выкапывали с должными церемониями и предосторожностями. Самые тайные свойства растений, по сути, зависели во многом от времени, в которое они были собраны, и от ритуалов, которыми это действие сопровождалось. По своему обыкновению, церковь применила к злу полумеры; она запретила во время сбора лекарственных трав любые обряды и заклинания, кроме повторения «Верую» и Молитвы Господней.

Как уже говорилось, ночь святого Иоанна, или канун летнего солнцестояния, была той ночью, когда повсюду носились всевозможные духи и призраки, когда собирались ведьмы и их зелья и чары, к добру или к худу, были действеннее всего. Это была ночь народных гаданий, особенно полюбившаяся юным девушкам, которые хотели узнать, кто предназначен им в мужья, каков их характер и как пройдет их будущая жизнь. Целебные свойства многих растений, собранных с должными церемониями в канун Иванова дня, были гораздо сильнее, чем если бы их собрали в любое другое время. Наиболее тайные ритуалы старых народных суеверий ныне по большей части забыты, но когда-то здесь, то там мы натываемся на немногие их остатки, у нас не возникает сомнений в их принадлежности к тому самому культу производительных сил природы, который был так широко распространен у всех народов. Мы помним, что, как сказано в одном из ранних изданий *Mother Bunch*, девушкам, которые хотели выяснить, верны ли им их любовники, предписывалось накануне Иванова дня ровно в полночь выйти из дому, снять с себя всю одежду и в таком виде направиться к уговоренному растению или кусту, собраться вокруг него в круг и пуститься в танец, повторяя в то же время определенные слова, которым они должны были научиться у своих

наставниц. Завершив этот ритуал, они должны были собрать листья растения, вокруг которого танцевали, отнести их домой и положить под свою подушку, и что они хотели узнать, то должно было открыться им во сне. В некоторых средневековых трактатах о свойствах растений мы видим указания по сбору некоторых особенно важных растений, согласно которым требовалось, чтобы их собирали юные девушки, и опять-таки непременно полностью обнаженные.

Растения и цветы в самом деле были тесно связаны с этим культом. Мы уже отметили, что они постоянно присутствуют на празднествах в виде гирлянд и обязательно входят в число подношений Приапу. Согласно широко распространенной традиции, накануне Дня святого Иоанна участвующие танцевали вокруг костра, а в завершение танца бросали в огонь разнообразные цветы и растения и таким образом приносили искупительную жертву, дабы отвратить некое зло, которое могло обрушиться на людей в течение следующего года. Среди тех растений, которые предлагались в жертву, упоминают пустырник, вербену и фиалки. Возможно, именно этой связи растений с древним приапическим культом мы обязаны народному обыкновению давать им не слишком пристойные названия, большинство из которых забылось или настолько преобразилось, что к настоящему времени их не всегда можно связать с исходным понятием. Таким образом, хорошо известный аронник, растущий у нас под заборами, получил названия, без сомнения подсказанные его формой, «кукушкин хер» (*cuckoo-pintle*), или «поповский хер», или «песий хер»; а по французски, соответственно, *vit de chien* и *vit de prestre*; в английском языке это название нынче сократилось до *cuckoo-pint* или иногда *cuckoo-point* («кукушкин конец»). Растения семейства орхидных (ятрышники) определялись соответствующим словом, дополненным различными характеристиками. У Вильяма Кольса в «Адаме в раю» (1659) упоминаются разные названия всяческих растений — *doggs-stones*, *fool-stones*, *fox-stones*;

в более старом «Травнике» Герарда (1597) — *triple ballockes, sweet ballockes, sweet cods, goat's-stones, hare's-stones*, и т. д.; во французском языке имеются *couillon de bouc* (козлиные яйца — козел был животным, особенно тесно связанным с приапическими мистериями), а также *couille*, или *couillon de chien* (песьи яйца). Кроме того, у Котгрейва и в других травниках утверждается, что «вид травы *sallet*» именовался *couille à l'évêque* (яйцо епископа); более крупный очиток носил название *couille au loup* (яйцо волка); и бересклет был известен под именем *couillon de prêtre* (яйца священника). Есть несколько растений, по внешнему виду похожих на пучок жестких волос. Одно из них, вида *adiantum*, было известно еще в римские времена под названием *Capillus Veneris* (венерин волос), а в более поздние — назывался «волосы девицы» или «волосы Девы Марии». Другое растение, *asplenium trichomanes*, называлось в народе, да и теперь называется, «волосами девицы», или «девичьими»; и мы полагаем, что то же название могли получить еще одно-два растения. Есть причина полагать, что в этих названиях подразумеваются лобковые волосы¹. Вдобавок к вышеперечисленным мы можем подобрать множество других старинных народных названий для растений подобного свойства.

В старом календаре римской церкви, который часто цитирует Бранд в своих «Народных древностях», поиск растений, известных своей тайной силой и магическими свойствами, особо отмечен как непременная часть ритуалов, связанных с кануном Дня святого Иоанна (*herbæ diversi generis quærantur*); и в особенности имелось в виду одно растение, описанное там в выражениях слишком таинственных, чтобы их легко было понять. В эту ночь усердно искали также и семя папоротника; ибо, найденное и надлежащим образом собранное, оно,

¹ В числе растений этого рода была дымянка; в перечне растений из манускрипта середины XIII столетия мы находим ее названия на латинском, французском и английском языках, а именно: «*Fumus terre, fumeterre, cunteboare*».

как считалось, обладает могущественными волшебными свойствами, а главное — оно делает невидимым того, кто носит его при себе. Но самым знаменитым среди всех растений, связанных с этими древними приапическими суевериями, была *мандрагора* — растение, на которое во все времена и почти во всем мире смотрели с чувством прямо-таки благоговейного страха. Его прагерманское название *alrun*, или в более современной форме *alraun* (альраун — так назывался дух, живущий в мандрагоре), сразу говорит о вере в его магические свойства, бытовавшей среди этого народа. Считалось, что мандрагора до некоторой степени обладает жизнью наподобие животных, и люди повсеместно верили, что она, если выдернуть ее из земли, издает крик и что этот крик навлекает верную смерть или безумие на того, кто ее выдернет. Чтобы избежать этой опасности, использовалось следующее средство: растение обвязывали веревкой, прикрепленной к собаке, последнюю начинали гнать, и она, пытаясь убежать, вытаскивала корень и принимала на себя роковые последствия. Корень был главной частью растения: он имел форму, похожую на разветвленную редиску. Считалось, что такая форма в точности представляет то, что имеется у человека ниже пояса. Существовали мужские и женские растения с отчетливо выраженными человеческими органами размножения. Добытую мандрагору в Средние века использовали как фаллический амулет. Владелец предосторожно носил ее с собой или хранил в жилище. Она даровала плодovitость, считалось даже, что до тех пор, пока вы держите ее закрытой вместе со своими деньгами, последние будут удваиваться в числе каждый год. В то же время мандрагора обладала всеми защитными свойствами фаллоса. Тамплиерам вменялось в вину поклонение мандрагоре, которое распространилось во Франции во времена правления слабых монархов Карла VI и Карла VII. В 1429 году некий брат Ришар из ордена кордельеров (францисканцев) разразился яростной проповедью против употребления подобных аму-

летов, и воздействие, хоть и кратковременное, этой проповеди оказалось настолько сильным, что некоторая часть его прихожан отдали свои «мандрагоры» проповеднику, дабы тот их сжег.

Существовал налаженный процесс изготовления амулетов, те, кто этим занимался, помогали природе хитростью. Эти люди прекрасно знали, что корешки в их природном состоянии, мягко говоря, очень мало соответствовали форме, которую приписывало им человеческое воображение, так что они добывали самые лучшие корешки, какие только могли. Только что извлеченные из земли, они были пухлыми и мягкими и без труда поддавались любому оказываемому на них воздействию. В части, где нужно было получить «волосы», вдавливались семена проса или ячменя, и растения вновь вставляли корнем в землю, пока эти семена не прорастали, пуская корешки. Этот процесс, по рассказам, занимал около двадцати дней. Затем мандрагору опять вытаскивали, подстригали тонкие волоконца корешков проса или ячменя, которые служили в качестве волос, и вручную подправляли части, чтобы придать им более совершенную долговечную форму, а затем продавали.

Помимо этих главных и широко распространенных приапических праздников существовали, без сомнения, другие, меньшей значимости или более частные по своему характеру, которые впоследствии выродились в простые ритуалы и праздники определенной местности. Особенно это относилось к большим городам и городам с самоуправлением, где зарождались гильдии. Там обычай закреплялся и постепенно принимал более осовремененную форму. В большинстве английских городов когда-то проводились праздники такого рода, и по крайней мере три типичных образчика сохраняются до сих пор: процессия леди Годивы в Ковентри, представление в Шрусбери и фестиваль гильдии в Престоне, графство Ланкашир. В первом из них дама, которая должна ехать обнаженной верхом на лошади во главе процессии, вероятно, изображает

собой некую часть древнего приапического празднования; а история о способе, которым леди Годива отвортила гнев своего мужа от жителей города, являлась, безусловно, народной легендой, которая несомненно, появилась позже для объяснения особенностей праздника, а истинный его смысл с течением времени был забыт. пышная церемония в Шрусбери демонстрирует бессмысленное уподобление обрядам, принадлежащим более старым и забытым традициям и нормам морали. В Европе существует множество местных праздников, как то: праздник дураков, праздник ослов (осел был животным, посвященным Приапу) и т. п. Все они были приспособлены к своим нуждам еще в Средневековые церковью. Духовенство также воспользовалось преимуществами, которые давал фаллический культ, представив его в другой форме.

Свинцовые значки или медальоны (см. илл. XXXI), которые мы уже описали, явно указывают на то, что помимо публичных празднеств в Средние века существовали тайные общества или клубы, связанные с этим непристойным культом. Едва ли можно ожидать, что могло уцелеть какое-либо их описание. Но если не сам факт, то вера в его существование с очевидностью устанавливается по тому рвению, с которым эти непристойные обряды становились основой обвинений в адрес большинства средневековых тайных обществ, будь то собрания или религиозные секты; а нам известно, какое изобилие тайных обществ существовало в Средние века. Однако римское духовенство, желая извлечь выгоду из народного фаллического культа, с готовностью использовало веру в него как средство борьбы против любой секты, которые рассматривались как сборище религиозных или политических еретиков.

Совершенно очевидно, что в первые века существования церкви было великое множество случаев перехода из языческой в христианскую веру. Проповедники Евангелия удовлетворялись тем, что народ принимал христианство, не вдаваясь слишком глубоко ни в ис-

кренность их чувств, ни в тонкости их обычаев. Мы можем проследить выражение разочарования в трудах некоторых наиболее пылких церковных авторов; а в предписаниях первых церковных соборов можно заметить тревогу, вызванную широкой распространенностью среди христиан старых народных языческих праздников. В 381 году состоялся Африканский собор, из материалов которого исходил Бурхардус, составляя свои сжатые изложения церковных постановлений, чтобы применить их в современности. В их числе было положение против «праздников, которые проводятся с языческими церемониями». Мы уже говорили здесь о том, что даже самые священные из христианских празднований включают ритуалы, берущие начало от языческих. Традиционные пляски под открытым небом были такого постыдного свойства и сопровождались такими развратными выражениями и жестами, что скромность достойных женщин была возмущена до крайней степени, и это мешало им в такие дни присутствовать на церковных службах. Вдобавок эти языческие церемонии проводились даже в церкви, и многие члены духовенства принимали в них участие.

Вероятно также, что, когда язычество само по себе стало преступлением против государства, а те, кто продолжал быть ему привержен, подвергались гонениям, они принимали имя христиан, пользуясь им как прикрытием для грубейших суеверий. Эти люди образовывали секты, исполнявшие на своих тайных собраниях языческие обряды; но церковь причислила их к еретикам. Некоторым из них, особенно тем, что возникли в более раннее время, по-видимому, в большой степени были свойственны непристойные ритуалы и законы фаллического культа. Их противники, вероятно, излишне преувеличивали действительное зло, которое творилось под их действием. Это было смешение распутства простонародного язычества Античности с варварскими догматами позднейших восточных философов. Старые ортодоксальные авторы подробно останавлива-

лись на деталях этих непристойных обрядов. Среди самых ранних по времени были *Adamiani*, или адамиты, которые объявили брак вне закона и утверждали, что самая совершенная невинность согласуется лишь с общностью жен. Они избрали *latibula*, или пещеры, для своих тайных встреч, на которых оба пола собирались вместе в совершенной наготе. Эта секта, вероятно, долго существовала в многообразии форм. В среде умственных причуд XV века она возродилась, и по крайней мере до века XVII о ней ходило множество слухов. Последователи Флориана и Карпократиана обвинялись в том, что в завершение вечерней службы гасили светильники в своих церквях и вступали без разбора в сексуальные связи; николаиты перевели жен в общее владение; эбиониты и особенно гностики, последователи Василида, и манихеи также обвинялись во всевозможных извращениях. Николаиты утверждали, что единственный путь к спасению лежит через частые сношения между обоими полами. Епифаний рассказывает о секте, которая во время своих тайных обрядов принесла в жертву ребенка, сперва проколов его медными иглами, а затем устроив жертвоприношение с его кровью. Гностики узнавали своих братьев из секты по тайному знаку, который представлял собой почесывание пальцем ладони особым способом. Этот знак опознавался, устанавливалось взаимное доверие, и незнакомца приглашали на ужин; после того как они насыщались, муж освобождал место около своей жены и обращался к ней: «Иди окажи милость нашему гостю», — что служило сигналом для дальнейших событий указанного гостеприимства. Так утверждает святой Епифаний, епископ Констанции. Далее рассказывается о ритуалах еще более отвратительных, бывших в обыкновении у гностиков, поскольку они, как утверждается, после этих распутных деяний предлагали и приносили в жертву *мужское семя* в виде причастия. Подобный обычай описывался как распространенный среди женщин Средневековья, чьей целью было сберечь любовь своих мужей; вероятно, он про-

исходил от гностиков и манихеев, учения которых были занесены с Востока и, по-видимому, широко распространились по Западной Европе.

Однако никаких признаков этих учений мы не находим по крайней мере до XI столетия, когда в Западной Европе началось великое умственное брожение, которое вынесло на поверхность общества массу странных верований и невиданных теорий. Народные обряды, открыто отправлявшиеся на многочисленных ежегодных празднествах и не менее популярных местных *fêtes*, городских или сельских, едва ли пересекались с каким-либо тайным обществом, связанным с древним культом; средневековая церковь не рассматривала их как ересь и не трогала. Таким образом, за исключением постановлений против суеверий, время от времени выносимых некоторыми церковными соборами и выраженных в общих словах, которые едва ли были слышны в то время и к которым не прислушивались, они оставались без внимания. Но как только поднимало голову что-либо, именуемое ересью, тут же начинали бить тревогу. Гностицизм и манихейство, которые на самом деле трудно было отличить друг от друга, были ересями, наиболее ненавидимыми в Восточной империи и, как можно предположить, самыми преследуемыми; и это же преследование предопределило продвижение их на запад. В VII столетии они преобразились в секту, которая приняла имя павликиане, — говорят, что в честь их армянского вдохновителя по имени Павел, — и далее, видимо, вызвали ненависть церкви тем, что в своих интересах объявили себя защитниками свободы мысли и церковной реформы. Если довериться истории, то их христианские чувства не были слишком сильны, поскольку, не будучи способны защититься от гонений внутри империи, они отступили на территорию, удерживаемую сарацинами, и объединились с врагами Креста, вступив в войну с греками-христианами. Другие искали прибежища в стране болгар, которые весьма охотно приняли их учение, распространившееся вскоре

оттуда на запад. В своем продвижении через Германию во Францию они были более известны как болгары, по названию страны, откуда пришли; на пути через Италию они сохранили имя павликиане, на испорченной латыни того периода Средних веков звучавшее как *Populicani*, *Poplicani*, *Publicani* и т. д.; а по-французски *Popelican*, *Publican*, *Policien*, и множество других вариантов, которые нет необходимости перечислять. Во Франции они начали вызывать беспокойство к началу XI столетия, в царствование короля Роберта, когда под именем попеликане обосновались в епархии Орлеана. В 1022 году в этом городе был проведен против них собор, и тринадцать человек приговорили к сожжению. Название это продержалось до XIII века, но имя болгары оказалось более долговременным и в его французском варианте *Bolgres*, *Bougres* или *Bogres* превратилось в народное название для еретиков, как таковых. Едва ли остается хоть малейшее сомнение, что с этими ересями, благодаря плотской стороне гностицизма и манихейства, в Западную Европу проник древний фаллический культ, вероятно несколько видоизмененный и омраченный тайными ритуалами; если мы еще учтем преувеличения, коими отличалась религиозная ненависть, и вытекающие отсюда народные предубеждения, то в результате всеобщая вера в то, что эти сектанты имели обряды и обычаи развратного свойства, оказалась слишком сильна, чтобы полностью пренебрегать ею, и к тому же все, что нам известно о состоянии средневекового общества, не противоречит ни этому убеждению, ни фактам, которые уже приведены в настоящей работе. Эти ранние секты исповедовали взгляды, довольно близко схожие с современным коммунизмом, в том числе, подобно их сектантским предшественникам, доктрину общности женщин; и эта общность естественно подразумевала искоренение привязанности к отдельному человеку. Один из обличителей средневековых еретиков уверяет, что среди них было «множество мнимых христиан, как мужчин, так и женщин, которые не более боялись при-

ти к своей сестре, или сыну или дочери, или брату, или племяннику или племяннице, или родственнику кровному или некровному, чем к собственной жене или мужу». Их обвиняли, помимо этого, в потакании противостественным порокам, и в это обвинение настолько верили повсюду, что слово *болгарус*, или еретик, стало равносильно содомиту, и отсюда пришло в современный французский язык слово *bougre*, а также в английский — соответствующие ему слова.

В течение XI столетия в Италии появились сектанты, называющие себя патаренами — *Patarini*, *Paterini* или *Patrini*, — что, как говорят, произошло от старого квартала Милана под названием Патариа, в котором они устраивали свои первые собрания. Их современник англичанин Уолтер Мейпс дает нам единственное в своем роде свидетельство о *Paterini* (патаренах) и тайных церемониях секты. Некоторые отступники, принадлежащие к этой ереси, говорит он, рассказывали, что в первую стражу ночи они встречались в своих синагогах, тщательно запирали двери и окна и ждали в молчании, когда черный кот необыкновенной величины спустится к ним по канату, и как скоро они увидят это странное животное, то гасят огни и начинают бормотать сквозь зубы свои гимны, вместо того чтобы распевать их, и пробираются на ощупь к предмету своего поклонения, и целуют его, сообразно своему смирению или гордыне, некоторые в лапы, некоторые под хвостом, а другие — в гениталии, после чего каждый хватает ближайшего человека противоположного пола и вступает с ним в плотское соитие, что продолжается так долго, как он только способен. Их вожди учили их, что верх милосердия — это «сделать или позволить в этом отношении все, чего только брат или сестра могут пожелать или попросить», и потому, утверждает Мейпс, они называются патарены (*Paterini*, от *patiendo* — терпение). Другие авторы предполагают иное происхождение этого названия, но приведенное выше считается самым распространенным. Различные секты

или братства, существовавшие в Италии и на юге Франции, в самом деле обычно принимали для себя названия по названиям селений, в которых они располагались или имели центры. Таким образом, те, кто обитал в Баньоле, в департаменте Гард на юге Франции, именовались латинскими авторами баньоленцами (*Bagnolenses*); те же авторы дали имя конкорденсы, или конкорещенцы (*Concordenses, Concorezenses*) еретикам из Конкордии, что в Ломбардии; и, наконец, город Альби, ныне столица департамента Тарн, дал свое имя секте альбигенцев, или альбигойцев, самой многочисленной из всех, которая распространилась по всему югу Франции. Экзальтированный богач из Лиона по имени Вальдо, живший в XII веке, который скопил свое богатство торговлей, продал свое имущество и разделил деньги среди бедных, а затем стал главой секты, которая приняла нищету в качестве одного из своих догматов и получила по имени своего основателя название вальденсы (*Waldenses* или *Vaudois*). Из-за того, что они исповедовали добровольную нищету, о них иногда говорили как о *Pauperes de Lugduno* — лионских нищих. Современники считали вальденсов бедными невежественными людьми; однако их вероучение распространилось далеко за пределы этой части Франции, достигнув долин Швейцарии, и они стали так знамениты, что наконец почти всех средневековых еретиков стали зачислять в одну категорию, где главенствовали вальденсы. Другая секта, обычно упоминавшаяся наряду с вальденсами, именовалась катарами. Новатиане, секта, отколовшаяся от церкви в III столетии, также приняла имя катары, притязая на исключительную чистоту (καθαροί), но нет причин полагать, будто эта древняя секта возродилась в катарах позднего периода или даже что эти два слова означали одно и то же. Имя последней секты часто произносилось как *Gazari, Gazeri, Gazari u Chazari*; и, поскольку они были по большей части германской сектой, предполагается, что оно ведет происхождение от немецких слов *Ketzer* и *Ketzerie*,

которые стали общепринятыми немецкими обозначениями еретика и ереси. Геншениус предполагал, что это имя восходит к немецкому *Katze* или *Ketze* — кот, с намеком на то, что они сходятся по ночам, будто коты или привидения; или же кот мог быть намеком на мнение, согласно которому на своих тайных собраниях они поклонялись этому животному. Эта секта, должно быть, была весьма невежественной и суеверной, если истинно то, что сообщают некоторые старинные авторы: будто бы они верили, что солнце было демоном, а луна женщиной по имени Ева (*Heva*) и что эти двое каждый месяц вступали в сексуальную связь. Подобно другим еретическим сектам, эти катары (*Cathari*) были обвинены в потворстве противоестественным порокам, и немецкие слова *Ketzerie* и *Ketzer* в конечном счете стали обозначать содомию и содомита, равно как и «ересь» и «еретика».

Вальденсы в целом, если относить сюда все секты, которые люди связывали с этим названием, включая также более ранних болгар и павликиан, обвинялись в том, что устраивали тайные собрания, на которых, как утверждалось, дьявол появлялся перед ними в облике козла, которому они поклонялись, целуя его *in ano*, после чего предавались беспорядочным сексуальным связям. Некоторые верили, что их переносили на эти встречи сверхъестественные силы. Английский летописец Ральф де Коггешел поведал удивительную историю о способах перемещения в пространстве, которые подвластны были этим еретикам. Во французском городе Реймс, во времена Людовика Святого, красивая молодая женщина, обвиненная в ереси, предстала перед архиепископом, в чьем присутствии она признала свои убеждения и созналась, что переняла их от некоей старой женщины из того же города. Эта старуха была затем арестована, осуждена как неисправимая еретичка и приговорена к сожжению заживо. Когда готовились возвести ее на костер, она внезапно повернулась к судьям и спросила: «Вы думаете, что способны

сжечь меня в огне? Меня не заботит ни он, ни вы!» — и, взяв клубок ниток, она швырнула его в большое окно, рядом с которым стояла, держа в руках конец нити, и воскликнула: «Прими это!» («*Recipe!*»). В одно мгновение на глазах всех, кто был там, старая женщина вознеслась над землей и, следуя за клубком ниток, была унесена по воздуху неведомо куда; и прислужники архиепископа сожгли вместо нее молодую женщину. В большинстве ранних сект этого рода, так же как и в более древнем язычестве, от которого те произошли, существовала вера в то, что те, кто полностью посвящен в самые тайные мистерии, наделяются силами и способностями превыше всего, что могут обычные люди. В списке прегрешений вальденсов, перепечатанном в *Reliquiæ Antiquæ* с английской рукописи, перечисляется среди прочего, что они собирались, дабы предаться свальному греху, согласуясь с извращенными догматами, которым были привержены; что в некоторых краях дьявол являлся им в виде кота и что каждый целовал у него под хвостом; и что в других краях они добирались до места встречи, оседлав посох, смазанный некой мазью, и переправлялись туда в единое мгновение.

Эти секты с их тайными и непристойными обрядами на самом деле снискали наибольшую поддержку у тех народов, что разговаривали на диалектах, восходящих к латинскому языку, и таким образом мы естественно приходим к мысли — поскольку факт сохранения латинского языка есть сам по себе доказательство большого влияния римского элемента в данном обществе, — что от этого влияния тайные ритуалы, по-видимому, главным образом и произошли. В связи с этой темой можно вспомнить любопытное обстоятельство: широко распространенные ругательства и восклицания у народов, разговаривающих на языках, ведущих свое начало от римлян, почти все состоят именно из названий предметов фаллического культа, в противоположность обычаям тевтонских племен — грубые ругательства на-

рода, говорящего на новолатинских диалектах, неприличны, тогда как те, что свойственны германскому племени, нечестивы. Мы заметили, что женщины Антверпена, пусть они разговаривают и не на языке римлян, тем не менее испытывают сильное римское влияние, взывая к своему духу Терсу. Когда испанец раздражается или внезапно выходит из себя, он восклицает «*Carajo!*» (так именуется мужской половой член) или «*Cojones!*» (тестикулы). Итальянец в подобных обстоятельствах употребляет восклицание «*Cazzo!*» (половой член). Француз обращается к действию — «*Foutre!*». Женский половой орган — *coco* по-испански, *conno* по-итальянски и *con* по-французски — упоминался и упоминается чаще как выражение оскорбительное; то же касается и упоминания тестикул — *couillons* по-французски. Те, кто имел в былые дни опыт путешествия в дилижансе, вспомнит, что кучер, если лошади бежали недостаточно быстро, обыкновенно обращался к передней лошади с такими словами: «*Va, donc, vieux con!*» Мы не встречаем такого употребления этих слов в германских языках, за исключением, возможно, немецкого «*Potz!*» и «*Potztausend!*» и их английского эквивалента «*Pox!*» — который к сегодняшнему времени совершенно вышел из употребления. Светское общество Елизаветинской эпохи сделало попытку ввести в литературу итальянское *cazzo* в форме *catso*, а также французское *foutre* в форме *foutra*, но эти попытки были просто претенциозной данью моменту и так мало соответствовали нашему национальному образу мысли, что вскоре забылись.

Самое раннее сообщение о секте, которая устраивала тайные собрания для исполнения непристойных обрядов, обнаружено во Франции. Оказывается, что в начале XI века в городе Орлеане существовало общество, состоящее из представителей обоих полов, которое в установленные часы собиралось в некоем доме для целей, достаточно полно описанных в документе, найденном в реестре аббатства Сен-Пер, в Шартре. Как там утверждалось, они сходились на встречу, при-

чем каждый нес в руке зажженный фонарь, и начинали распевать имена демонов, точно литанию, до тех пор, пока внезапно не нисходил к ним демон в образе животного. В самом скором времени все они гасили свои лампы, и каждый мужчина хватал любую женщину, оказавшуюся поблизости, и вступал с ней в соитие, не разбирая, кто она — будь то его мать, или сестра, или постриженная монахиня; и это соитие, как утверждают, рассматривалось ими как акт святости и веры. Ребенка, который оказывался плодом этого соития, забирали на восьмой день и очищали огнем, «как делали древние язычники», — так говорит современный, автор этого документа, — его сжигали дотла на большом костре, разведенном для этой цели. Пепел благоговейно собирали и хранили, дабы причащать им умирающих членов общества, точно так, как получали причастие перед смертью добрые христиане. И добавляли, что пепел этот обладал таким могуществом, что любой человек, раз попробовав его, едва ли способен был в дальнейшем отвратиться разумом от этой ереси и ступить на путь истинный.

Пусть даже зерно правды и было в этом рассказе, он наверняка должен быть чрезвычайно преувеличен; но твердая вера в существование тайных обществ подобного рода на всем протяжении Средних веков была столь сильна и настолько распространена, что нам не следует отвергать ее без колебаний. Возможно, свинцовые значки, уже описанные нами и представленные на одной из иллюстраций¹, можно считать свидетельством существования таких обществ, поскольку эти любопытные предметы не допускают иного удовлетворительного объяснения, как только употребление их в тайных сборищах весьма гнусного рода.

Было уже отмечено, что вскоре подобные обвинения сделались удобным предлогом для оправдания религиозных и политических гонений; и здесь мы наткнулись

¹ См. выше, илл. XI.

на любопытный пример, относящийся к первой половине XIII века. Округ Штединг на севере Германии, ныне известный как Ольденбург, был к началу XIII столетия населен крестьянами, упорно отстаивавшими свою независимость, но брекенская епархия требовала от них феодальных повинностей, которым они противились силой. Архиепископ в отместку объявил их еретиками и провозгласил против них Крестовый поход. Такие Крестовые походы против еретиков были тогда в моде, поскольку как раз в это время шла великая война с альбигойцами. Несколько лет штедингцы успешно удерживали свою независимость. В 1232 и 1233 годах папа опубликовал две буллы против гнусностей штедингцев и в обеих обвинил их во множестве языческих и колдовских действий, но во второй более полно изложил детали. Эти штедингцы, утверждал папа, принимая новообращенного в свою секту, совершали отвратительные церемонии. Когда новичка представляли, являлась жаба, которую все присутствующие целовали, некоторые в зад, а другие в рот, и тянули ее язык и слюну в свой собственный рот. Иногда эта жаба являлась в свою естественную величину, однако в другой раз она увеличивалась в размере до гуся или утки, а часто она достигала величины кухонной печи. Далее новичок встречал человека сверхъестественной бледности, с огромными черными глазами, худого и истощенного настолько, что как будто на нем совершенно не было плоти, одни лишь кости, обложенные кожей. Новичок целовал это создание и чувствовал, что оно холодно как лед; и после этого поцелуя вся католическая вера исчезала из его души бесследно. Затем все они садились к пиршественному столу; и когда трапеза завершалась, из статуи, что стояла там, где они собирались, являлся черный кот, большой, как средняя собака, и подходил к ним задом наперед, задрав хвост. Новичок первый, за ним мастер, а затем все остальные в свой черед целовали кота под хвостом, после чего возвращались на свои места, где застывали в молчании, склонив головы

перед котом. Затем мастер внезапно восклицал: «Попадай на нас!», каковые слова он обращал к следующему по порядку; а третий откликался: «Мы знаем, господин»; и четвертый добавлял: «Мы должны повиноваться». По завершении этой церемонии огни гасились, и каждый мужчина хватал первую попавшуюся женщину и совершал с ней плотское соитие. Когда это было окончено, свечи зажигались вновь, и участники вновь возвращались на свои места. Затем из темного угла выходил мужчина, верхняя часть которого, выше чресел, сияла и лучилась, подобно солнцу, и освещала всю комнату, тогда как нижняя часть была темной и поросшей шерстью, как у кота. Затем мастер отрывал кусок одежды новичка и говорил сияющему созданию: «Господин, это дано мне, а я передаю это тебе». Хозяин отвечал: «Ты служил мне хорошо, и ты будешь служить мне больше и лучше; что ты даешь мне, я даю на твое попечение». Сказав это, сияющий человек исчезал, и собравшиеся расходились. Таковы были тайные обряды штедингцев, как они изложены в подробном описании папы Григория IX, который также обвинил их в том, что они открыто поклонялись Люциферу.

Но самым поразительным и в то же время самым известным событием, в котором сыграли роль эти обвинения в проведении тайных и непристойных церемоний, была история судебного процесса и разгона ордена рыцарей Храма. Обвинения, выдвинутые против храмовников, впервые прозвучали не ко времени разгона ордена; уже многие годы повсюду шептались об их тайных верованиях и неприемлемых обычаях. Наконец богатства ордена, которые во Франции были очень велики, раздражили алчность короля Филиппа IV, и было решено начать против них процесс и лишить их имущества. Основания этого судебного разбирательства были предоставлены двумя тамплиерами, одним гасконцем и одним итальянцем, они явно были людьми скверного нрава и, будучи заключены в тюрьму за проступок или многие проступки, признались,

что их орден исповедует тайные обычаи. На основе этих признаний были составлены определенные статьи обвинения. Впоследствии они были расширены. В 1307 году Жака де Моле, великого магистра ордена, король вероломно заманил в Париж, и там он был схвачен и брошен в тюрьму. Подобным же образом отправили в тюрьму многих рыцарей по всему королевству; их допрашивали по отдельности, и многие сознались, тогда как другие упорствовали, отрицая все. Обвиняли их среди прочего в следующем: 1) что когда принимали в орден новых членов, после того как они произнесут клятву повиновения, их принуждали отречься от Христа и плюнуть на крест, а иногда также и растоптать его; 2) что затем они получали поцелуй тамплиера, который исполнял обязанности принимающего, а после того были обязаны поцеловать его *in ano*, в пупок, а иногда в производительный орган; 3) что, назло Спасителю, они иногда поклонялись коту, который являлся им на их тайных собраниях; 4) что у них в обычае были противоестественные пороки; 5) что в каждой провинции у них имелись идолы в виде головы, у которых иногда было по три лица, иногда два или только одно, а иногда в виде голого черепа, который они называли своим спасителем и верили, что идол этот может принести им богатство, заставить цветы расти, а землю плодоносить; и 6) что они всегда носили на себе веревку, которую сначала натирали об эту голову и которая служила для их защиты.

Церемонии, сопровождающие прием в орден, были настолько общеизвестны и описаны в деталях настолько правдоподобных, что едва ли можно усомниться в том, что все это происходило в действительности. Отречение должно было повториться трижды, без сомнения, в подражание святому Петру. Это явно рассматривалось как испытание безоговорочного повиновения, в котором они только что поклялись ордену; и все говорили в свое оправдание, что подчинялись против воли, что они отрекались устами, но не сердцем; и что они

намеренно плевали мимо креста, а не на него. В одном случае крест был из серебра, но чаще он был медным, а еще чаще — деревянным; однажды использовался крест, нарисованный в требнике, и часто для этой цели служил крест на тамплиерском плаще. Когда некий Николя де Компьен воспротивился, не желая исполнять эти два действия, все тамплиеры, при этом присутствовавшие, сказали, что он должен сделать это, потому что таков обычай ордена. Болдуин де Сен-Жюст поначалу отказался, но принимающий предостерег его, сказав, что, если он будет упорствовать в своем отказе, это может кончиться для него худо (*aliter male accideret sibi*), и тогда «он был столь сильно напуган, что волосы его встали дыбом». Жак де Треси рассказал, что он сделал это под влиянием страха, потому что его принимающий стоял рядом с огромным мечом в руке.

Еще одному из новичков, Жоффрею де Татану, который тоже запротестовал, его принимающий сказал, что таков «порядок» и что если он не уступит, то «его поместят туда, где он никогда не увидит собственных ног». А другой, который отказался произнести слова отречения, был брошен в темницу, и его держали там до вечерни, и когда он увидел, что ему грозит смерть, то сдался и исполнил все, что требовал от него принимающий, но он добавил, что был так расстроен и испуган, что забыл, плюнул ли он на крест или нет. Ги де ла Рош, пресвитер Лиможской епархии, сказал, что он выговорил отречение, заливаясь слезами. Другой, когда отрекался от Христа, «весь оцепенел и дрожал в тревоге, и казалось, будто он был околдован, не зная, как себя повести, при этом ему грозили страшными карами, если он этого не сделает». Когда Этьен де Дижон также отказался отринуть своего Спасителя, прецептор сказал ему, что он должен сделать это, ибо поклялся подчиняться его приказам, и тогда «он отрекся устами, — сказал он, — но не сердцем; и сделал это в великой печали», и добавил, что, когда это было сделано, он был так угрызен совестью, что «желал ока-

заться в любом другом месте, пусть за это пришлось бы отдать собственную руку». Когда Одо де Домпьер, вопреки великому нежеланию, наконец плюнул на крест, он сделал это, по его словам, с такой горечью в душе, что скорее хотел бы, чтобы ему перебили оба бедра. Мишле, рассказывая в своей «Истории Франции» о судебном процессе против тамплиеров, предлагает остроумное объяснение этих ритуалов инициации, которое придает им метафорический смысл. Он допускает, что они были заимствованы из символических мистерий и обрядов ранней Церкви, и если это предположение верно, то кандидат на принятие в орден поначалу представлял как грешник и отступник, в какой роли, следуя примеру Петра, он должен был отречься от Христа. Это отречение, предполагает автор, было чем-то вроде пантомимы, в которой новичок выражал свое нечестивое состояние, плюя на крест; после чего с него срывали его языческое платье, вводили через поцелуй ордена в высшее состояние веры, и он облакался в одеяние ее святости. Если так и обстояло дело, истинный смысл этого представления должен был очень скоро забыться.

Особенно это касалось самого поцелуя. Согласно статьям обвинения, одна из инициатических церемоний требовала от новичка поцеловать своего принимающего в губы, в *anus* или в копчик, в пупок и в *virga virils*. Последнее не упоминалось на допросах, но обо всем прочем рассказывало так много свидетелей, что нельзя сомневаться в истинности этих рассказов. Из показаний множества допрошенных тамплиеров явствует, что обычным порядком было поцеловать принимающего сперва *in ano*, затем в пупок, а затем в уста. Первое действие, разумеется, должно было вызывать отвращение у большинства, и на практике постепенно свелось просто к поцелую в копчик, или, как это называлось на средневековой латыни, *in anca*. Бертран де Соморен из Амьенской епархии, описывая процедуру принятия, в которой участвовал не один новый член,

говорит, что принимающий сказал им, что они должны поцеловать его *in ano*; но они, вместо того чтобы поцеловать его туда, приподняли его одежды и целовали его в копчик. Принимающий, по-видимому, своей властью мог сделать послабление насчет этого поцелуя, когда он считал, что тому есть достаточно веская причина. Этьен де Дижон, пресвитер епархии Лангра, говорил, что, когда его принимали в орден, наставник сказал ему, что он должен «согласно распорядку ордена» поцеловать своего принимающего *in ano*, но что, приняв во внимание его пресвитерский сан, его могут избавить от этого и простить ему этот поцелуй. Пьер де Грумениль, также пресвитер, будучи призван исполнить этот акт, отказался, и ему позволили поцеловать своего принимающего только в пупок. Пресвитер по имени Адо де Домпьер был освобожден по той же причине, так же как многие другие. Еще один тамплиер, по имени Пьер де Ланьяк, сообщил, что, когда его принимали в орден, принимающий сказал ему, что он должен поцеловать его *in ano*, поскольку это одно из правил ордена, но что по горячей просьбе его дяди, который находился там же и должен был, следовательно, принадлежать к числу рыцарей ордена, он получил освобождение от этого поцелуя.

Другое обвинение против тамплиеров было еще более отвратительным. Утверждали, что они запрещали любые сношения с женщинами, и один из допрошенных заявил, а другие подтвердили, что его принимающий сказал ему, что с этого часа он никогда не вступит в дом, где рождает женщина, и не станет крестным отцом ни одного ребенка, но он добавил, что нарушил эту клятву, поскольку, будучи еще членом ордена, присутствовал при крещении нескольких детей, а орден он покинул примерно за год до того, как стали арестовывать тамплиеров, из-за любви к женщине, от которой он был без ума. С другой стороны, те, кто отвечал на вопросы королевских чиновников в этом процессе, почти единогласно признались, что, вступив в орден,

они получили позволение совершать между собой содомические акты. Двое или трое притворились, что не поняли это предписание в плохом смысле, но предположили, что оно означало лишь готовность братьев, если кому-то недоставало постелей, уступить половину своей постели своему товарищу. Один из них, по имени Жиль де Энкрай, сказал, что поначалу воспринял это невинно, но что его принимающий тут же вывел его из заблуждения, разъяснив сказанное более откровенно, отчего он так ужаснулся, что хотел бы оказаться как можно дальше от часовни, в которой происходила церемония. Великое множество тамплиеров утверждали, что после поцелуя инициации им было сказано, что, буде их охватит природное возбуждение, они могут искать облегчения у любого из братьев; и что они обязаны выручать своих братьев, когда те обратятся к ним в подобных же обстоятельствах. В такой форме, по-видимому, это предписание чаще всего и звучало. В одном или двух случаях говорилось, что принимающий называл это выражением презрения к противоположному полу, что может, вероятно, служить показателем того, что эта церемония вела свое начало от некоторых мистерий странных сект, которые возникали в ранние века христианства. Жан де Сен-Луп, исполнявший обязанности мастера в обители тамплиеров в Суасакe, сказал, что на церемонии приема в орден он получил предписание не вступать в сношения с женщинами, но если он не сумеет стойко хранить воздержание, то имеет право вступить в те же сношения с мужчинами; и другим было сказано, что «будет лучше удовлетворять свое вожделение между собой, дабы орден избежал дурной славы, каковая разнесется, ежели они пойдут к женщинам». Но хотя почти полное единодушие этих признаний мешает усомниться в том, что такие предписания давались, однако, с другой стороны, они равно единодушны в отрицании того, что эти предписания исполнялись в действительности. Почти каждый тамплиер, которому задавались эти вопросы, после признания в том, что ему

было разрешено совершать этот грех с другими братьями, далее твердо настаивал, что никогда этого не делал и что никто из них никогда его об этом не просил. Теобальд де Таверньяк, чье имя говорит нам о его происхождении с юга, с негодованием отрицал существование такого порока в среде его ордена, но в таких словах, которые не слишком льстили нравственности тамплиеров в других отношениях. По его словам, обвинение «в грехе содомии» было несправедливым от начала и до конца, «потому что они могли иметь очень красивых и изящных женщин, когда хотели, и что они имели их часто, когда были богаты и могущественны достаточно, чтобы получить их, и что по этой причине он и другие братья ордена были удалены от их домов, как он сказал». Предполагаемое подтверждение того, что тамплиеры не полностью пренебрегали другим полом, можно найти в показаниях Дю Пюи, который признался, что, если от соития между тамплиером и девственницей рождался ребенок, они изжаривали его и делали мазь из его жира, которой обмазывали своего идола. Тех, кто действительно сознавался в существовании этого порока, было так мало, а их свидетельства столь неясны или уклончивы, что они не заслуживают рассмотрения. Некто слышал, что некоторые братья за морем были подвержены противоестественным порокам. Другой человек, Хью де Фор, слышал, что два брата ордена, проживающие в Шато Пелерин, обвинялись в содомии; и когда это достигло ушей мастера, он отдал приказ арестовать их, и один был убит при попытке к бегству, а второй был пойман и заключен в темницу до конца жизни. Петер Брокер, тамплиер из Парижа, заявил, что один член ордена как-то ночью призвал его и совершил с ним акт содомии; добавив, что он не отказался, потому что чувствовал себя обязанным подчиняться законам ордена.

Это свидетельство решительно противоречит распространенности такого порока среди тамплиеров, и мнимое позволение было, вероятно, просто словесной формулой, которая таила некий сокровенный смысл,

неведомый большинству самих тамплиеров. Мы склонны полагать, что в теории барона фон Хаммер-Пюргшталья, согласно которой тамплиеры переняли некоторые из мистических догматов восточных гностиков, есть немалая доля истины.

Что касается тайного идолопоклонничества, в котором обвиняли тамплиеров, — здесь много непонятного и запутанного. В показаниях упоминаются только отрывочные сведения о коте. Некоторые итальянские рыцари признались, что присутствовали на секретном собрании двенадцати рыцарей, состоявшемся в Бриндизи, когда перед ними внезапно явился серый кот, и они поклонялись ему. Некоторые тамплиеры из Нима утверждали, что они присутствовали на собрании в Монпелье, где перед ними появился демон в облике кота и пообещал им мирские блага, но их видениям не стоит доверять, поскольку они заявляли, что в то же самое время бесы явились в образе женщин. Английский тамплиер, допрошенный в Лондоне, поклялся, что в Англии они не почитали ни кота, ни идола, но что он достоверно слышал, что коту и идолу поклонялись тамплиеры за морем. Одинокий француз, допрошенный в Париже, Жиль де Энкрейю, упоминал про кота и сказал также, что слышал, но забыл от кого и все равно не поверил, что за морем некий кот являлся тамплиерам во время сражений. Вероятно, кот скорее принадлежит к низшему уровню народных суеверий, чем к вере тамплиеров.

Это, однако, не относится к идолу, который обычно описывался в виде изваяния человеческой головы, и его, по-видимому, показывали только на самых тайных собраниях в особых случаях. Многие из тамплиеров, допрошенных ранее членами комиссии, говорили, что они слышали, как об этой голове разговаривали в ордене как о действительно существующей, а другие признались, что видели ее. Как правило, ее описывали как мужскую голову примерно натуральной величины, с чрезвычайно свирепым выражением лица и с бородой — последняя иногда седая. Различные свидетели расхо-

дились в показаниях насчет того, из чего она была сделана, да и в других ее особенностях, и это заставляет нас предположить, что в каждой обители тамплиеров, в которой упоминалось существование этого идола, имелась своя собственная голова и что они отличались по форме. В целом все сходились на том, что эта голова служила объектом поклонения. Один тамплиер показал, что он присутствовал на собрании ордена в Париже, куда внесли эту голову, но он не смог описать ее, поскольку, когда он ее увидел, то был настолько поражен ужасом, что едва осознавал, где находится. Другой тамплиер, Ральф де Жизи, который исполнял обязанности принимающего в провинции Шампань, заявил, что он видел эту голову во многих собраниях; что, когда ее вносили, все присутствующие падали наземь и оказывали ей божеские почести: и когда его попросили описать ее, он показал под присягой, что выражение ее лица было столь ужасно, что показалось ему личиной демона — он употребил французское слово *un taufé*, — и что каждый раз, когда он видел ее, им овладевал такой ужас, что он едва ли мог взглянуть на нее без страха и трепета. Жан Тайлафер сказал, что, когда его принимали в орден, его внимание было сосредоточено на голове, стоящей на алтаре в часовне, коей голове ему приказали поклониться; он описал ее как голову мужчины в натуральную величину, но не мог добавить никаких подробностей, кроме одной: ему показалось, что она красноватого цвета. Райнерус де Ларшен видел голову на двух собраниях, в особенности на парижском, где у нее была борода, и ей возносили почести, и целовали ее, и называли ее своим спасителем. Гильермус де Эрбалею дважды видел голову с бородой на собраниях. Ему показалось, что она была из позолоченного серебра, а внутри деревянная. Он «видел, как братья оказывали ей почести, и ему самому пришлось поклониться ей, но он сделал это не в сердце своем». Как показал один свидетель, Деодатус Яффет, рыцарь с юга Франции, которого принимали в орден в Педенате, прини-

мающий показал ему голову, или идола, у которого было три лица, и обратился к нему: «Ты должен воздать ему почести как твоему спасителю и спасителю ордена Храма», и он добавил, что был вынужден поклониться этому идолу, говоря: «Благословен будь, кто спасет мою душу!» Другой свидетель под присягой дал очень похожее показание. Еще один рыцарь ордена, Хуго де Параудо, сказал, что на собрании в Монпелье он видел, держал и ощупывал этот идол или голову и что он и другие братья возносили ей почести, но он, как и другие, оправдывался, что не поклонялся ей в своем сердце. Судя по его описанию, этот идол опирался на четыре ноги, две спереди и две сзади.

Гийом де Арраблай, королевский алмонер (*eleemosynarius regius* — ведающий королевской милостыней), сказал, что на собрании, где его принимали, на алтаре была установлена голова из серебра и ей возносили почести все те, кто составлял собрание; ему было сказано, что это голова одной из одиннадцати тысяч девственниц, и он всегда верил в это до того, как был арестован вместе с орденом; когда же услышал все, что говорилось по этому вопросу, то «заподозрил», что это был тот самый идол; и он добавил к своим показаниям, что вроде бы идол имел два лица, ужасный взгляд и серебряную бороду. Не очень понятно, как он умудрился принять голову с двумя лицами, ужасным взглядом и серебряной бородой за голову одной из одиннадцати тысяч девственниц, но это, вероятно, частично объясняется показаниями другого свидетеля, Гийома Пидоя, чьему попечению были вверены мощи и прочее, принадлежащие Парижскому храму. Он изготовил голову из позолоченного серебра, с женским лицом, поместив внутрь небольшой череп, видимо женский, о котором было сказано, что это череп одной из одиннадцати тысяч девственниц. В то же время на обозрение выносилась другая голова, имевшая бороду, и, видимо, это и была голова идола. Оба эти свидетеля, без сомнения, спутали две вещи. Пьер Гаральд из

Мурсака, еще один свидетель, сказал, что после того, как он отрекся от Христа и плюнул на крест, принимающий вынул из-за пазухи некий маленький образ, то ли медный, то ли золотой, который, как оказалось, представлял собой женскую фигуру, и сказал ему, что «он должен верить в это, исповедовать это, и это будет хорошо для него». Здесь идол явился в форме статуэтки. Существовало также еще одно сообщение об этом идоле, которое, вероятно, описывает некий дополнительный предмет суеверного поклонения тамплиеров. Согласно одному письменному свидетельству, это была древняя мумифицированная кожа с яркими карбункулами вместо глаз, которые сияли, как небесный свет. Другие говорили, что это была человеческая кожа, но соглашались в отношении карбункулов.

В Англии монах-минорит засвидетельствовал, что, по уверению одного английского рыцаря Храма, у тамплиеров в этой стране хранятся четыре главных идола, один в ризнице храма в Лондоне, другой в Бристлхэме, третий в Брюэрии (Брюэрн в Линкольншире) и четвертый где-то за Хамбером.

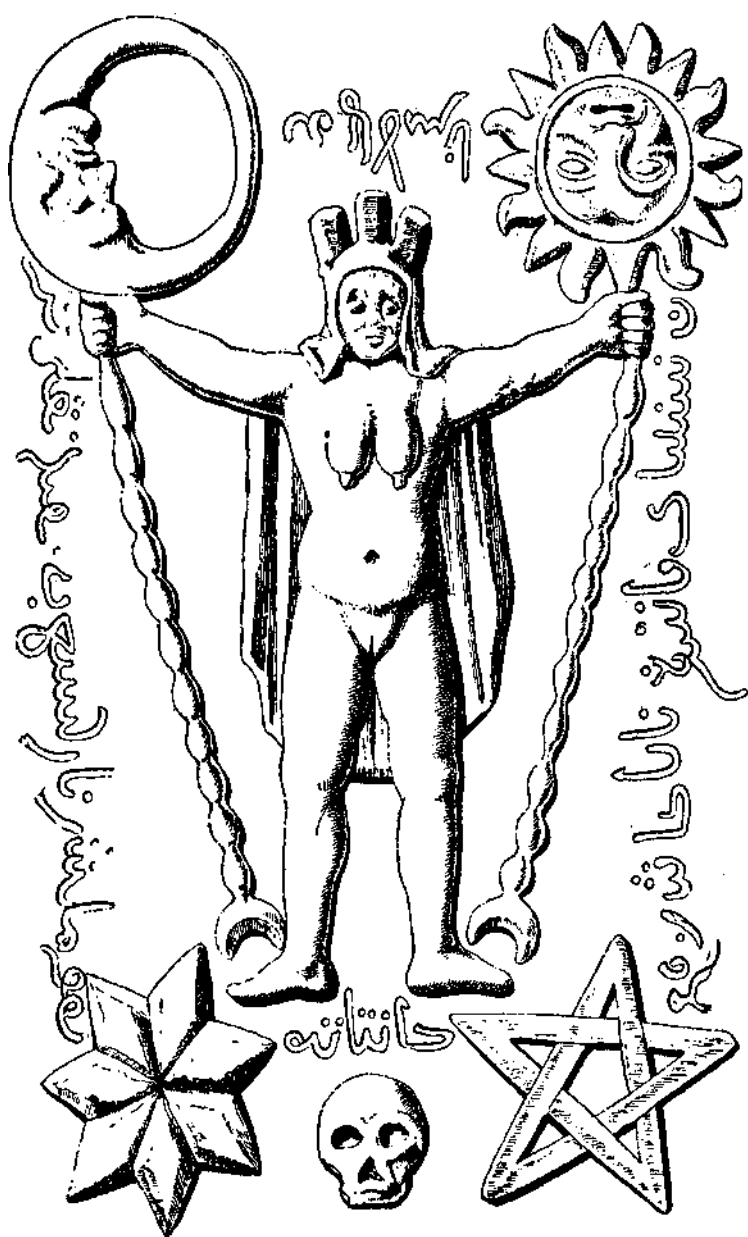
Еще один клочок информации, относящийся к этому «идолу», который стал предметом серьезной дискуссии среди современных авторов, был выявлен на допросе некоторых рыцарей с юга. Гозеран де Монтеспан, рыцарь из Прованса, сказал, что его начальник показал ему идола, сделанного в виде Бафомета; другой, по имени Раймонд Рубей, описал его как деревянную голову, на которой была нарисована фигура Бафомета, и добавил, «что он поклонялся ему, целуя его ноги и восклицая *«Yalla!»*, что означало, — сказал он, — *verbum Saracenorum*», то есть слово, заимствованное у сарацинов. Тамплиер из Флоренции утверждал, что на тайных собраниях ордена один брат обращался к другому, показывая идола: «Поклонись этой голове — эта голова есть твой бог и твой Магомет». Слово «Магомет» широко использовалось в Средние века как общее название идола или ложного бога; но некоторые авторы полага-

ют, что само слово «Бафомет» является испорченным «Магомет», и выдвигают предположение, что тамплиеры тайно исповедовали магометанство. Однако есть гораздо более примечательное объяснение этого слова, которое по крайней мере стоит рассмотреть со всем вниманием, особенно потому, что оно исходит от настолько выдающегося ориенталиста и ученого, каким являлся покойный барон Йозеф фон Хаммер-Пургшталь. Оно частью основывается на сравнении многочисленных предметов искусства, украшенных фигурами и относящихся, очевидно, к XIII столетию. В число этих предметов входят главным образом небольшие изображения или статуэтки, шкатулки и кубки.

Фон Хаммер привел описания и рисунки двадцати четырех таких изображений, которые, надо признать, на редкость хорошо отвечают описаниям «идола», данным тамплиерами на допросах, за исключением только того, что тамплиеры обычно говорили о предметах в натуральную величину и что это были просто головы. Большая часть из них имеет бороду, и у них довольно свирепое выражение лица. Среди приведенных фон Хаммером изображений семь представляют собой только головы, и две из них с двумя лицами, сзади и спереди, как описано в некоторых показаниях. Эти две, по видимому, должны были изображать собой женские головы. Всего фон Хаммер описал пятнадцать чаш и кубков, но гораздо меньшее количество шкатулок. Как чаши, так и шкатулки украшены чрезвычайно необычными фигурами, составляющими некую единую сцену, очевидно религиозную церемонию того или иного рода, но определенно непристойного характера; все персонажи, участвующие в ней, представлены обнаженными. В наши планы не входит погружение в детальное исследование этих мистерий. Наиболее интересная из шкатулок, описанных фон Хаммером, которая хранилась в частном музее герцога де Блакаса, вырезана из известняка, имеет 23 сантиметра в длину, 18 в ширину и 11 с половиной в глубину, с крышкой, толщина ко-

торой составляет около 5 сантиметров. Она была найдена в Бургундии. На крышке изображена обнаженная фигура в головном уборе, напоминающем обычный убор Кибелы на древних памятниках; изображение в каждой руке держит цепь и окружено множеством символов — солнце и луна наверху, звезда и пентакль внизу, а под ногами человеческий череп (см. илл. XXXVI). Цепи, согласно истолкованию фон Хаммера, представляют собой цепи гностических эонов. На четырех сторонах шкатулки мы видим ряд фигур, участвующих в совершении различных церемоний, объяснить которые не так легко, но которые фон Хаммер относит к ритуалам гностиков и орфиков. Среди этих ритуалов бросается в глаза жертвоприношение тельца — обряд, который, как утверждают, все еще существует у носариан, или нессаренов, друзов и в других восточных сектах. Посредине сцены с одной стороны виден человеческий череп, насаженный на шест. На другой стороне находится андрогинная фигура, представленная в качестве объекта поклонения двух кандидатов на инициацию, лица которых закрыты масками, явно изображающими кота, а способ, которым они воздают почести, напоминает поцелуй, совершаемый по правилам инициации тамплиеров (см. илл. XXXVII, рис. 1).

Эта группа напоминает также изображения оргий приапического культа, представленные на римских памятниках. Вторая из шкатулок, хранившихся в кабинете герцога де Блакаса, была найдена в Тоскане, и она существенно больше только что описанной, но сделана из того же материала, хотя более тонкозернистого. Крышка этой шкатулки утеряна, но стороны покрыты барельефами того же рода. На большом кубке, или большой чаше из мрамора, хранящейся в Императорском музее Вены, по кругу изображен ряд фигур того же свойства, срисованных фон Хаммером, который увидел в одной группе, состоящей из мужчин (первоначально имевших торчащие фаллосы) и змей, прямое указание на орфические ритуалы. Сразу вслед за ними шла группа, ко-

Илл. XXXVI. Приапические иллюстрации к старинным балладам

торую мы воспроизводим на нашей иллюстрации (см. илл. XXXVII, рис. 2), — странная фигура, восседающая верхом на орле, и сопутствующие ей два символа из числа представленных на шкатулке, найденной в Бургундии, — солнце и луна. Еще два символа под ними фон Хаммер рассматривает как изображения матки, согласно грубым средневековым представлениям о ее форме; оплодотворяющий орган проникает в одну, а из другой появляется ребенок. Последняя фигура в этом ряду, которую мы также скопировали (см. илл. XXXVII, рис. 3), идентична той, что на крышке бургундской шкатулки, но здесь отчетливо видно, что она является гермафродитом. В точности такая же фигура имеется на другой шкатулке из Венского музея (см. илл. XXXVII, рис. 4), где ей сопутствуют некоторые из тех же символов — звезда, пентакль и человеческий череп. Возможно, в этом последнем случае борода имеет целью показать, что фигуру нужно воспринимать как гермафродита.

После беспристрастного их сличения мы едва ли можем усомниться в том, что эти любопытные предметы — статуэтки, шкатулки, чаши и кубки — предназначались для использования в неких тайных мистических ритуалах, и аргументы, которые фон Хаммер приводит в доказательство того, что они принадлежали тамплиерам, кажутся по меньшей мере внушающими доверие. Некоторые из предметов, представленных на них, даже череп, ассоциируются с отдельными признательными показаниями тамплиеров, причем, очевидно, тех, которые выдали всего лишь часть того, что знали, или были далеко не в полной мере знакомы с тайнами своего ордена. Возможно, в самые тайные доктрины и ритуалы посвящалось полностью только небольшое число лиц. Существует, однако, и другое обстоятельство, связанное с этими предметами, которое, по-видимому, является практически неопровержимым подтверждением теории фон Хаммера. Большинство из них имело надписи, выполненные арабскими, греческими и латинскими буквами. Надписи

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

Рис. 4

Илл. XXXVII. «Идол» рыцарей Храма

на образках, видимо, были просто именами собственными, вероятно именами их владельцев. Но со шкатулками и чашами дело иное, поскольку на них содержится почти неизменяемая надпись арабскими буквами, которая, согласно интерпретации, данной фон Хаммером, представляет собой религиозный догмат. Арабскую надпись, по его словам, скопировал с восточного оригинала европейский, причем не слишком искусный, резчик, который ее не понимал, и надписи содержат ошибки и искажения, число которых либо увеличивалось с каждым копированием, либо, как предполагает фон Хаммер, они могли вноситься умышленно, с целью скрыть смысл от непосвященных. Хороший пример — надпись, идущая по краям крышки на шкатулке, найденной в Бургундии, и истолкованная, как ниже будет показано, фон Хаммером, увидевшим в ней некую пародию на *Cantate laudes Domini*. И действительно, слово под ногами фигуры, между ней и черепом, есть не что иное, как латинское *Cantate*, написанное арабскими буквами. Слова, с которых эта *Cantate* начинается, написаны над головой фигуры, и фон Хаммер прочитал их как *Fah la Sidna*, что в более правильном варианте выглядит как *Fella Sidna*, то есть «О Бог, Господь наш!».

Сама формула, к которой эта фраза служит введением, начинается на правой стороне, и первая часть ее читается как «*Houvè Mete Zonar feseba* (или *sebaa*) *B. Mounkir teaala tiz*». В арабском языке нет такого слова, как *mete*, и фон Хаммер рассудил, что это попросту греческое $\mu\eta\tau\iota\varsigma$ — мудрость, олицетворение которой в том, что мы могли бы назвать гностической мифологией, соответствует Софии офиианитов (офитов). По его мнению, имя Бафомет восходит к греческим словам Βαφη μῆτοες, то есть «крещение *Metis*», и в этой форме оно равнозначно самому имени Мет. Далее он показывает, на наш взгляд, убедительно, что Бафомет, не являясь искажением имени Магомет, вместо этого было именем, известным среди гностических сект

Востока. *Zonar* — слово не арабское и, возможно, всего лишь искажение или ошибка резчика, но по мысли фон Хаммера оно означает пояс, и это дает нам намек на таинственный пояс тамплиеров, о котором так много говорилось на их допросах. Буква В, как предполагает фон Хаммер, поставлена здесь вместо имени Бафомет, или вместо Барбало — одного из наиболее значительных персонажей гностической мифологии. *Mounkir* — арабское слово, обозначающее человека, который отрекается от ортодоксальной веры. Оставшаяся часть формулы приводится с другой стороны фигуры, но, поскольку надпись в нескольких местах попорчена, мы приведем латинский перевод, сделанный фон Хаммером с более корректной копии этой формулы, вырезанной на чаше (или кубке), хранящейся в Венском музее. На венской чаше этот символ веры написан на чем-то вроде большой таблицы, которую держит на виду фигура, очевидно долженствующая изображать еще один образ Мета, или Бафомета. Фон Хаммер дает следующий перевод: «*Exaltetur Mete germinans, stirps nostra ego et septem fuere, tu renegans reditus* ὦρωκτὸς *fis*».

Это все еще, надо признать, достаточно таинственно, и к тому же в большинстве копий этой формулы имеются более или менее заметные дефекты, но их можно сравнить друг с другом, и тогда общая форма и смысл становятся совершенно ясны. Это можно перевести как «Пусть Мет возвысится, тот, кто заставил все сущее пустить ростки и расцвести! Он наш корень; он (корень) есть один и семь; отрекись (от веры) и предайся всем наслаждениям». Число семь, как утверждают, относится к семи архонам гностического мировоззрения.

Есть в этой формуле, безусловно, несколько моментов, среди которых имеется как минимум одно совпадение с показаниями, сделанными на допросах тамплиерами. Во-первых, это обращение, предваряющее формулу. *Yalla (Jah la)* соответствует в точности показанию Раймона Рубея, одного из провансальских там-

плиеров, сообщившего, что, когда их глава выносил идола, или изображение Бафомета, он целовал его и восклицал «Ялла!» — что он называет «словом Сарацинов», то есть арабским.

Очевидно, что в этом случае свидетель не просто знал слово, но что он знал, какому языку оно принадлежит. Опять-таки, эпитет *germinans*, в приложении к Мету, или Бафомету, согласуется с утверждением, имеющимся в официальном перечне статей обвинения против тамплиеров, согласно которому они поклонялись своему идолу, потому что «он заставляет деревья цвести и землю плодоносить». Клятва отречения из формулы на шкатулке, по-видимому, идентична отречению при инициации новых членов ордена Храма; и можно добавить, что заключительный пассаж формулы включает в оригинале идею более непристойную, нежели та, что была выражена при переводе: указание на противоземный порок, которому тамплиеры, как утверждается, получали позволение потворствовать. В протоколах допросов существует другое любопытное утверждение, которое, по-видимому, относится непосредственно к нашим статуэткам и шкатулкам, — один из английских свидетелей по имени Джон де Донингтон, который оставил орден и стал монахом в Солсбери, будучи допрошен, признал, что старый тамплиер уверял его, будто «некоторые тамплиеры носят таких идолов в своих шкатулках». Их, по-видимому, хранили там с той же целью, что и мандрагору, поскольку один пункт в списке обвинений против тамплиеров состоял в том, что они поклонялись своему идолу, ибо «он мог сделать их богатыми, и что он доставил ордену все его великое богатство».

Другие два вида предметов, которые барон фон Хаммер считает реликвиями тайного культа тамплиеров, на наш взгляд, объяснены менее удовлетворительно. Это изваяния на старых церквях и монеты, или медали. Такие изваяния находятся, как утверждает фон Хаммер, на церквях Шенграбера, Валтендорфа и Бергтолдорфа

в Австрии; в церкви Дейчалтенбурга и на руинах в Постиене в Венгрии; в Мюрау, Праге и Эгре в Богемии. К этим примерам необходимо добавить изваяния церкви в Монморийоне, в Пуату, часть из которых есть на рисунках Монфокона, и в церкви Сен-Кру в Бордо. Мы уже отмечали довольно часто встречающиеся более или менее непристойные сюжеты изваяний, которые украшали ранние церкви, и предположили, что они могут до некоторой степени объясняться той атмосферой, которую создавало в обществе само существование приапического культа; но мы не склонны соглашаться с тем объяснением, которое дает этому фон Хаммер, или думать, что они имеют какую-либо связь с тамплиерами.

Мы можем легко понять появление подобных откровенных намеков на шкатулках или других предметах, предназначенных храниться в тайне или, по крайней мере, находиться не на виду; но едва ли возможно, чтобы люди, которые придерживаются убеждений и проводят обряды, даже упоминание о которых было в то время настолько опасно, объявляли бы о себе публично со стен своих строений, поскольку стены церквей в то время были, вероятно, самым эффективным способом публикации. Вопрос же о предполагаемых тамплиерских медалях весьма темен. Фон Хаммер приводит гравюры с нескольких таких предметов с различными изображениями на лицевой стороне и либо с крестом на обороте, либо в виде брактеатов¹. Коллекционеры дали название «аббатских знаков» довольно многочисленному классу таких медалей, назначение которых до сих пор точно не определено, хотя не приходится сомневаться в том, что медали носят религиозный характер. Кое-кто предполагает, что они выдавались тем, кто присутствовал на определенных таинствах или обрядах церкви и кто мог, таким образом, при необходимости доказать количеством своих знаков более или менее

¹ Б р а к т е а т ы — монеты с чеканкой на одной стороне. Германия, XI—XV вв.

регулярные свои посещения. Так это было или нет, однако бурлескные и шутовские сообщества Средневековья, к примеру Пир дураков, пародировали эти «знаки» и выпускали издевательские медали из свинца, а иногда из других металлов, которые, вероятно, использовались для тех же целей. Мы уже не однажды рассказывали о подобных непристойных медалях и приводили изображения образцов, которые, возможно, принадлежали тайным обществам, восходящим к древнему фаллическому культу или опирающимся на него. Вполне вероятно, что у тамплиеров могли быть в ходу подобные медали и что они содержали намеки на те ритуалы, в которых использовались. Медали, рисунки с которых были опубликованы фон Хаммером, были найдены главным образом на местах поселения рыцарей ордена Храма. Однако при сравнении фактов, изложенных в признавательных показаниях многих тамплиеров, сохранившихся в официальных протоколах, с фигурками, резными кубками и шкатулками, которые приводит фон Хаммер-Пюргшталь, напрашивается вывод, что в объяснениях последнего есть истина и что тамплиеры, или по крайней мере некоторые из них, тайно исповедовали некий вид гностицизма, который сам по себе основывался на фаллическом культе Античности. Английский тамплиер, Стефан де Стейплбридж, подтвердил, что в ордене Храма «существовали два «исповедания» — первое законное и добродетельное, второе противное вере». Он принял первое из них, когда впервые вступил в орден, за одиннадцать лет до момента его допроса, но во второе, или внутренние мистерии, его посвятили лишь примерно год спустя; и он весьма образно описал это второе посвящение, которое происходило в собрании Динсли, в Херефордшире. Другой английский тамплиер, Томас де Тоцци, сказал, что эти заблуждения занес в Англию французский рыцарь, занимающий высокое положение в ордене.

Итак, мы увидели, какое разнообразие форм принимал древний фаллический, или приапический, культ

в Средние века и как упрямо он цеплялся за жизнь при всех изменениях, происходивших в развивающемся обществе, пока, наконец, все ритуальные подробности древних приапических оргий, а также все, что прибавило к ним Средневековье, не соединились в великом и всеохватывающем суеверии — ведьмовстве. Во все времена люди верили, что посвященные получают таким образом власть, недоступную непосвященным, и только они, как считалось, знают, как надлежащим образом взывать к божествам, которые были предметом их поклонения и которых христианские учителя безоговорочно объявили нечистой силой. Молитвы, которые народы древности обращали к Приапу, народы Средневековья обращали к Сатане. Ведьминский шабаш был всего лишь последним обличем, который приапея и либералия приняли в Западной Европе, и во множестве деталей воспроизводил все эти грандиозные и развратные римские оргии. Шабаш ведьм нельзя приписать к тевтонской мифологии; но его следы находятся всюду, начиная с юга, во всех странах, в которых преобладало римское влияние. Случаи шабашей отчетливо прослеживаются в Италии еще с самого начала XV столетия, и вскоре после того они начинают происходить на юге Франции. К середине этого столетия некто по имени Робине де Во, живший отшельником в Бургундии, был арестован, доставлен в Лангр, осужден и сожжен. Этот человек был родом из Артуа; по его утверждению, ему было известно, что в этой провинции огромное число ведьм, и он не только признался, что присутствовал на ведьмовских ночных собраниях, но и назвал имена некоторых жителей Арраса, которых там встречал. В это время — шел 1459 год — генеральное собрание доминиканцев, или братьев-проповедников, проводилось в Лангре, и среди тех, кто находился там, был монах-доминиканец по имени Пьер де Бруссар, который исполнял обязанности инквизитора в Аррасе. Он с жадностью прислушивался к подробностям признания Робине. Среди упомянутых им

имен тех, кто присутствовал на ведьминских сборищах, мелькнули имена Демизель, проститутки из Дуэя, и мужчины по имени Жеан Левит, но который был более известен под прозвищем Малоумный Аббат (*Abbé de peu de sens*). По возвращении Бруссара в Аппас он велел арестовать обоих и доставить в этот город, где их заключили в тюрьму. Левит, который был художником, сочинителем и исполнителем песен, пользующихся известностью, покинул Аппас до того, как Робине де Во сделал свои признания, но его выследили в Аббевилле, в Понтье, и схватили там. Из этих двоих выпытали признания, которые компрометировали других, и многих вследствие этого взяли под стражу. Впоследствии некоторых из них заставили подтвердить эти показания, и в результате их также сожгли. В то время, по крайней мере в этой части Франции, словом *Vauderie*, или, как это писалось позже, *Vaulderie*, обозначались занятия колдовством или соответствующий род деятельности. Допрошенные рассказали, что место встречи назначалось обычно у источника в лесу Моффлен, примерно на расстоянии лиги от Аппаса, и что они иногда приходили туда пешком.

Однако более привычный для них способ передвижения, согласно их же собственным рассказам, был таков — они брали мазь, полученную ими от дьявола, натирали ею деревянную палку, одновременно втирая мазь себе в ладони, а затем, оседлав палку верхом, во мгновение ока переносились по воздуху на место сбора. Там они встречали множество людей его пола, всех сословий и званий, богатых горожан и даже дворян. Один из допрошенных заявил, что видел на месте сбора не только рядовое духовенство, но и епископов и даже кардиналов. Они находили там уже накрытые столы, уставленные всевозможными яствами, и вино в изобилии. Во главе восседал дьявол, обычно в облике козла, с человеческим лицом и хвостом обезьяны. Каждый приходящий сперва подносил ему дары и оказывал почести, предлагая в жертву свою душу или

по крайней мере какую-то часть своего тела, а затем, в знак обожествления, целовал его в заднюю часть. Все это время поклоняющиеся держали в руках горящие факелы. Малоумный Аббат, упоминавшийся выше, на этих встречах исполнял обязанности хозяина церемонии, и это была его обязанность — смотреть, чтобы вновь прибывшие надлежащим образом исполняли свой долг почитания. После этого они попирали ногами крест и плевали на него, назло Иисусу и Святой Троице, и совершали другие богохульные деяния. Затем они усаживались за столы и после того, как достаточно наедались и напивались, выходили из-за столов и устраивали беспорядочные сношения между полами, в которых принимал участие дьявол, прикидываясь попеременно то одним, то другим полом, в зависимости от того, кто был его временным сожителем. Затем следовали другие мерзкие деяния, а затем дьявол читал им проповедь, где в особенности запрещал им ходить в церковь, или слушать мессу, или касаться святой воды, или исполнять какие-либо иные обязанности добрых христиан. После этого наставление заканчивалось, собрание расходилось, и участники разделялись и возвращались по своим домам.

Преследования ведьм в Аррасе отличались такой жестокостью, что это возымело действие. Протесты, однако, были непродолжительны, и с этого времени до конца столетия страх перед колдовством начал распространяться по Италии, Франции и Германии и все больше набирал силу. Именно в течение этого периода колдовство, попав под внимание рьяных инквизиторов, постепенно преобразилось в гигантскую систему. О ней были написаны весьма объемистые книги, содержащие сообщения о разнообразных обычаях ведьм и указания о том, как им противодействовать. Одним из самых ранних авторов этого толка был швейцарский монах по имени Джон Нидер, который исполнял обязанности инквизитора в Швейцарии и посвятил один том своего труда под названием *Formicarium* колдовству в том

виде, в каком оно существовало в этой стране. Он ни словом не упоминал о ведьминском шабаше, который, следовательно, не был тогда известен среди швейцарцев. В начале 1489 года Ульрик Молитор выпустил на данную тему трактат под названием *De Pythonicis Mulieribus*, и в том же 1489 году появилась знаменитая книга — *Malleus Maleficarum*, или «Молот Ведьм», совместная работа трех инквизиторов из Германии, главным из которых был Якоб Шпренгер. Этот труд предоставляет нам полную и чрезвычайно интересную информацию о колдовстве в том виде, в котором оно, как тогда верили, существовало в Германии. Авторы обсуждают различные вопросы, имеющие отношение к колдовству, — например, таинственное средство, переносящее ведьм с одного места на другое, — и приходят к выводу, что средство это действительно существует и что ведьмы телесно переносятся по воздуху. Примечательно, однако, что даже *Malleus Maleficarum* не содержит непосредственных ссылок на шабаш, и мы можем заключить, что даже тогда эта грандиозная приапическая оргия не образовала еще часть германского мировоззрения; она, вне всяких сомнений, была занесена туда среди прочего безумия колдовства, охватившего XVI век. Со времени опубликования *Malleus Maleficarum* и до начала XVII столетия по всей Западной Европе количество книг о магии, выходявших из-под печатного станка, было огромно; и мы не должны забывать, что наш собственный монарх, король Яков I, также блистал среди авторов, писавших о колдовстве.

Со времени выхода *Malleus* прошло почти три четверти столетия, когда француз по имени Бодэн — в латинизированном звучании Бодинус — издал довольно громоздкий трактат, ставший с тех пор настольным руководством по колдовству. Шабаш был описан в этой книге во всей своей полноте. Он обычно проводился в уединенном месте и, если то было возможно, на вершинах гор или в отдаленных лесах. Когда ведьма собиралась отправиться туда, она закрывалась в

спальне, снимала с себя всю одежду и натирала тело мазью, изготовленной для этой цели. Затем она брала посох, который во многих случаях также намазывала, помещала его между ног и произносила заклинание, и ее в невероятно короткий срок переносило по воздуху на место встречи. Бодэн со знанием дела рассматривал вопрос о том, действительно ли ведьмы переносились по воздуху телесно или нет, и приходил к утвердительному выводу. Сам шабаш был многолюдным собранием ведьм и колдунов обоих полов, а также демонов. Участники его соперничали между собой, привлекая новообращенных, и по прибытии они представляли новичков демону, который правил шабашем и которому они оказывали почести, непотребно целуя его в зад. Затем они отчитывались во всем ущербе, который причинили со времени предыдущей встречи, и получали вознаграждение либо порицание, в зависимости от итога. Затем дьявол, который обыкновенно принимал облик козла, распределял между ними порошки, мази и другие средства, дабы они употребляли их в будущем, творя подобное же зло. Далее почитатели дьявола приносили ему жертвы — овцу или что-либо иное, или же в некоторых случаях всего лишь небольшую птицу, или клочок волос ведьмы, или какой-нибудь другой столь же незначительный предмет. Затем они были обязаны скрепить свое отречение от христианской веры, растоптав ногами крест и осыпав бранью святых. Затем дьявол совершал сексуальный акт с новой ведьмой, ставил свою отметину на некий тайный участок ее тела, очень часто на половые органы, и приставлял к ней духа или беса, который должен был служить у ведьмы на посылках и помогать ей творить зло. Но это было то, что можно назвать деловой частью встречи, и, когда она заканчивалась, все переходило к роскошному пиршеству, которое было накрыто на столах и иногда состояло из великолепных кушаний, но чаще из тошнотворной или невещественной пищи, так что гости часто покидали собрание та-

кими же голодными, как если бы ничего не отведали. По завершении пира все вставали из-за столов и шли танцевать, и следовала сцена дикого и разнузданного веселья. Обычным танцем в этом случае являлась средневековая *карола*, которую, как известно, танцевали все крестьяне; группа — поочередно мужчины и женщины — становилась в круг, взявшись за руки, с той только особенностью, что в обычной жизни танцоры были обращены в круг лицом, тогда как здесь они смотрели наружу, так что их спины были обращены внутрь круга. Такое расположение объяснялось якобы тем, что оно не дает танцующим разглядеть и узнать друг друга; однако, согласно другим мнениям, это была прихоть нечистого, который желал делать все противно тому, как обычно поступают христиане. Были и другие танцы, еще более неистовые, и некоторые из них носили непристойный характер. Песни, которые пелись на этих оргиях, также были либо непристойными, либо вызывали грубый смех. Музыка часто извлекалась из шутовских инструментов, к примеру, трость или кость служила вместо флейты, конский череп вместо лиры, бревно вместо барабана, ветка вместо трубы. По мере того как участники приходили во все большее возбуждение, безнравственность происходящего возрастала, и наконец они предавались беспорядочным сексуальным соитиям, в которых демоны играли очень активную роль. Время всей встречи рассчитывалось так, чтобы дать возможность ведьмам, с помощью все того же проворного средства перевозки, что доставило их сюда, добраться до своего жилья до того, как прокукарекает петух.

Так проходил шабаш по представлению Бодэна; но мы дали лишь краткий его обзор, дабы описать это необыкновенное зрелище, взяв в качестве источника более полное и более интересное изложение другого француза — Пьера де Ланкра. Этот человек служил королевским советником или судьей в парламенте Бордо и был включен в 1609 году вместе с одним из своих кол-

лег в комиссию, ведущую судебное расследование по делу обвиняемых в ведовстве особ из Лабура, местности в баскских провинциях, позже прославившейся своими ведьмами и очевидно низким уровнем нравственности среди населявших ее жителей. Это дикий и по большей части запустелый край, обитатели которого с несгибаемым упорством держались за свои древние суеверия. Де Ланкр, скрупулезно изучавший природу и характер демонов, рассматривал вопрос о том, почему их было так много в Лабуре и почему жители этой местности так сильно были привержены колдовству. Женщины тамошние, говорит он, от природы обладали сладострастным темпераментом, что выражалось даже в их манере одеваться, поскольку он описывает их головные уборы как совершенно неподобающие, да и вообще они, по его мнению, весьма нескромно выставляли себя напоказ. Он добавляет, что главный продукт этой местности — яблоки, и отсюда неочевидным образом приходит к заключению, что эти женщины напоминают по характеру Еву и с большей легкостью уступают соблазну, нежели жительницы других местностей. Со всей суровостью подвергнув этих невежественных людей тому, что было затем названо «правосудием», и потратив на это четыре месяца, два члена комиссии возвратились в Бордо, и там де Ланкр, на которого все, что он увидел и услышал, произвело крайне тяжелое впечатление, сам обратился к изучению ведовства и в свое время выпустил в свет огромный труд по данной теме, озаглавив его *Tableau de l'Inconstance des Mauvais Anges et Démons*. Пьер де Ланкр пишет искренне и добросовестно и явно верит во все, о чем пишет. Его книга ценна огромным количеством новой информации, имеющей источником признания ведьм и записанной, без сомнения, с их слов. Второй том целиком посвящен подробностям шабаша.

На допросах ведьмы утверждали, что в былые времена днем, точнее, ночью сборища у них был определен понедельник, но что теперь они встречаются два

раза в неделю — по ночам среды и пятницы. Хотя некоторые утверждали, что они переносились на место встречи средь бела дня, большинство сходилось в том, что перемещение на шабаш происходило в полночь. В качестве площадки для сборища обыкновенно избиралось место, где пересекаются дороги, но не всегда и не обязательно, поскольку де Ланкр утверждает, что они обычно проводили свой шабаш в некой уединенной и дикой местности, посреди пустоши, которая была избрана специально именно потому, что находилась в отдалении от часто посещаемых или населенных мест. Этому участку, говорит он, дали название Акелар, что он переводит как *Lane de Bouc*, то есть козлиная пустошь, имея в виду, что это та пустошь, где козел (облик, обыкновенно принимаемый Сатаной) созывает свои сборища. И далее он излагает свое мнение, согласно которому эти дикие края и были изначальной сценой проведения шабаша, хотя впоследствии часто выбирались другие места. «Ибо мы слышали более чем пятьдесят очевидцев, которые уверяли нас, что они были на Козьей пустоши на шабаше, проводимом на горе Ла-Рюн, иногда на открытом месте, иногда в часовне Святого Духа, что стоит на вершине ее, а иной раз в церкви Дордаш, что на границе Лабура. Временами они проводили его в жилых домах, например, в то время, когда мы вели разбирательство в приходе Сен-Пе, шабаш прошел однажды ночью в нашей гостинице, называемой «Барбаре-нена», и в доме мастера [...] де Сегюр, судебного чиновника в Байонне, который в то самое время, как мы там были, провел более пространное расследование против некоторых ведьм, имея полномочия на арест, данные парламентом Бордо. Затем той же ночью они отправились, дабы продолжить его, в поместье владельца того края, господина д'Амо, и в его замок Сен-Пе. Но мы не нашли во всем краю Лабур никакого другого прихода, кроме Сен-Пе, где дьявол проводил шабаш в собственных домах его обитателей».

Далее говорится, что дьявол подыскивает места для своих сборищ, и помимо пустошей это могут быть старые разрушенные дома и руины старых замков, особенно если они расположены на вершинах гор. Иногда для этой цели избирался участок на старом кладбище, где, как старомодно и изящно выражается де Ланкр, «нет иного жилья, кроме обители мертвецов», особенно если оно располагалось в укромной местности. Например, по соседству с одиноко стоящими церквями и часовнями, посреди пустошей или на обрывистых морских берегах, как Португальская часовня в Сен-Жан-де-Люс, именуемая Сен-Барб. Она была расположена настолько высоко, что служила ориентиром для кораблей, приближающихся к берегу. Ла-Рюн в Лабуре и Пюи-де-Дом в Перигоре находились на высоких горах.

На этих сборищах Сатана иногда отсутствовал, хотя такое случалось редко, и в этом случае его место занимал какой-нибудь мелкий бес. Де Ланкр перечисляет множество обликов, которые дьявол обычно принимал, с примечанием, что этих форм было великое множество, а «его движения были изменчивы, исполнены неопределенности, морока, хитрости и лживости». Некоторые из ведьм, которых он допрашивал (среди которых была девочка тринадцати лет от роду по имени Мария д'Агуэрре), говорили, что на этих сборищах в середине шабаша появлялся громадный кувшин или бадья и что из него выходил дьявол в виде козла, который внезапно становился таким большим, что это «устрашало», и что в конце шабаша он возвращался в кувшин. Другие описывают его как нечто вроде громадного ствола дерева, без рук или ног, сидящего на троне, с лицом огромного мужчины ужасного вида. Еще говорили о нем, что он походил на огромного козла, с двумя рогами спереди и двумя сзади, и те, что спереди, были изогнуты наподобие женского парика. Согласно самому распространенному свидетельству, сообщает де Ланкр, у него было три рога,

причем средний испускал пламя, которым он пользовался на шабаше, предлагая одновременно свет и огонь ведьмам. У некоторых из них имелись свечи, и они зажигали их от его рога, дабы держать их, пока служили извращенную мессу, которая была одной из дьявольских церемоний. Иногда он также носил поверх рогов что-то вроде шляпы или капюшона. «Он имел впереди себя торчащий член, который он всегда выставлял на локоть длины; и сзади имел длинный хвост, с чем-то вроде лица под ним, коим лицом он не мог вымолвить ни слова, но оно служило только для того, чтобы предложить поцелуй тем, кого он избрал, без различия пола, ведьм и колдунов, отличенных более других». Дьявол, как будет видно, здесь изображается с символом Приапа. Девятнадцатилетняя Мария д'Эспилетт, которая жила в Гандайе, показала на следствии, что первый раз, когда ее представляли дьяволу, она поцеловала его в лицо на зад, под большим хвостом, и что она повторила этот поцелуй три раза, добавив, что это лицо было наподобие козлиной морды. Другие говорят, что он был по облику как громадный человек, «окутанный темным облаком, ибо он не желал быть видимым ясно», и что он был весь «пламенеющий» и имел лицо красное, как железо, вынутое из печи. Корнель Бролик, юноша двадцати лет от роду, сказал, что, когда его впервые подвели к нему, он имел человеческий облик, с четырьмя рогами на голове, и без рук. Он восседал на возвышении, имея при себе нескольких женщин, которые были его фаворитками и находились всегда рядом с ним. «И все они согласно показали, что это был высокий трон, который выглядел позолоченным и очень роскошным». Жанетта д'Абади из Сиборо, шестнадцати лет, сказала, что Сатана имел лицо впереди и лицо позади, так представляют бога Януса. Де Ланкр также слышал, что его описывали как большого черного пса, большого быка из меди в лежачей позе и как настоящего лежащего быка.

Хотя утверждалось, что в былые времена дьявол обыкновенно появлялся в виде змеи — еще одно совпадение с приапическим культом, — однако во времена де Ланкра его излюбленным обликом был, безусловно, облик козла. Когда шабаш начинался, ведьмы и колдуны официально представляли дьяволу тех, кто никогда не был на шабаше прежде, и женщины особо подносили ему детей, которых заманили колдовством. Новообращенные отрекались от Христа, Девы Марии и святых, и затем их заново крестили с глумливыми церемониями. Затем они совершали обряд поклонения дьяволу, целуя его в лицо под хвостом или в иное место. Совсем маленьких детей приводили на берег реки, — поскольку все это устраивалось чаще всего на берегах рек, — вкладывали им в руки белые прутья и поручали им пасти жаб, которых там содержали и которые играли важную роль в последующих действиях ведьм. Отречение часто должно было повторяться вновь, и в некоторых случаях оно требовалось всякий раз, как ведьма посещала шабаш. Жанетта д'Абади, шестнадцатилетняя девушка, сказала, что дьявол заставлял ее повторно исполнить ритуал. Она дважды целовала его в лицо, затем в пупок, затем в половой член и затем в зад. После нового крещения он ставил на тело своей жертвы метку в некоем сокровенном месте, где ее маловероятно было увидеть. У женщин она часто располагалась на половых органах или внутри их.

Отчет де Ланкра о том, как проходил шабаш, весьма досконален и любопытен. Он говорит, что это «напоминало ярмарку торговцев, собравшихся вместе, множество народу, прибывающего отовсюду на повозках — столпотворение и смешение сотен тысяч пришлецов, внезапно возникающее и быстропреходящее, необыкновенное, правду сказать, но пугающее своей необычностью, оно оскорбляет зрение и отвращает. Из того, что там есть, одни вещи реальны, другие же обманчивы и призрачны. Некоторые приятны (но та-

ких очень мало) — таковы, например, маленькие колокольчики и разные мелодичные инструменты всех родов, которые угождают лишь слуху и не затрагивают сердце, ибо издают скорее разноголосый и громкий шум, нежели звуки гармонии, что радуют и веселят, — другие неприятны, полны уродства и ужаса, и от них идет одно лишь отчаяние, нужда, пагуба и разруха, и люди там становятся как животные и превращаются в зверей, утратив речь, пока они там находятся, а звери, напротив, начинают говорить и кажутся более разумными, нежели люди, и каждый лишен своих природных свойств».

Женщины, по убеждению де Ланкра, были во всем этом смятении активной действующей силой, гораздо более деятельной, чем мужчины. Они носились повсюду, распустив волосы и обнажившись догола; некоторые натирались волшебной мазью, другие нет. Они прибывали на шабаш или отбывали с него, получив вредоносное задание, оседлав посох или метлу или усевшись на козла или другое животное, с одним или двумя младенцами за спиной, ведомые либо управляемые самим дьяволом. «И когда Сатана поднимает их в воздух (что есть привилегия, дарованная только самым высшим), он отправляет их в путь и запускает их как огненные ракеты, и они направляются и устремляются на указанное место стократно быстрее, нежели орел или коршун могут устремиться за своей добычей».

По возвращении женщины докладывали Сатане обо всем вреде, который они причинили. Яды всех видов и для всех надобностей требовались здесь в большом количестве. Как утверждалось, одним из ингредиентов служили жабы, и забота об этих животных, пока они были живы, возлагалась на детей, которых ведьмы брали с собой на шабаш и которым, в качестве эмблемы их занятия, вручались маленькие белые прутики, «как раз такие, какие дают зараженным чумой в знак того, что они заразны».

Полновластным повелителем этого сбирища был дьявол. Иной раз он являлся туда в виде зловонного бородатого козла, ибо тот, говорит де Ланкр, был особенно противен роду человеческого. Козел, как мы знаем, — животное, посвященное Приапу. Иногда дьявол, если мы правильно поняли де Ланкра, принимал облик, который представлял собой фантастическое соединение дерева и человека, сравнимый — здесь слог де Ланкра становится довольно поэтическим — с древним увядающим кипарисом на вершине высокой горы или с вековым дубом, чья крона уже несет на себе отпечаток приближающегося умирания.

Когда дьявол являлся в человеческом облике, этот облик был безобразен, омерзителен, голос груб, манеры повелительны. Он восседал на помосте, который блестел, как позолоченный; и рядом с ним сидела королева шабаша — одна из ведьм, которой он оказывал больший почет. Наряженная в яркое платье, с короной на голове, она служила искушением для тщеславия остальных присутствующих.

Здесь горят ложные огни, через которые поначалу проходят некоторые демоны, а затем и ведьмы, не испытывая ни малейшей боли, что, как поясняет де Ланкр, должно было научить их не бояться адского огня. Но мы видим в них «огни нужды», которые составной частью входили в приапические оргии, и о которых мы говорили ранее. Там женщины подводят к дьяволу детей, которых они вовлекли в колдовство, и он показывает им глубокую яму, в которую угрожает их сбросить, ежели они откажутся отвергнуть Бога и поклониться Сатане.

В других местах видны большие котлы, полные жаб и гадюк, сердец некрещеных младенцев, кусков плоти повешенных злодеев и прочих отвратительных ингредиентов. Из них делают мази и отравы, наполняют ими горшки, и всем этим постоянно торгуют на этой «ярмарке». Из этого же составлялись блюда, сервированные на столах шабаша, на которые не допускалась

соль, поскольку Сатана желал, чтобы все было пресное, несвежее и дурного вкуса.

Здесь можно увидеть людей «танцующих иногда цепочкой, иногда парами, повернувшись друг к другу спинами, или в кругу, обратившись спинами к центру танца, и каждую девушку и женщину держат за руки их демоны, которые учат их движениям и жестам настолько непотребным и бесстыдным, что им бы ужаснулись самые распутные женщины в мире; с песнями сочинения такого грубого и в словах и выражениях столь вольных и развратных, что глазам было больно, слух расстраивался и разум мешался, околдованный, при виде такого множества чудовищных мерзостей, стеснившихся вместе».

«Дамы и девицы, которых демоны избирали, чтобы вступить с ними в связь, были окутаны туманом, дабы скрыть скверну и нечистоту, сопутствующие этому зрелищу, и дабы не допустить сострадания, которое другие могли проявить при виде воплей и мучений этих несчастных негодниц». Чтобы «добавить к другим мерзостям еще и богохульство», они притворялись, что совершают религиозные обряды, которые были разнужданной и дерзкой пародией на католическую мессу. Воздвигался алтарь, и священник освящал и возносил гостию, но она была сделана из некой отвратительной субстанции, и священник стоял головой книзу, задрав ноги вверх, и спиной к алтарю. Таким образом все совершалось в чудовищной или отвратительной форме, так что даже сам Сатана почти стыдился этого.

Де Ланкр признавал, что течение шабаша в разных местностях отличалось, причем основу этих различий составляли разные свойства местности, «господин», который правил на шабаше, и разнообразные склонности присутствующих. «Но все хорошо продумано, и есть общее согласие в основных и самых главных из важных церемоний. По этой причине я расскажу то, что мы узнали при наших разбирательствах, и

я просто повторяю то, что некоторые известные ведьмы показали перед нами, как насчет установленных правил шабаша, так и обо всем, что обычно наблюдается там, не изменяя и не искажая ничего из их показаний, дабы каждый мог выбрать, что ему нужно».

Первое свидетельство, представленное де Ланкром, относится не к его времени, а к прошлому; оно датируется 18 декабря 1567 года, и он получил копию этого признания. Эстебен де Камбру из прихода Амо, женщина двадцати пяти лет, рассказала, что великий шабаш проводится четыре раза в год, в насмешку над четырьмя ежегодными церковными праздниками. Малые собрания, которые проходили неподалеку от городов или приходов, посещались только теми, кто проживал в этой местности; они именовались «увеселениями» и проводились то в одном месте, то в другом, и там только танцевали и развлекались, поскольку дьявол не являлся туда во всей своей силе, как на большие сборища. По сути, это были большие и малые приапеи. Она сказала, что место великого собрания обыкновенно называли Козьей пустошью (*Lanne de Bouc*). Там собравшиеся танцевали вокруг камня, вросшего в землю на упомянутом месте (видимо, один из так называемых друидических памятников), на котором восседал высокий черный человек, коего они называли Монсеньор. Каждый присутствующий целовал этого черного человека в зад. Она сказала, что их привозило к этому месту животное, которое частью напоминало лошадь, а частью — человека, и что они никогда не ездили на этом животном более чем вчетвером за один раз. Прибыв на шабаш, они отрекались от Господа, Девы «и всего прочего» и принимали Сатану своим отцом и защитником, а дьяволицу — своей матерью. Эта свидетельница описывала, как изготавливали и продавали яды. Она сказала, что видела на шабаше нотариуса (чье имя она назвала), который обязан был обличать тех, кто не явился. По пути к

шабашу, каким бы сильным ни был ливень, они никогда не промокали, для чего нужно было произнести слова, благодаря которым хвост зверя, на котором они ехали верхом, укрывал их столь хорошо, что дождь на них не попадал.

Мужчина семидесяти трех лет по имени Петри Дагерр предстал перед де Ланкром и его товарищам по комиссии в Устарице; два свидетеля утверждали, что он исполнял роль распорядителя церемоний и правителя шабаша и что дьявол дал ему позолоченный жезл, который он нес в руке как знак власти, и руководил, и управлял действиями. По окончании встречи он вернул жезл Сатане.

Некий Легер Ривассо признался, что он был на шабаше дважды, не поклоняясь дьяволу и не делая ничего из того, что требовалось от остальных, поскольку по условиям его сделки он отдал половину своей левой ступни за способность исцелять и за право присутствовать на шабаше без дальнейших обязательств. Он рассказал, «что шабаш проводится около полуночи, на перекрестке дорог, чаще всего в ночь среды или пятницы; что дьявол предпочитает преимущественно штормовые ночи, когда дует сильнейший ветер, дабы ветры и бурные стихии могли разнести их порошки как можно стремительней и дальше; что на их шабашах председательствовали два знатных дьявола — огромный негр, которого они называли Мастер Леонар, и другой маленький дьявол, который временами замещал Мастера Леонара на его месте, — звали его Мастер Жан Муллен; что они воздавали почести великому господину и что, поцеловав его в зад, шли танцевать; там было около шестидесяти танцующих, без одежды, спина к спине, каждый с большим котом, привязанным к полам его (или ее) сорочки, и что после этого они танцевали голышом; что этот Мастер Леонар вначале, приняв облик черного лиса и очень плохо выговаривая слова, пробормотал речь, после которой они все замолчали».

Некоторые из допрошенных ведьм говорили о восторге, который они испытывали, посещая шабаш. Жанна Дибассон, двадцати девяти лет, сказала, что шабаш был истинным раем, где было гораздо больше радости, чем можно выразить; что те, кто приходил туда, обнаруживали, что время, наполненное удовольствиями и наслаждениями, пролетело слишком быстро, оставив по себе непостижимую печаль, так что они с громадным нетерпением предвкушали наступление следующей встречи.

Мария де ла Ральде, «очень красивая женщина двадцати восьми лет от роду», которая впоследствии отказалась от своей связи с дьяволом, продолжавшейся пять или шесть лет, дала полный отчет своих переживаний на шабаше. Она сказала, что часто посещала шабаш с того времени, как ей исполнилось десять лет, когда ее впервые взяла туда Мариссан, жена Сарроша, а после смерти Мариссан дьявол взял Марию туда самолично. Что первый раз, когда она была там, она видела дьявола в облике древесного ствола, без ног, но явственно сидящего на помосте, с лицом подобным человеческому, но очень смутным; но с тех пор она видела его в облике мужчины, иногда красного, иногда черного. Что она часто видела, как он приближает раскаленное железо к детям, которых подводили к нему, но она не знает, клеймил ли он их таким образом. Что она никогда не целовала его, с тех пор как вступила в сознательный возраст, и не помнит, целовала она его раньше или нет; но она видела, что, когда кто-либо подходил воздать ему почести, он подставлял для поцелуя иногда лицо, иногда зад, как ему нравилось и по его выбору. Что она получала исключительное удовольствие от посещений шабаша, так что каждый раз, когда ее звали туда, она шла точно на свадебный пир; не столько из-за свободы, которую они там обретали, и позволения вступать в связь друг с другом (о чем она бесстыдно сказала, что никогда этого не делала и не видела, чтобы делали другие), но потому, что дьявол так крепко держал их души

и волю, что едва ли было позволено проникнуть в нее иному желанию. Кроме того, ведьмы верили, что они попадают в место, где можно увидеть бесчисленное множество чудес и небылиц и где они слышат такое великое многообразие музыкальных инструментов, что приходят в полный восторг и верят, что находятся в некоем земном раю. Более того, дьявол убеждает их, что страх перед адом, неотвратимость коего они предчувствуют, — это лишь недомыслие; и дает им понять, что вечная кара повредит им не более, чем некий обманный огонь, который он велит им зажигать хитростью, а затем заставляет их входить в него и возвращаться без вреда для себя. И еще более того: они видят там такое множество священников, своих пасторов, кюре, викариев и духовников, и других людей разных сословий, среди которых такое множество отцов семейства и так много знатных дам из лучших родов этой страны, так много людей в масках, которых они считали вельможами, потому что те скрывали себя и желали остаться неузнанными, что они полагали и считали для себя великой честью и большой удачей быть принятыми в этом обществе.

Мария д'Эспилетт, девятнадцатилетняя девушка, жившая в Гандайе, призналась, что начиная с семилетнего возраста она часто посещала шабаш и что впервые ее взяла туда с собой Катерина де Молере, которую впоследствии казнили за то, что она причинила смерть человека при помощи колдовства. Мария рассказала, что прошло уже два года с тех пор, как она прекратила свою связь с Сатаной. Дьявол, по ее словам, появлялся в облике козла, имел хвост, а под ним лицо черного человека, которое она была принуждена целовать, и что его заднее лицо не обладало даром речи, но они были обязаны воздавать ему почести и целовать его. И еще упомянутая Молере дала ей семь жаб на содержание. И еще упомянутая Молере перенесла ее по воздуху на шабаш, где она увидела людей танцующих, с виолами, трубами и маленькими барабанами, которые издавали чудесные

Илл. XXXVIII. Шабаш ведъм по де Ланкру, 1613 г.

созвучия. Далее она показала, что на упомянутых собраниях царили всемерные наслаждения и радости и что участники предавались любви друг с другом в полной свободе пред всем миром. Что некоторые занимались тем, что отрезали головы жабам, тогда как другие делали из них отраву; и что они делали яды как на шабаше, так и дома.

Описав различные виды ядов, приготавливаемых в этих обстоятельствах, де Ланкр переходит к сообщению свидетельских показаний других очевидцев насчет подробностей шабаша. Жанетта де Беллок, по прозвищу Атсоа, девица двадцати четырех лет, заявила, что в детстве ее сделала ведьмой женщина по имени Ойларчахар, которая впервые взяла ее на шабаш и там представила дьяволу; а после смерти той ее место заняла Мари Мартэн, дама из рода Адамхорена. Где-то в феврале 1609 года Жанетта исповедовалась священнику, который был племянником мадам Мартэн, и тот пришел к своей тетке и попросту приказал ей никогда больше не брать девочку на шабаш. Жанетта сказала, что на этих пышных празднествах все целовали заднюю часть дьявола, кроме знатных ведьм, которые целовали его в лицо. Согласно ее рассказу, детей по достижении ими возраста двух-трех лет, или как только они начинали говорить, заставляли отречься от Иисуса Христа, Девы Марии, собственного крещения и прочего и с этого момента их учили поклоняться дьяволу. Она описала шабаш как подобие ярмарки, богатой всевозможными товарами, среди которых одни посетители разгуливали в своем истинном виде, другие же были превращены неведомым ей способом в собак, кошек, ослов, лошадей, свиней и других животных. Маленькие мальчики и девочки пасли скот шабаша — множество жаб в ручье, — держа в руках маленькие белые прутики, и им не было позволено приближаться к основному скоплению ведьм; тогда как другие, постарше, но еще не пользующиеся достаточным признанием, были отделены от них и про-

ходили нечто вроде ученичества, в течение которого им позволялось только смотреть на действия взрослых. Этим последним было два рода: некоторые были закутаны в покрывала, что заставляло бедняков думать, будто это были люди высокого звания и положения, которые не хотели быть узванными в таком месте; другие были раздеты и открыто пускались в пляс, вступали в сексуальные сношения, готовили яды и исполняли иные дьявольские задачи; и этим не было позволено приближаться так близко к «хозяину», как тем, кто был закутан. Святая вода, используемая на шабаше, была мочой дьявола. Девушка указала на двух обвиняемых, которых она видела на шабаше играющими на барабане и скрипке. Она рассказала, что постоянно видела множество прибывающих и отбывающих; последние направлялись творить зло, первые — отчитываться о том, что сделали. Они отправлялись к морю, даже до самого Ньюфаундленда, куда уходили за рыбой их мужья и сыновья, чтобы поднять шторм и подвергнуть опасности их корабли. Эта свидетельница дала также показания об огнях шабаша, в которые ведьмы бросались, не претерпевая ни малейшего ущерба. Она видела завсегдатаев шабаша, которые умели показаться большими, величиной с дом, но она никогда не видела, чтобы они превращали себя в животных, хотя всевозможные животные сновали на шабаше там и тут.

Жанетта д'Абади, шестнадцатилетняя жительница Сиборо, показала, что впервые ее привела на шабаш женщина по имени Гратьен; что последние девять месяцев она опасалась и делала все, что могла, чтобы освободиться от этого зловредного влияния. В течение первых трех из этих девяти месяцев, поскольку она бодрствовала дома ночью, дьявол переносил ее на шабаш среди бела дня; а в течение следующих шести, вплоть до 16 сентября 1609 года, она побывала на них всего дважды, поскольку береглась и была начеку даже в церкви. Последний раз она была там 13 сентября 1609 года, ка-

ковой случай назвала «необычайным и ужасным». Оказалось, что она, проведя ночь с субботы на воскресенье в церкви Сиборо, на рассвете отправилась спать домой и во время великой мессы дьявол пришел к ней и сорвал с ее шеи «фигу из кожи, которую она носила там, как носит несчетное множество людей»; эту *higo*, или фигу, она описала как «кисть руки, сжатую в кулак, где большой палец просунут между двумя пальцами, которая, как люди верят и потому носят, есть средство против всех чар и волшебства; а поскольку дьявол не носит этот кулак, она сказала, что он не осмелился унести его, но оставил на пороге двери в комнату, в которой она спит». Эта Жанетта сказала, что, в первый раз попав на шабаш, она видела там дьявола в облике мужчины, черного и омерзительно страшного, с шестью рогами на голове, а иногда восемью и длинным хвостом сзади, одним лицом спереди и другим позади головы, как изображают бога Януса. Гратьен, представляя ее, получила в награду горсть золота; а затем дитя-жертва принуждена была отречься от своего Создателя, Девы, крещения, отца, матери, родных, неба, земли и от всего на свете, и тогда от нее потребовали поцеловать демона в зад. Отречение она обязана была повторять всякий раз, как являлась на шабаш. Она добавила, что дьявол часто заставлял ее целовать его в лицо, в пуп, в член и в зад. Она часто видела детей ведьм, которых крестили на шабаше.

Еще одна церемония представляла собой крещение жаб. Эти животные составляли важный элемент этих старинных народных оргий. На одном из шабашей дама танцевала с четырьмя жабами на теле, по одной на каждом плече и по одной на каждом запястье; последние восседали как охотничьи ястребы. Жанетта д'Абади в своих откровениях пошла дальше, коснувшись еще более отталкивающих черт этого действия. Касательно творившегося там распутства она сказала, что видела, как собравшиеся соединялись кровосмесительно и вопреки всем порядкам природы, и даже обвинила себя в том,

что была лишена девственности Сатаной и что бесчисленное число раз была познана своими родственниками и другими, кто бы ни просил ее. Она всегда сопротивлялась объятиям дьявола, потому что они причиняли ей несказанную боль, и еще она добавила, что все, исходившее от него, было холодным и никогда не вызывало беременности. Никто никогда не беременел на шабаше. Вне шабаша она никогда не совершала греха, но на шабаше она испытывала невероятное наслаждение при этих актах совокуплений, которыми она хвасталась, останавливаясь в описании их на мельчайших подробностях, причем языком столь непристойным, что вызвал бы краску стыда на лицах самых испорченных женщин всего мира. Она описывала также столы, уставленные видимыми яствами, которые, однако, оказывались либо невещественными, либо отвратительными на вкус.

Далее эта свидетельница заявила, что на шабаше она видела множество мелких демонов, не имеющих рук, которые трудились, разжигая большой костер, куда они швыряли ведьм, и те высказывали, не обжегшись; и еще она видела, как великий мастер собрания бросился в огонь и остался там, пока не сгорел, превратившись в пепел, и этот пепел использовали ведьмы, дабы зачаровать маленьких детей и заставить их добровольно прийти на шабаш. Она видела там священников, которых хорошо знала, и назвала имена некоторых из них, служивших мессу на шабаше, тогда как демоны занимали места у алтаря в облике святых. Иногда дьявол прокалывал место под мизинцем на левой ноге чародея и пускал кровь, которую он сосал, и после этого из такого человека никогда не могли выпытать признания; и она назвала, как пример, священника по имени Франсуа де Бидегарая из Бордегайна, которого действительно не смогли заставить сознаться. Она назвала и многих других из тех, кого видела на шабашах, в том числе человека по имени Андуиц, чьей обязанностью было созывать ведьм и колдунов на эти встречи.

Де Ланкр говорит, что многие в своих показаниях рассказывали, какие необыкновенные удовольствия и наслаждения они испытывали на этих шабашах, в результате чего и мужчины и женщины с великим рвением стремились попасть туда вновь и вновь. «Женщина удовлетворяла свою похоть на глазах у своего мужа, не вызывая ни подозрения, ни ревности, он даже часто выступал в роли сводника; отец без стыда лишал свою дочь ее девства; мать совершала то же со своим сыном; брат с сестрой; отцы и матери приносили туда и представляли там своих детей».

Танцы на шабаше были по большей части неприличные, в том числе всем известная сарабанда, и женщины танцевали их иногда в нижних рубашках, но чаще всего совершенно обнаженными. Танцы состояли главным образом из неистовых движений; и сам дьявол часто присоединялся к ним, беря в партнерши наикрасивейшую женщину или девушку. Рассказ де Ланкра об этих танцах так подробен и любопытен, что здесь лучше дать слово ему самому:

«Ежели истину говорят, что ни одна женщина или девушка не возвращалась с бала такой же чистой, какой отправлялась туда, то сколь же нечистой должна возвращаться та, которая предалась прискорбному умыслу отправиться на бал демонов и злых духов, которая танцевала рука об руку с ними, которая целовала их распутным образом, которая отдавалась им как добыча, воздавала им почести и даже совокуплялась с ними? Вот поистине лживое непостоянство; ибо сие не просто похоть или даже бесстыдство шлюхи, но совершеннейшее безумие, недостойное милости, что оказал ей Господь, приведя ее в мир и дав ей родиться христианкой. В некоторых местах мы велели юношам и девицам танцевать так же, как они танцевали на шабаше, именно дабы отвратить их от подобной нечистоты, внушив им, до какой степени самые скромные из этих движений были мерзостны, низки и не подобали добродетельной деве, а также

потому, что, когда этих ведьм обвинили, большинство из них, которым среди прочего вменили в вину то, что они танцевали под водительством дьявола, а иногда возглавляли танец, отрицали все и говорили, что эти девицы были введены в заблуждение и что они не знали, как изобразить фигуры танца, который они видели на шабаше. Это были юноши и девицы привлекательного возраста, которые уже были на пути к спасению еще прежде нашей комиссии. Поистине некоторые из них были уже совершенно далеки от этого и уже некоторое время более не бывали на шабаше; другие еще боролись за избавление и, будучи еще на пути, ночевали в церкви, исповедовались и причащались, дабы вырваться полностью из когтей Сатаны. Теперь говорят, что они танцевали, всегда обернувшись спиной к центру танца, по какой причине девицы настолько привыкли заносить руки за спину в этом круговом танце, что все их тело следовало этому движению, отчего они были изогнуты назад, а руки их вывернуты в стороны; поэтому большинство из них имели живот довольно большой, выпяченный и раздутый, и они слегка горбились. Я не знаю, вызвано ли это было танцами, или же нечистой и жалкой пищей, которую они принуждены были есть. Однако они и вправду чрезвычайно редко танцуют порознь, то есть один мужчина с одной женщиной или девушкой, как мы делаем в наших гальярдах; так они говорили и уверяли нас, что они танцевали там только три вида бранлей, или бравлей, обычно сводя плечи друг к другу, и спиной каждый был повернут в круг танца, а лицом наружу. Первый — богемский танец, ведь странствующие богемцы сами по себе также наполовину дьяволы; я говорю о тех длинноволосых людях, не имеющих родины, что по происхождению своему ни египтяне, ни из королевства Богемского, но появляются на свет повсюду, где бы ни лежал их путь, и, проходя по сельским землям, в полях и в рощах, они начинают танцевать и выделять колдовские

фокусы, как на шабаше. Они потому столь многочисленны в Лабуре, что свободно приходят из Наварры и Испании.

Второй танец с прыжками, какие наш трудовой люд имеет обыкновение танцевать в городах и селениях, на улицах и полях; и эти два танцуются в кругу. Третий танцуются также оборотясь спиной, но все выстраиваются в одну линию и, не разъединяя рук, сходятся так близко, что касаются друг друга и встречаются спина к спине, мужчина с женщиной; и в заданном ритме они сталкиваются и ударяются друг о друга бесстыдно своими задними частями. И также говорили нам, что дьявол, повинувшись своей странной прихоти, не заставляет их всех располагаться по порядку, со спинами обернутыми к началу танца, как обычно все рассказывают; но один повернут спиной, а другой нет, и так до конца цепочки... Они танцуют под музыку тамбуринов и флейт, а иногда под длинный инструмент, который они вешают на шею, и оттуда он протягивается примерно до пояса, и по которому они ударяют маленькой палочкой; иногда под виолу (скрипку). Но это не единственные инструменты шабаша, поскольку мы знаем от многих, что там можно видеть всякие инструменты, издающие такую гармонию, что ни одно исполнение в мире не сравнится с нею».

Нет ничего более примечательного, чем то жгучее любопытство, с которым эти честные комиссары задавали свидетелям вопросы, касающиеся сексуальных особенностей и возможностей демона, и то необычайное удовлетворение, с которым де Ланкр придает всему этому литературную форму. Все они стремились показать полное тождество этих оргий с оргиями древнего культа Приапа, чьим воплощением, несомненно, являлся на шабаше Сатана. Юная ведьма Жанетта д'Абади рассказала, что видела на шабаше мужчин и женщин, вступающих в беспорядочные совокупления, и как демон сводил их в пары в самых противостественных сочетаниях — дочь с отцом, мать с сыном,

сестру с братом, невестку со свекром, кающуюся с ее исповедником, невзирая на возраст, сословие или родственные связи, и сама она призналась, что несметное число раз отдавалась немцу — кузену ее матери и не-считному множеству других мужчин. Многократно повторив все, что она рассказала ранее касательно бесстыдства шабаша, эта девушка заявила, что она была лишена девственности дьяволом в тринадцать лет — обычно это происходило в возрасте двенадцати лет — и что они никогда не беременели, ни от него, ни от кого-либо из колдунов шабаша; что она никогда не чувствовала чего-либо, исходящего от дьявола, кроме как в первый раз, когда оно было очень холодное, но что с колдунами это было так же, как с другими мужчинами. Что дьявол избирал наикрасивейших из женщин и девушек для себя, и одну он обычно делал своей королевой на собрании. Что они страдали чрезвычайно, когда он совершал соитие с ними, вследствие того, что его член был покрыт чешуей, подобно рыбе. Что вытянутый он был длиной в ярд, но что он обычно был изогнут. Мария д'Эспилетт, девушка девятнадцати или двадцати лет от роду, которая также призналась, что часто имела сношения с Сатаной, сообщила, что его член примерно в половину ярда длиной и умеренной толщины. Маргерита, девушка лет шестнадцати—семнадцати из Сара, сказала, что он подобен члену мула и длиной и толщиной как человеческая рука. Более по этой теме читатель найдет собственно в тексте де Ланкра. Дьявол, как мы выяснили далее, предпочитает замужних женщин незамужним, потому что в этой связи больше греха, ибо нарушение верности является большим преступлением, нежели простой блуд.

Дабы придать более правдивости своему рассказу о шабаше, де Ланкр составляет все факты, собранные из признаний его жертв, в единую картину, которая иллюстрирует второе издание его книги и на которой изображенное во всей полноте зрелище предстает пе-

ред нами столь живо, что мы воспроизвели ее факсимиле в настоящем издании (см. илл. XXXVIII).

Различные группы, как будет видно далее, отмечены прописными буквами. Буквой А отмечен Сатана, сидящий на своем позолоченном троне, с пятью рогами, средний из которых горит огнем, от которого зажигают все свечи и костры шабаша. В — королева шабаша, восседающая по правую его руку, тогда как другая ведьма, тоже фаворитка, хотя и более низкого уровня, сидит по левую. С — ведьма, представляющая ребенка, которого она совратила. D — ведьмы, каждая со своим демоном, сидят за столом. Е — компания из четырех ведьм и колдунов, которым позволено только наблюдать, они не допущены к главным церемониям. F — «как гласит старая пословица, *Après la pance, vient la dance*», ведьмы и их демоны встали из-за стола и увлечены одним из подробно описанных выше танцев. G — музыканты играют на инструментах; именно под эту музыку и танцуют ведьмы. H — группа женщин и девушек, которые танцуют, повернувшись спиной к центру танца. I — установленный над костром котел, в котором варятся всевозможные яды и пагубные зелья. K — в то время как все это происходит, множество ведьм прилетают на шабаш, одни верхом на посохах и метлах, другие на козлах, неся с собой детей, чтобы предложить их Сатане; другие ведьмы отбывают с шабаша, уносясь по воздуху к морю и в отдаленные края, где они поднимают шторм и бури. L — «знатные господа и дамы и другие богатые и могущественные люди, которые развлекаются великолепием шабаша, где они появляются закутанными, а женщины в масках, дабы они могли всегда оставаться неузнанными и хранить тайну». Наконец, под буквой M мы видим маленьких детей, которые в некотором удалении от общей суеты пасут жаб.

Произведя обзор необычайных картин, которые разворачиваются в этих ведьминских показаниях, мы были поражены не только их общим сходством между собой, хотя показания давались в разных краях, но

также поразительным сходством деталей между происходящим на шабаше и тайными собраниями, в которых обвиняли тамплиеров. В обоих случаях мы имеем представление-инициацию, отречение от Христа и принесение обета новому господину, скрепленное непристойным поцелуем. Это именно то, чего следовало ожидать. Сохраняя в тайне религиозный культ после того, как его открытое отправление было объявлено вне закона, вполне естественно, если не необходимо, требовать от посвящаемого решительного отречения от новой, назойливо навязываемой веры, а также не только слов, но и действий, которые компрометируют его целиком и полностью. Большое число и тяжесть свидетельств, несомненно, должны удостоверить, что подобные тайные ритуалы были распространены среди тамплиеров, хотя не очевидно, что они господствовали во всем ордене; и схожесть откровений ведм на всех допросах, в какой бы стране они ни производились, доказывает, что в их основе также лежало истинное явление. Мы считаем безусловно доказанным, что приапические оргии и другие регулярные собрания культа, соответствующего этим признакам, которые мы описали в более ранней части нашего очерка, продолжались еще долго после падения римского владычества и установления христианской религии. Сельское население, по большей части находящееся в рабском положении, чья нравственность или собственные обычаи мало принимались во внимание другими классами общества, могло в краях столь редконаселенных собираться по ночам в укромной местности, нисколько не боясь наблюдения. Там они, вероятно, предавались приапическим обрядам, за которыми следовали древние приапические оргии, и эти ритуалы постепенно деградировали, но благодаря воздействию возбуждающих снадобий, как описано у Мишле, становились еще необузданнее, чем раньше.

Они превратились, как Мишле их изображает, в сатурналии рабов. Состояние ума, порожденное возбуж-

дением, должно было заставлять тех, кто принимал в них участие, легко верить в действительное присутствие существ, которым они поклонялись и которые, согласно доктринам церкви, были всего лишь сборищем бесов. Вот откуда на сцену является дьявольская сила. Таким образом мы легко выводим происхождение всех фактов и всех событий шабаша ведьм. Там, где этот древний культ почитался в среднем или в более высоких классах общества, в распоряжении которых имелись другие способы сохранения секретности, он принимал менее вульгарные формы и проявлялся в создании тайных сект и сообществ, таких как различные гностические секты, штедингцы, тамплиеры и другие менее значительные тайные общества более или менее безнравственного характера, которые, без сомнения, продолжали существовать еще долгое время после того, как то, что мы называем Средневековьем, кануло в прошлое. Как мы упоминали ранее, эти средневековые обычаи были распространены по большей части в Галлии и на юге, где влияние римского образа жизни и суеверий было наиболее сильным.

Культ производительных органов, как олицетворения плодотворного, защищающего и оберегающего могущества природы, был распространен повсеместно — не говоря уже о его тайных ритуалах, — как мы вполне доказательно установили на предшествующих страницах; и нам осталось добавить, что, возможно, последний след его, который еще можно обнаружить сегодня на наших островах, сохранился на западных берегах Ирландии. Неподалеку от побережья Майо есть маленький островок под названием Иннискеа, который населяет примитивный и неразвитый народ и на котором, хотя его название и происходит от имени некой святой (это *insular sanctæ Geidhe* ирландских агиографов), не имеется ни одного католического священника. И в самом деле, его обитатели, как нам известно из интересного комментария к «Запискам и вопросам» сэра Дж. Эмерсона Теннента, попросту являются идолопо-

клонниками, а их идол, без сомнения, представляющий типичный приапический образец — длинный цилиндрический камень, который у них зовется *Neevougee*. Этот идол хранится, обернутый фланелью, на попечении старой женщины, которая выступает в роли жрицы. Его вынимают и поклоняются ему в определенные периоды, когда шторма мешают рыбной ловле, благодаря которой главным образом население острова добывает средства к существованию; а временами его, наоборот, выставляют напоказ, чтобы поднять шторм, который может вызвать кораблекрушение и выбросить обломки на берег острова. Мне сообщили, что название *Neevougee* означает попросту множественное число от слова «челнок», и оно может, вероятно, иметь какое-то отношение к роду занятий рыболовов.

СОДЕРЖАНИЕ

РАССУЖДЕНИЕ О КУЛЬТЕ ПРИАПА. <i>Ричард Найт</i>	7
КУЛЬТ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ. <i>Томас Райт</i>	133

**Найт Ричард
Райт Томас**

СЕКСУАЛЬНАЯ СИМВОЛИКА

Легенды и тайны

Ответственный редактор *Ю.И. Шенгеля*
Художественный редактор *И.А. Озеров*
Технический редактор *Н.Н. Должикова*
Корректоры *М.Г. Смирнова, А.В. Максименко*

Подписано в печать 19.04.2010.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская. Гарнитура «Ньютон».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,44. Уч.-изд. л. 12,88.
Тираж 3 000 экз. Заказ №

ЗАО «Издательство Центрполиграф»
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@CNPOL.RU

WWW.CENTRPOLIGRAF.RU

Отпечатано в полиграфическо-издательском комплексе «Идел-Пресс»
Республика Татарстан, г. Казань, ул. Декабристов, 2